

Э.Б. Кондильяк

ТРАКТАТ
ОБ
ОЩУЩЕНИЯХ

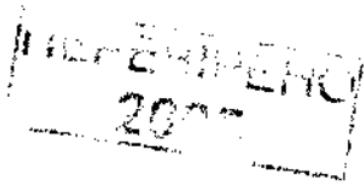
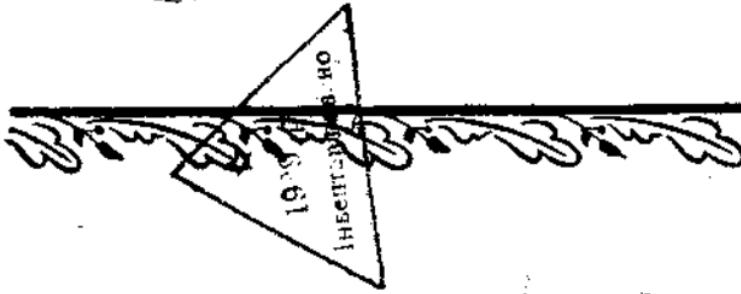
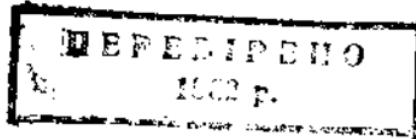
Соцэкгиз 1935

Э. Б. де Кондильяк

КЛАССИКИ ФИЛОСОФИИ

Документ

E·B DE CONDILLAC

TRAITÉ
DES
SENSATIONS

Moskou 1935

К64

1954
Э. Б. де КОНДИЛЬЯК

ТРАКТАТ
ОБ
ОЩУЩЕНИЯХ

Редакция и вступительная статья
Е. СИТКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1935

**Оформление художника
В. А. СЕЛЕНГИНСКОГО**

Редактор Е. Ситковский

Технический редактор Е. Этингер

Сдано в набор 8/III 1935 г. Подписано к печати 11/VIII 1935 г.
Формат бум. 82×110/32. Печ. л. 18. Зн. в п. л. 30170. Огив № 1471.
Заказ № 388. Тираж 10 000 экз. Уполномоченный Главлита Б-1698.
Цена 3 руб. 50 к., переплет 1 руб. 25 к.

16-я типография треста «Полиграфнинга», Трехпрудный пер., д. 9.

ВАЖНОЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ЧИТАТЕЛЮ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ
ИЗ «ТРАКТАТА
ОБ ОЩУЩЕНИЯХ»

ВАЖНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Я забыл предупредить читателя об одной вещи, которую я должен был бы упомянуть и может быть повторить в нескольких местах предлагаемого труда. Но я рассчитываю, что настоящеe заявление сможет заменить эти повторения, не имея в то же время их неудобств. Итак, я предупреждаю читателя, что очень важно поставить себя в точности на место статуи, которую мы собираемся наблюдать. Надо начать существовать вместе с ней, обладать только одним органом чувств, когда у нее будет только один такой орган; приобретать лишь те идеи, которые она приобретает; усваивать лишь те привычки, которые она усваивает,—одним словом, надо быть лишь тем, что она есть. Она сумеет судить о вещах, подобно нам, лишь тогда, когда она будет обладать всеми нашими органами чувств и всем нашим опытом, а мы сумеем судить, подобно ей, лишь тогда, когда мы предположим себя лишенными всего того, чего ей нехватает. Я полагаю, что читатели, которые поставят себя в точности на ее место, без труда поймут предлагаемый труд; другие же читатели выдвинут против меня бесчисленные возражения.

В данный момент еще трудно понять, что представляет собой та статуя, которую я собираюсь наблюдать, и настоящеe предупреждение несомненно покажется неуместным, но это только лишний довод в пользу того, чтобы обратить на него внимание и в дальнейшем помнить о нем.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ТРАКТАТА ОБ ОЩУЩЕНИЯХ

Главная задача предлагаемого труда — показать, каким образом все наши знания и все наши способности происходят из чувств (*sens*) или, выражаясь точнее, из ощущений (*sensations*), ибо, по сути дела, чувства являются лишь поводом (*cause occasionelle*). Чувствуют не они, чувствует только душа по поводу органов, извлекая из модифицирующих ее ощущений все свои познания и все свои способности.

Это исследование может оказать неизмеримую пользу искусству рассуждения; оно одно может довести его до его первых начал. Действительно мы сумеем открыть надежный способ руководить постоянно нашими мыслями лишь тогда, когда мы узнаем, каким образом они возникли. Чего ожидать от философов, вечно апеллирующих к какому-то инстинкту, которого они не в состоянии определить? Неужели можно надеяться уничтожить источник наших заблуждений, предоставляя нашей душе действовать столь таинственным образом? Нет, мы должны начать наблюдать себя с первых испытываемых нами ощущений, мы должны вскрыть причину наших первых операций, добраться до источника наших идей, показать их происхождение, проследить за ними до границ, поставленных нам природой; одним словом, мы должны, как выражается Бэкон, возродить весь человеческий разум.

Но, могут возразить нам, все уже сказано, когда вслед за Аристотелем повторяют, что наши знания происходят из чувств. Всякий, не лишенный ума человек, способен проделать эту столь необходимую, по-вашему, работу, и нет ничего столь бесполезного, как подробно останавливаться вместе с Локком на этих частностях. Аристотель поступал гораздо умнее, довольствуясь тем, чтобы втиснуть всю систему наших знаний в одну общую формулу.

Я согласен с тем, что Аристотель был одним из величайших гениев древности, и лица, выдвигающие это возражение, обнаруживают конечно большое остроумие. Но чтобы убедиться в том, сколь мало

основателен их упрек по адресу Локка и насколько им было бы полезно изучить взгляды этого философа, вместо того чтобы критиковать его, достаточно послушать их рассуждения или прочесть их произведения, если только они писали по философским вопросам.

Если бы эти люди обладали наряду со строгим методом большей ясностью и точностью изложения, то они имели бы некоторое право считать бесполезными усилия метафизики познать человеческий разум; но есть основание предположить, что они высказывают такое уважение к Аристотелю лишь для того, чтобы иметь право презирать Локка—презирать в надежде вызвать этим презрение ко всем метафизикам.

Уже давно было сказано, что все наши знания происходят из чувств. Однако перипатетики еще так плохо понимали эту истину, что, несмотря на всю талантливость некоторых из них, они никогда не сумели развить ее, и по истечении ряда веков ее пришлось заново открыть.

Нередко случается, что философы высказываются в пользу истины, не зная даже ее; в этих случаях они либо повинуются общему течению, следуют за мнением большинства, либо, более честолюбивые, чем послушные, они сопротивляются, борются со взглядами большинства и иногда увлекают его за собою.

Таким именно образом возникли почти все секты; часто их учения носили произвольный характер, но некоторые из них должны были неизбежно оказаться правыми, ибо они всегда противоречили друг другу.

Я не знаю, чем руководствовался Аристотель, выдвинув свой тезис о происхождении наших знаний. Но я знаю, что он не оставил нам никакого труда, в котором был бы развит этот тезис, и кроме того—что он старался во всем придерживаться взглядов, диаметрально противоположных взглядам Платона.

Непосредственно за Аристотелем, минуя прочих философов, писавших по тому же самому вопросу,

мы имеем Локка. Этот английский мыслитель несомненно пролил на него много света, но он все же не выяснил его до конца. Мы увидим, что от его внимания ускользнуло большинство суждений, примешивающихся ко всем нашим ощущениям; что он не понял, насколько нам необходимо научиться осязать, видеть, слышать и т. д., что все способности души он принял за врожденные качества, не подозревая, что они могут происходить просто из самого ощущения.

Он так недостаточно еще разбирался в теории человека в целом, что без Молине (Molineux) он может быть никогда не заметил бы, что к ощущениям зрения примешиваются суждения. Он определенно отрицал это по отношению к другим органам чувств. Словом, он считал, что мы пользуемся ими естественным образом, благодаря своего рода инстинкту, без всякого содействия размышления (reflexion).

Г. де Бюффон, пытавшийся написать историю наших мыслей, приписывает сочиненному им человеку наличие у него сразу привычек, которые он должен был бы заставить его приобрести. Он не заметил той серии суждений, при помощи которых развивается каждое чувство. Он утверждает, что у животных первым появляется чувство обоняния, что оно одно заменяет у них все другие чувства и что с первых мгновений жизни, т. е. следовательно до того, как животные получили уроки от чувства осязания, оно определяет и направляет все их движения.

«Трактат об ощущениях» — единственное сочинение, в котором у человека отняли все его привычки. В нем показывается на основании наблюдения ощущения в его возникновении, как мы научаемся пользоваться нашими способностями; те, кто хорошо поймет нашу теорию ощущений, должны будут признать, что нет больше необходимости обращаться к туманным словам об инстинкте, машинальном движении и подобным выражениям; во всяком случае, если ими станут пользоваться то смогут составить себе о них точное представление.

Но чтобы выполнить поставленную себе этим трудом задачу, абсолютно необходимо было выяснить

принципы всех наших операций; поэтому их здесь никогда не упускают из виду. В настоящем извлечении достаточно указать на это.

Если бы для человека не представляло интереса заниматься своими ощущениями, то впечатления, производимые на него предметами, проходили бы, как тени, не оставляя никаких следов. По истечении нескольких лет он был бы таким же, как и в первое мгновение, не приобретя никаких познаний и не обладая никакими другими способностями кроме ощущения. Но природа его ощущений не дает ему пребывать в этой летаргии. Так как они неизбежным образом либо приятны, либо неприятны, то он заинтересован в том, чтобы искать одних и избегать других, — отчего контраст между удовольствиями и страданиями, тем сильнее он действует на душу.

Отсутствие какого-нибудь предмета, который мы считаем необходимым для нашего счастья, вызывает нас то неприятное состояние, то беспокойство, которое мы называем *потребностью* и из которого исходят желания. Потребности эти повторяются независимости от обстоятельств, часто даже образуют новые потребности, и это способствует развитию наших знаний и наших способностей.

Лонк первый заметил, что беспокойство, вызываемое отсутствием какого-нибудь предмета, является принципом наших решений. Но он выводит это беспокойство из желания, между тем как верно как и обратное; кроме того он проводит между желанием и потребностью большее различие, чем это имеется в действительности; наконец он рассматривает влияние беспокойства лишь у человека, пользующегося всеми своими чувствами и всеми своими способностями. Таким образом осталось доказать, что это беспокойство есть тот первый принцип, который порождает в нас привычки осязать, видеть, слышать, обонять, пахнуть, сравнивать, судить, размышлять, жечь, любить, ненавидеть, бояться, надеяться, что, этим словом, благодаря ему возникают все душевные и телесные привычки.

Для доказательства этого необходимо было пойти

далее этого философа. Но так как мы не в состоянии наблюдать свои первые мысли и свои первые движения, то оставалось обратиться к догадкам, т. е. оставалось составить себе различные предположения.

Но недостаточно было дойти в нашем анализе до ощущения вообще. Чтобы понять ход развития всех наших знаний и всех наших способностей, важно было вскрыть то, чем мы обязаны каждому чувству в отдельности, и проделать таким образом работу, которая до сих пор еще не была сделана. Так возникли четыре части «Трактата об ощущениях».

В первой части исследуются те чувства, которые сами по себе не могут судить о внешних предметах.

Во второй части исследуется чувство осознания, т. е. то единственное чувство, которое способно само по себе судить о внешних предметах.

В третьей части исследуется, каким образом чувство осознания научает другие чувства судить о внешних предметах.

В четвертой части рассматриваются потребности, идеи и деятельность (*industrie*) изолированного человека, пользующегося всеми своими чувствами.

Мы видим таким образом, что задача предлагаемого труда — показать, каковы идеи, которыми мы обязаны каждому нашему чувству, и каким образом чувства эти, взятые вместе, дают нам все знания, необходимые для нашего самосохранения.

Таким образом вся теория человека, теория, все части которой связаны друг с другом и взаимно поддерживают друг друга, зиждется на ощущениях. Она представляет собой взаимное сцепление истин: первые наблюдения подготовляют те, которые должны следовать за ними, последние подтверждают те, которые предшествовали им. Если например, прочтя первую часть, начинают думать, что может быть глаз не в состоянии судить сам собою о величинах, фигурах, положениях и расстояниях, то в этом окончательно убеждаются, когда узнают в третьей части, как чувство осознания сообщает ему все эти идеи.

Если предлагаемая теория и построена на гипотезах, то все выводы из нее подтверждаются нашим

опытом. Так например не существует человека, обладающего одним только чувством обоняния; подобное существо не смогло бы заботиться о своем самосохранении; но для подтверждения правильности наших рассуждений о нем достаточно немногих размышлений над самим собою, показывающих нам, что мы можем быть обязаны чувству обоняния всеми идеями и всеми способностями, которые мы открываем у этого человека, и что при помощи одного этого чувства для нас было бы невозможно приобрести другие идеи и способности. Можно было бы ограничиться рассмотрением чувства обоняния, абстрагируясь от чувств зрения, слуха, вкуса и осязания; если же мы выдвинули некоторые дополнительные гипотезы, то потому, что они облегчают нам эту абстракцию.

РЕЗЮМЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Локк различает два источника наших идей: чувства и рефлексию. Правильнее было бы принять только один источник их как потому, что рефлексия является по своему происхождению просто тем же ощущением, так и потому, что она является не столько источником идей, сколько каналом, по которому они вытекают из чувств.

Как ни мелкой кажется эта ошибка, она вносит значительную неясность в его систему, ибо она мешает ему развить принципы ее. Поэтому названный философ ограничивается указанием, что душа воспринимает, мыслит, сомневается, верит, рассуждает, познает, желает, размышляет; что мы убеждены в существовании этих операций, ибо мы их находим в себе самих, и что они содействуют развитию наших знаний. Но он не счел необходимым вскрыть принцип и происхождение их, он не подозревал, что они может быть являются лишь приобретенными привычками. Поэтому он считал их чем-то врожденным человеку, утверждая только, что они совершенствуются благодаря упражнению.

В 1746 г. я сделал попытку объяснить происхождение способностей души. Попытка эта, показавшаяся новой, имела некоторый успех; но она обя-

зана была им моей туманной манере изложения. Действительно такова судьба открытый и таково влияние их на человеческий разум: ясное изложение делает их столь простыми, что читатель, читая вещи, о существовании которых он никогда не подозревал, думает в то же время, что он не узнал ничего нового.

Вот в чем заключается недостаток «Трактата об ощущениях». Встретив в начале книги утверждение: *суждение, размышление, страсти, одним словом, все душевные операции суть не что иное, как само ощущение в его различных превращениях*, читатель готов был видеть в нем какой-то лишенный тени доказательства парадокс; но лишь только он дочел книгу до конца, как у него возник соблазн сказать: *это совершенно простая, всем известная истина*. Немало читателей поддались этому соблазну.

Эта истина—главная тема первой части «Трактата об ощущениях». Но так как ее можно доказать, рассматривая зараз все наши чувства, то я не стану их обособлять в данный момент, и это даст нам повод представить этот тезис с новой точки зрения.

Если человек переживает одновременно множество ощущений одинаковой или почти одинаковой степени яркости, то он есть лишь ощущающее животное; опыт убеждает нас в этом случае, что обилие впечатлений лишает дух всякой активности.

Но оставим лишь одно ощущение или даже, не устранив целиком прочих ощущений, уменьшим только их интенсивность; тотчас же дух устремляется на сохранившее свою яркость ощущение, и это ощущение становится вниманием, причем нет нужды предположить что-нибудь дополнительное в душе.

Я например бываю мало внимателен или даже совершенно невнимателен к тому, что я вижу, если мою душу осаждают со всех сторон мои чувства, но ощущения зрения становятся вниманием, лишь только воздействию предметов начнут подвергаться одни только мои глаза. Однако испытываемые мною впечатления могут быть тогда столь обширными, разнообразными и многочисленными, что я замечаю массу вещей, не уделяя внимания ни одной из них; но лишь

только я остановлю свой взор на каком-либо одном предмете, как специфические ощущения, испытываемые мной от него, становятся моим вниманием по отношению к нему. Таким образом какое-либо ощущение становится вниманием либо потому, что оно одно имеется налицо, либо потому, что оно сильнее всех прочих ощущений.

Пусть какое-нибудь новое ощущение сделается более ярким, чем первое, и оно в свою очередь станет вниманием.

По чем сильнее первое ощущение, тем дольше сохраняется произведенное им впечатление. Это доказывается опытом.

Таким образом наша способность ощущения разделяется между испытанным нами раньше ощущением и ощущением, испытываемым нами в данный момент; мы воспринимаем их оба одновременно, но воспринимаем различным образом: первое кажется нам прошлым ощущением, второе—настоящим.

Воспринимать или ощущать оба эти ощущения—это одно и то же; но это чувство получает название *ощущения*, когда органы чувств испытывают впечатление в настоящий момент, и оно получает название *памяти*, когда это ощущение, не имеющее места в настоящий момент, представляется нам как ощущение, имевшее место в прошлом. Таким образом память есть лишь превращенное ощущение.

Благодаря этому мы оказываемся способными к двум видам внимания: одно функционирует благодаря памяти, а другое—благодаря органам чувств.

Раз существует двоякого рода внимание, то имеет место сравнение, ибо быть внимательным к двум идеям или сравнивать их—это одно и то же. Но нельзя сравнивать их, не замечая между ними какого-нибудь различия или сходства; замечать подобные отношения это значит *судить*. Следовательно акты сравнения и суждения представляют просто внимание: так ощущение становится последовательно вниманием, сравнением, суждением.

У сравниваемых нами предметов имеется множество отношений либо потому, что производимые ими

на нас впечатления совершенно различны, либо потому, что эти впечатления отличаются друг от друга лишь по степени, либо потому, что, будучи сходными, они комбинируются различно в каждом из предметов. В этом случае уделяемое нами им внимание охватывает сначала все вызываемые ими ощущения. Но так как внимание тогда разбрасывается, то наши сравнения оказываются туманными, улавливаемые нами отношения—расплывчатыми, а суждения наши—несовершенными или ненадежными; поэтому мы вынуждены переносить свое внимание с одного предмета на другой, рассматривая в отдельности их качества. Составив себе например суждение об их цвете, мы начинаем затем судить об их фигуре, чтобы перейти потом к суждению об их величине, и, рассмотрев таким образом все вызываемые ими в нас ощущения, мы находим с помощью ряда сравнений и суждений существующие между ними отношения; в итоге этих суждений получается составляемая нами о каждом из них идея. Такого рода процесс внимания подобен свету, отражающемуся (*réfléchit*) от одного тела на другое, освещая их оба, и я называю его *размышлением* (*réflexion*). Ощущение, бывшее раньше вниманием, сравнением, суждением, становится теперь размышлением.

Этого достаточно, чтобы дать представление о том, каким образом анализируются способности разума в «*Трактате об ощущениях*», и чтобы показать, что не просто страсть к обобщениям заставила меня вывести их все из одного источника. Это—теория, возникшая как бы спонтанейно, что придает ей только большую прочности. Я прибавлю только несколько слов, чтобы объяснить также возникновение способностей воли.

Нам иногда особенно трудно объяснить наиболее привычные нам ощущения. Примером этого является то, что мы называем *желанием*. Мальбрэн определяет его как *движение души* и, говоря это, он повторяет ходячее мнение. Философы очень часто принимают какую-нибудь метафору за точное понятие. Впрочем Локка нельзя упрекнуть в этом, но, намереваясь

определить желание, он смешал его с вызывающей его причиной. Мы называем желанием, говорит он, беспокойство, испытываемое человеком благодаря отсутствию некоторой вещи, которая доставила бы ему удовольствие, если бы она имелась налицо. Мы скоро убедимся, что желание есть нечто отличное от этого беспокойства.

Безразличные ощущения получаются лишь в результате сравнения; само по себе каждое ощущение приятно либо неприятно; чувствовать себя и не чувствовать себя хорошо или плохо—это диаметрально противоположные выражения.

Следовательно именно удовольствие или страдание вызывают, поглощая собою нашу способность ощущения, то внимание, из которого вытекают память и суждения.

Таким образом мы можем чувствовать себя плохо или хуже, чем мы чувствовали себя раньше, лишь в результате сравнения состояния, в котором мы находимся, с состояниями,—которые мы уже испытали. Чем настойчивее мы проводим это сравнение, тем сильнее мы испытываем беспокойство, заставляющее нас думать, что для нас важно изменить свое состояние: мы испытываем потребность в чем-то лучшем. Вскоре память напоминает нам о предмете, который, по нашему мнению, способен содействовать нашему счастию, и моментально деятельность всех наших способностей устремляется к этому предмету. Эту деятельность способностей мы и называем желанием.

Действительно, что мы делаем, когда мы испытываем желание? Мы думаем, что нам необходимо пользование некоторым благом. Тотчас же наше размышление начинает заниматься исключительно этим предметом. Если он имеется налицо, то мы устремляем свой взор на него, мы протягиваем руки, чтобы схватить его. Если его нет налицо, то воображение воспроизводит его и ярко рисует удовольствие от пользования им. Таким образом желание есть не что иное, как деятельность тех самых способностей, которые мы приписываем разуму; устремляясь к предмету под влиянием беспокойства, причиняемого его

отсутствием, она направляет на него также деятельность телесных способностей. Но из желания рождаются страсти, любовь, ненависть, надежда, страх, воля. Таким образом все это есть тоже превращенное ощущение.

Подробнее все эти вещи изложены в «Трактате об ощущениях». В этом труде объясняется, как при переходе от одной потребности к другой, от одного желания к другому образуется воображение, зарождаются страсти, а душа приобретает с каждым моментом больше активности и поднимается от познания к познанию.

Автор старался, особенно в первой части, доказать влияние удовольствия и страдания. Принцип этот он не упускает из виду на протяжении всей книги и он не предполагает никогда никакой операции в душе статуи, никакого движения в ее теле, не указав определяющего это мотива.

В этой же первой части рассматриваются в отдельности и вместе чувства обоняния, слуха, вкуса и зрения; и прежде всего устанавливается тот тезис, что чувства эти сами по себе не дают нам никакого познания о внешних вещах. Если философы высказывались в противоположном смысле, если в своем заблуждении они предполагали, будто одно лишь обоняние способно управлять движениями животных, то это объясняется тем, что они не проанализировали ощущений и приняли за действие одного чувства результат действий нескольких чувств.

Существо, которое обладало бы только обонянием, чувствовало бы только себя в испытываемых им ощущениях. Если преподнести ему издающие запах тела, то оно будет испытывать ощущение своего существования; а если не преподнести их ему, то оно не будет ощущать себя. Оно существует для себя лишь благодаря запахам, лишь в запахах; оно себя считает—и не может не считать—самиими запахами.

Нетрудно признать эту истину, поскольку речь идет лишь об обонянии и слухе. Но привычка судить при помощи зрения о величинах, фигурах, положениях и расстояниях так сильна, что мы не представляем

себе, что было время, когда мы открывали глаза и не видели так, как мы видим теперь.

Нетрудно было избегнуть ошибочных рассуждений, порождаемых в этом вопросе предрассудками, поскольку я сам впал в такие ошибки в «*Опыте о происхождении человеческих знаний*» (*Essai sur l'origine des connaissances humaines*). Автор не счел нужным ответить на них в «*Трактате об ощущениях*», ибо это потребовало бы углубления в утомительные для проницательных читателей частности. Автор помогал, что его рассуждения о чувствах обоняния и слуха могут устраниТЬ все заблуждения, связанные с чувством зрения. Действительно, для этого достаточно рассуждать последовательным образом; впрочем это—нелегкое требование, когда приходится бороться с предрассудками.

Если обоняние и слух не дают никакого представления о внешних предметах, то это объясняется тем, что сами по себе они только модифицируют душу и не показывают ей ничего вовне. То же самое относится к зрению: конец луча, упирающийся в сетчатку, вызывает ощущение, но само по себе это ощущение не относится к другому концу луча; оно остается в глазу, оно не выходит за пределы его, и глаз в этом случае находится в таком же положении, что и рука, которая, совершая свое первое прикосновение, схватила бы конец палки. Ведь очевидно, что та рука знала бы только тот конец, который она схватит; она не могла бы еще открыть ничего другого своем ощущении. Восьмая глава второй части «*Трактата об ощущениях*» была написана для того, чтобы показать, насколько правильно это сравнение, и чтобы подготовить читателя к тому, что оставалось сказать о зрении.

Но, могут сказать, глаз не должен учиться у освещения различию цветов. Следовательно сам по себе он видит по крайней мере величины и фигуры. Если например ему показать красный шар на белом фоне, то он различит границы шара.

Различит! Вот слово, во всем значении которого не дают себе отчета. Способность различения не есть

нечто врожденное. Наш опыт показывает, что она совершенствуется; но если она совершенствуется, то значит она имела начало. Таким образом не следует думать, будто мы различаем, лишь только мы видим что-нибудь. Если например, показывая вам какую-нибудь картину, ее закрыли бы в то же самое мгновение покрывалом, то вы не могли бы сказать, что вы увидели. Почему? Потому что вы видели, не различая. Какой-нибудь художник сумел бы различить в этой картине больше подробностей, чем мы с вами, потому что его глаза более опытны. Но, хотя мы различаем на картине меньше, чем он, мы все же различаем больше, чем ребенок, который не видел никогда картин и глаза которого менее опытны, чем наши глаза. Переходя таким образом от лиц, различающих больше, к лицам, различающим меньше, мы убедимся, что начать различать что-нибудь можно лишь постольку, поскольку смотрят глазами, которые начинают разбираться в вещах.

Словом, я утверждаю, что глаз по природе видит все вещи, производящие на него некоторое впечатление, но я прибавляю к этому, что он различает лишь постольку, поскольку он научается смотреть; мы докажем, что для различения даже самой простой фигуры недостаточно видеть ее.

Нет ничего труднее, говорят далее, *как объяснить, каким образом осязание могло бы научить глаз воспринимать вещи, если бы пользование этим последним органом было абсолютно невозможно без помощи первого*; и это одно из соображений, заставляющих думать, что глаз видит сам собою величины и фигуры¹. Эта трудность будет разобрана в третьей части.

Наконец последняя задача первой части—показать сферу действия и границу различения чувств, о которых в ней говорится. В ней показано, как у статуи, обладающей только чувством обоняния, возникают частные идеи, абстрактные идеи, идеи числа; какого рода частные и общие истины она знает; какие она себе составляет понятия о возможном

¹ «Lettre sur les aveugles», p. 171.

и невозможном и как она судит о времени на основании последовательности своих ощущений.

В ней говорится о ее сне, о ее сновидениях, о ее — и доказывается, что со своим единственным чувством она обладает зародышем всех наших способностей.

Отсюда автор переходит к чувствам слуха, вкуса, зрения. Предоставив читателю задачу применить к ним соображения, высказанные по поводу чувства обоняния, автор останавливается лишь на том, что специфически свойственно им; если же он позволяет себе некоторые повторения, то для того, чтобы напомнить о принципах, которые при периодическом указании на них облегчают понимание всей теории.

С меня достаточно ограничиться указанием на эти частности, ибо они подробно развиты в ряде рассуждений, о которых краткое извлечение может дать лишь очень несовершенное представление.

РЕЗЮМЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

С одной стороны, все наши знания вытекают из чувств, а с другой — наши ощущения представляют лишь наши модификации (*nos manières d'être*). Каким же образом можем мы видеть предметы вне них? Действительно мы повидимому должны были бы видеть лишь нашу различным образом модифицируемую душу.

Признаюсь, что проблема эта была плохо решена в первом издании «Трактата об ощущениях». Мадемузель Ферран (Ferrand) несомненно это бы заметила. Хотя в предлагаемом труде ей принадлежала большая доля, чем мне, она не была удовлетворена им, когда я ее потерял, и она находила, что в книге нужно многое исправить. Я закончил ее один и я плохо рассуждал тогда, ибо я не умел еще поставить правильно вопроса. Но удивительнее то, что все лица, критиковавшие меня прямым или косвенным образом, ставили этот вопрос не лучше меня и тоже плохо искушдали.

Правильная постановка вопросов ведет за собоюяснение их. Таким образом трудность заключается лишь в том, чтобы их правильно ставить, и часто она

велика, особенно в метафизике. Язык этой науки не обладает от природы простотой языка алгебры, и нам очень трудно сделать его простым, ибо нашему уму очень трудно быть самим собой. Однако мы сумеем правильно ставить интересующие нас вопросы лишь в том случае, если мы будем выражаться с максимальной простотой. Но так как мы часто занимаемся метафизикой скорее под влиянием прочитанного, чем продуманного нами, то мы ставим проблемы, как их ставили до нас, мы говорим о них так, как о них говорили до нас, и решение их все еще заставляет себя ждать.

Мы доказали, что человек, обладая ощущениями обоняния, слуха, вкуса и зрения, считал бы себя запахом, звуком, вкусом, цветом и что он не приобрел бы никаких знаний о внешних предметах.

Столь же достоверно, что, обладая чувством осязания, он пребывал бы в том же неведении, если бы он оставался неподвижным. Он воспринимал бы лишь те ощущения, которые может вызвать в нем окружающий воздух: ему было бы тепло или холодно, он испытывал бы удовольствие или страдание; но все это—способы бытия, в которых он не различил бы ни окружающего воздуха, ни какого бы то ни было тела: он бы ощущал только самого себя.

Чтобы заставить этого человека думать, что существуют тела, нужны три вещи: во-первых, чтобы его члены могли двигаться; во-вторых, чтобы его рука, главный орган осязания, ощупывала его самого и все окружающее его; и, в-третьих, чтобы среди ощущений, испытываемых его рукой, имелось ощущение, представляющее необходимым образом тела.

Но часть протяженности это—континуум (*un continu*), образованный рядоположностью (*contiguité*) других протяженных частей; тело—это континуум, образованный рядоположностью других тел; и вообще континуум образуется рядоположностью других континуумов. Таково наше представление о континууме, и мы не можем иметь другого представления о нем, ибо мы можем образовать протяженность лишь

с помощью протяженности и тела с помощью тел.

Следовательно либо осязание не дает нам никакого знания о телах, либо же среди ощущений, которыми мы ему обязаны, должно быть одно такое ощущение, которое мы станем рассматривать не как модификацию нас самих, а скорей как модификацию некоторого континуума, образованного рядоположностью других континуумов. Мы должны быть вынуждены считать само это ощущение протяженным.

Таким образом предположение, будто статуя переходит от себя к телам путем рассуждения, ошибочно, ибо нет такого рассуждения, которое могло бы помочь ей при этом переходе, а кроме того она не может начать с рассуждения.

Но зато природа взялась рассуждать вместо нее; она организовала ее чтобы двигаться, осязать и получать при осязании ощущение, заставляющее ее думать, что вне ее ощущающего существа имеются континуумы, образованные рядоположностью других континуумов, и следовательно имеются протяженность и тела. Вот что излагается во второй части *«Трактата об ощущениях»*.

РЕЗЮМЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Утверждение, что глаз не видит от природы вне себя окрашенные предметы, вызывает даже у философа протест против тезиса, противоречащего его предрассудкам. Однако в настоящее время все признают, что цвета представляют лишь модификации нашей души. Но разве это не противоречие? Неужели, рассуждая последовательно, можно думать, что душа воспринимает цвета вне себя на том только основании, что она их испытывает в себе? Забудем на минуту все наши привычки, перенесемся мысленно к моменту сотворения мира и предположим, что бог сказал нам: *«Я создам душу, которой я сообщу некоторые ощущения, являющиеся только модификациями ее субстанции»*. Неужели на основании этого мы стали бы утверждать, что душа увидит свои ощущения вне себя? А если бы бог прибавил, что она станет их воспринимать таким образом, то не

спросили бы мы, как это может быть? Но глаз, подобно органам обоняния, вкуса и слуха, есть орган, способный только модифицировать душу.

Осязания—вот учитель всех этих чувств. Едва только предметы начинают принимать под действием руки известные формы, известную величину, как обоняние, слух, зрение и вкус начинают взапуски проецировать (*répandent*) свои ощущения на них, и модификации души становятся качествами всего того, что существует вне ее.

Когда эти привычки установились, то трудно разобрать то, что принадлежит каждому чувству в отдельности. Однако их области резко обособлены; одно только осязание обладает способностью сообщать душе идеи величин, фигур и т. д.; зрение же, лишенное помощи осязания, передает душе лишь простые модификации, называемые *цветами*, подобно тому как обоняние передает душе только простые модификации, называемые *запахами*.

В самое первое мгновение, когда глаз раскрывается для света, наша душа испытывает модификации, но модификации эти находятся пока только в ней, и они неспособны еще обладать ни протяжением, ни фигурой.

Но вот что-то заставляет нас поднести руку к глазам; тотчас же испытывавшееся нами до того ощущение ослабевает или совершенно исчезает. Мы отнимаем руку, и ощущение это возобновляется. Изумленные, мы повторяем этот опыт и мы начинаем относить эти ощущения нашей души к органу, которого касается наша рука.

Но относить их к этому органу это все равно, что расположить их по всей внешней поверхности, ощущаемой рукой. Мы имеем здесь уже таким образом простые модификации души, порождающие на конце глаз явление чего-то протяженного; в этом состоянии и находился первоначально слепец Чезельдена (*Che-selden*), когда у него сняли катаракт.

Под влиянием любопытства или беспокойства мы начинаем держать руку перед глазами, мы удаляем ее, мы приближаем ее, и вот поверхность, кото-

рую мы видим, начинает как будто изменяться. Мы приписываем эти изменения движению нашей руки, и мы начинаем думать, что цвета находятся на некотором расстоянии от наших глаз.

Вслед за этим мы прикасаемся к какому-нибудь телу, на котором остановился наш взор; я предположу, что оно одноцветно, например голубое. При таком предположении это голубое, казавшееся прежде на некотором неопределенном расстоянии, должно теперь казаться на том же самом расстоянии, что и поверхность, которой касается рука, и этот цвет расположится на этой поверхности, подобно тому как он первоначально расположился на внешней поверхности глаза. Рука как бы говорит зрению: *голубое находится на каждой части, которую я пробегаю*, а зрение, неустанно повторяя это суждение, так привыкает к нему, что начинает ощущать голубое там, куда его отнесло суждение.

Продолжая упражняться, оно начинает чувствовать себя одушевленным некоторой силой, становящейся для него естественной, оно переносится с каждым моментом на все большие расстояния; оно начинает охватывать предметы, которых не может достигнуть осязание, и оно пробегает с изумительной быстротой все пространство.

Легко понять, почему из всех органов именно глаз обладает привилегией научиться у осязания сообщать протяженность своим ощущениям.

Если бы лучи света не двигались постоянно прямолинейно в одной и той же среде, если бы, проходя различные среды, они не преломлялись всегда согласно постоянным законам, если бы например самое легкое воздушное волнение непрерывно изменяло их направление, то лучи, испускаемые различными предметами, соединялись бы между собою, а лучи, исходящие от одного и того же предмета, разделялись бы, и глаз не мог бы никогда судить ни о величинах, ни о формах, ибо он получал бы только хаотические впечатления.

То же самое имело бы место, если бы лучи постоянно подчинялись в своем направлении законам диоптрики,

но если бы при этом отверстие зрачка было столь же велико, как сетчатка: действительно в этом случае лучи, приходящие со всех сторон, падали бы беспорядочным образом на глаз.

При этой гипотезе чувство зрения находилось бы в том же положении, что и чувство обоняния: цвета действовали бы на него так, как запахи действуют на нос, и оно узнавало бы от осязания лишь то, что узнает от него обоняние. Мы воспринимали бы беспорядочным образом все цвета, в лучшем случае мы различали бы наиболее яркие цвета, но мы не могли бы располагать их на поверхностях, и мы даже не подозревали бы, что эти ощущения способны сами по себе представлять нечто протяженное.

Но лучи света, благодаря их способу перемещения вплоть до сетчатки, относятся к глазу в точности так, как две скрещенные палки относятся к рукам. В силу этого существует большое сходство между тем, как мы видим, и тем, как мы осязаем при помощи двух палок, и таким образом руки могут сказать глазам: *поступайте, подобно нам*, и тотчас те начинают поступать таким образом.

Можно было бы выдвинуть гипотезу, при которой обоняние научилось бы в совершенстве судить о величинах, фигурах, положениях и расстояниях. Для этого достаточно было бы, с одной стороны, подчинить пахучие корпускулы законам диоптрики, а с другой— устроить орган обоняния примерно по образцу органа зрения. Тогда пахучие лучи, скрестившись у отверстия носа, поражали бы внутреннюю оболочку в таком количестве раздельных точек, сколько их имеется на поверхностях, откуда они исходили бы.

В этом случае мы вскоре приобрели бы привычку располагать запахи на предметах, и философы : з преминули бы утверждать, что обоняние не нуждается в уроках осязания, чтобы воспринимать величины и фигуры.

Бог мог бы устроить мир так, что лучи света были бы причиной запахов, подобно тому как они являются причиной цветов. Но по-моему легко понять, что в устроенном таким образом мире глаза могли бы,

как и в нашем мире, научиться судить о величинах, фигурах, положениях и расстояниях.

Способные к самостоятельному рассуждению читатели признают, надеюсь я, силу этих последних соображений. Что касается читателей, судящих только на основании своих привычек, то им я не имею что сказать. Они несомненно найдут очень странными сделанные мною предположения.

Таковы принципы, на которых построена третья часть «Трактата об ощущениях». Здесь достаточно только вкратце упомянуть их. Более подробное изложение их и вытекающие из них выводы можно найти в самой книге. В частности в ней излагаются идеи, получающиеся в результате совместной работы всех пяти чувств.

РЕЗЮМЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

Когда все чувства научились функционировать, то остается лишь рассмотреть потребности, которым необходимо удовлетворить в целях нашего самосохранения. В четвертой части показывается влияние этих потребностей, рассматривается, в каком порядке они побуждают нас изучить имеющие к нам отношение предметы, как мы приобретаем предусмотрительность и техническую сноровку, исследуются способствующие этому обстоятельства, а также наши первые суждения о пользе и красоте вещей. Одним словом, здесь показывается, как человек, бывший первоначально лишь ощущающим животным, становится размышляющим животным, которое само способно заботиться о своем самосохранении.

Здесь получает свое завершение система идей, которой посвящен этот труд. Я дам сейчас резюме ее.

Слово *идея* выражает некоторую вещь, которую никто, осмеливаясь это сказать, еще не объяснил толком. Вот почему продолжают спорить по вопросу о происхождении идей.

Какое-нибудь ощущение не есть еще идея, пока его рассматривают лишь как переживание, ограничивающееся модификацией души. Если я в данный момент испытываю страдание, то я не скажу, что я об-

ладаю идеей страдания, я скажу, что я ощущаю страдание.

Но если я вспоминаю некоторое страдание, которое я уже имел раньше, то воспоминание и идея являются в этом случае одной и той же вещью; и если я говорю, что я составил себе идею о некотором страдании, о котором мне говорят и которого я никогда не испытал, то потому, что я сужу о нем на основании страдания, которое я уже испытал, или на основании страдания, которое я испытываю в данный момент. В первом случае идея и воспоминание еще не отличаются друг от друга. Во втором—идея есть ощущение испытываемого в данный момент страдания, модифицированное суждением о нем, которое я составляю себе, чтобы представить себе страдание другого человека.

Наличные ощущения слуха, вкуса, зрения и обоняния остаются лишь ощущениями, пока соответствующие органы чувств не получили еще уроков от осязания, ибо в этом случае душа может принимать их лишь за модификации самой себя. Но если эти ощущения существуют только в памяти, вспоминающей их, то они становятся идеями. В этом случае не говорят *я имею ощущение того, чем я был*, а говорят: *я имею воспоминание или идею этого*.

Только ощущение твердости как наличное, так и прошлое, является само по себе одновременно ощущением и идеей. Оно—ощущение по своему отношению к модифицируемой им душе; оно—идея по своему отношению к чему-то внешнему.

Это ощущение вскоре заставляет нас считать находящимися вне нас все модификации, испытываемые душой благодаря осязанию. Вот почему каждое ощущение осязания оказывается представителем предметов, которые схватывает рука.

Осязание, привыкнув относить свои ощущения во вне, сообщает ту же самую привычку другим чувствам. Все наши ощущения начинают казаться нам качествами окружающих нас предметов; следовательно они их представляют, они становятся идеями.

Но очевидно идеи эти не дают нам познания того,

что суть вещи сами по себе; они только описывают их при помощи их отношений к нам, и одно это доказывает, насколько тщетны старания философов, изображающих, будто они способны проникнуть в природу вещей.

Наши ощущения соединяются между собой вне нас, образуя столько совокупностей, сколько мы различаем чувственных предметов. Это дает начало двум видам идей: простым идеям и сложным идеям.

Каждое ощущение, взятое в отдельности, можно рассматривать как простую идею; сложная же идея образуется из нескольких ощущений, которые мы объединяем вне себя. Так например белизна этой бумаги есть простая идея, а совокупность нескольких таких ощущений, как твердость, форма, белизна и т. д. есть сложная идея.

Сложные идеи бывают полными или неполными; первые обнимают все качества представляемой ими вещи, последние обнимают лишь часть их. Так как мы не знаем природы вещей, то не существует такой вещи, о которой мы могли бы составить себе полную идею, и мы должны ограничиваться тем, чтобы вскрыть их качества по отношению к нам. Полными идеями мы обладаем лишь в математике, ибо объектом этой науки является лишь абстрактное понятие.

Таким образом, если спросить, что такое тело, то на это надо ответить следующим образом: *это та совокупность качеств, которые вы осознаете, видите и т. д., когда предмет имеется налицо; а когда предмет отсутствует, то это воспоминание о тех качествах, которые вы осознавали, видели и т. д.*

Идеи можно классифицировать еще и иным способом: одни идеи я называю чувственными, другие — интеллектуальными. Чувственные идеи представляют нам вещи, действующие на наши чувства в данный момент; интеллектуальные идеи представляют нам предметы, исчезнувшие после того, как они произвели свое впечатление; эти идеи отличаются друг от друга так, как воспоминание отличается от ощущения.

Чем обширнее наша память, тем мы способнее приобретать интеллектуальные идеи. Эти идеи состав-

ляют фонд наших познаний, подобно тому как чувственные идеи представляют источник их.

Этот фонд становится предметом наших размышлений. По временам мы можем заниматься только им, не пользуясь вовсе нашими чувствами. Вот почему начинает казаться, будто этот фонд всегда существовал, будто он предшествовал всем решительным ощущениям, и вот почему мы оказываемся бесподобными перед вопросом о его происхождении. Здесь берет начало ошибочная теория о врожденных идеях.

Если мы хорошо освоились с интеллектуальными идеями, то они появляются в нашей душе почти всякий раз, когда мы этого хотим. Благодаря им мы оказываемся в состоянии правильнее судить о встречающихся нам предметах. Мы непрерывно сравниваем их с чувственными идеями и благодаря им мы открываем отношения, представляющие новые интеллектуальные идеи, которые обогащают фонд наших познаний.

Рассматривая отношения сходства, мы относим к одному и тому же классу все особи, у которых мы замечаем одни и те же качества; рассматривая отношения различия, мы увеличиваем число классов, мы подчиняем их друг другу или отличаем друг от друга во всех отношениях. Это дает начало видам, родам, абстрактным и общим идеям.

Но у нас нет такой общей идеи, которая не была бы раньше частной идеей. Какой-нибудь первый предмет, который мы случайно заметили, становится образцом, к которому мы относим все, что похоже на него; и идея эта, бывшая первоначально частной идеей, становится тем более общей, чем менее развита наша способность различения.

Таким образом мы переходим сразу от частных идей к очень общим идеям, и мы спускаемся к подчиненным идеям лишь в той мере, в какой мы учитываем различия вещей.

Все эти идеи образуют одну цепь. Чувственные идеи связываются с понятием протяженности, и таким образом все тела начинают казаться нам лишь раз-

личным образом модифицированной протяженностью. Нитом интуитивные идеи связываются с чувственными, в которых они берут свое начало, и поэтому они часто всплывают в душе по поводу самого легкого впечатления, испытываемого чувствами. Потребность, породившая их в нас, является принципом их повторных появлений; и если они непрерывно проходят перед нашим духом, то потому, что наши потребности непрерывно повторяются и сменяют друг друга.

Такова в общем система наших идей. Чтобы придать ей эту простоту и эту ясность, пришлось проанализировать операции органов чувств. Философы не сделали этого анализа, и вот почему они плохо рассуждали в этом вопросе¹.

¹ «Говоря об идеях (пишет автор «Логики» Пор-Ройяля, ч. 4, гл. 1), мы не называем этим именем образов фантазии, а все то, что находится в нашем духе, когда мы можем сказать с достоверностью, что мы воспринимаем какую-нибудь вещь, независимо от того, каким образом мы ее воспринимаем». Логик видеть, насколько все это туманно и расплывчато. Декарт тоже выражался очень неясно по этому вопросу. Мальбрани и Лейбниц сочинили просто остроумные системы. Локк имел больше успеха, но и у него осталось еще много неясного, ибо он не проанализировал достаточным образом всех операций органов чувств. Наконец г. де Бюффон говорит, что *идеи это сравниваемые ощущения*, не давая никаких дальнейших пояснений. Может быть я ошибаюсь, но я не понимаю этой фразы. Мне кажется, что, для того чтобы сравнить два ощущения, надо уже иметь некоторую идею о том и другом ощущении. Тинчит идеи существуют еще до всякого сравнения.

ТРАКТАТ
ОБ ОЩУЩЕНИЯХ

ПЛАН ПРЕДЛАГАЕМОГО ТРУДА

Мы не в состоянии вспомнить того неведения, с которым мы родились на свет: это—состояние, не оставляющее после себя никаких следов. Мы вспоминаем, что не знали чего-то лишь в том случае, если мы вспоминаем, что мы ему научились; а чтобы заметить то, чему мы учимся, надо уже знать кое-что: надо чувствовать себя имевшим некоторые идеи, чтобы заметить, что чувствуешь себя имеющим идеи, которых раньше не имел. Эта сознательная память, благодаря которой для нас в настоящее время так заметен переход от одного познания в другое, не может восходить до наших первых познаний; наоборот, она их предполагает, и в этом—источник нашей склонности считать их рожденными вместе с нами. Утверждение, что мы научились видеть, слышать, вкушать, обонять, осязать, кажется самым диковинным парадоксом. Кажется, будто природа сообщила нам способность полностью пользоваться нашими чувствами в то самое мгновение, когда она их создала, и что мы всегда пользовались ими без всякой выучки на том основании, что в настоящее время мы уже больше не обязаны изучать их.

Я находился во власти этих предрассудков, когда и опубликовал свой «*Опыт о происхождении человеческих познаний*». Рассуждения Локка о слепорожденном, которому сообщили бы чувство зрения, не освободили меня от этих предрассудков, и я защищал против этого философа тезис, будто глаз по природе судит о фигурах, величинах, положениях и расстояниях.

Вы, сударыня, знаете, кому я обязан светом знания, рассеявшим наконец мои предрассудки; вы знаете долю участия в предлагаемом труде одной особы, которая была вам так дорога и которая была так достойна вашего уважения и вашей дружбы¹. Ее памяти я посвящаю этот труд и я обращаюсь к вам, чтобы одновременно иметь удовольствие говорить о ней и переживать горесть о ее утрате. Да увековечит этот памятник воспоминание о вашей взаимной дружбе и о выпавшей на мою долю чести снискать уважение вас обеих!

Но разве я мог не рассчитывать на этот успех, когда я вспоминаю, в какой мере этот трактат принадлежит ей? Наиболее остроумные из изложенных в нем взглядов—продукт ее проницательного ума и ее живого воображения, двух качеств, которые она соединяла в себе в такой степени, в какой они кажутся почти несовместимыми. Она поняла необходимость рассмотреть в отдельности наши чувства, в частности различить идеи, какими мы обязаны каждому из них, и исследовать, в какой последовательности они обучаются друг друга и оказывают друг другу взаимную помощь.

Для выполнения этой задачи мы вообразили себе статую, организованную с внутренней стороны подобно нам и обладающую духом, лишенным каких бы то ни было идей. Мы предположили далее, что, будучи снаружи сделана из мрамора, она неспособна пользоваться ни одним из своих чувств, и мы оставили за собой право пускать их в ход по нашему выбору, открывая их для различных впечатлений, которые они способны испытывать.

Мы решили начать с обоняния, ибо это из всех чувств то, которое кажется меньше всего содействует росту познания человеческого духа. Затем мы исследовали другие чувства и, рассмотрев их порознь и вместе, мы увидели, как статуя стала животным, способным заботиться о своем самосохранении.

¹ Она посоветовала мне взять в качестве эпиграфа: ut potero, explicabo и т. д.

Принцип, определяющий развитие ее способностей, очень прост; он содержится в самих ощущениях; действительно, так как все ощущения по необходимости либо приятны, либо неприятны, то статуя заинтересована в том, чтобы испытывать первые и избегать вторых. Легко убедиться, что достаточно этого интереса, чтобы дать начало операциям разума и воли. Суждение, размышление, желание, страсти и т. д. представляют не что иное, как само ощущение в его различных превращениях¹. Вот почему нам казалось бесполезным предположить, что душа получает непосредственно от природы все те способности, которыми она наделена. Природа дает нам органы, чтобы предупредить нас при помощи удовольствия о том, к чему мы должны стремиться, а при помощи страдания о том, чего мы должны избегать. Но она ограничивается этим, предоставив опыт научить нас приобретать привычки и закончить начатую ею работу.

Наш предмет исследования нов и показывает всю простоту средств, какими действует творец природы. Разве можно не восхищаться тем, что достаточно было сделать человека чувствительным к удовольствию и страданию, чтобы породить в нем идеи, желания, привычки и таланты всякого рода?

Для развития всей этой теории надо несомненно преодолеть немало трудностей, и я нередко сознавал, насколько эта задача превосходит мои силы. Маде-

¹ Но, могут сказать, у животных имеются ощущения, и однако их душа не обладает теми же самыми способностями, какими обладает человек. Это верно, и в предлагаемом труде будет выяснена причина этого. Орган осязания у животных менее совершенен и следовательно не может быть для них поводом (*cause occasionelle*) всех тех операций, которые имеются у нас. Я говорю *повородом*, потому что ощущения представляют собственные модификации души, а органы могут быть лишь поводами их. Отсюда философ должен заключить в соответствии с догматами веры, что душа животных существенно иного порядка, чем душа человека. Действительно, соответствовало ли бы божественной мудрости, чтобы дух, способный возвыситься до всякого рода познаний, способный открыть свои обязанности, иметь заслугу и вину, был подчинен телу, которое порождало бы в нем лишь способности, необходимые для сохранения животного.

муазель Ферран объяснила мне принципы, план и мельчайшие подробности труда, и я должен быть ей тем более признателен, что в ее намерения не входило вовсе ни просвещать меня, ни написать книгу. Она не замечала вовсе, что она становится постепенно автором, а между тем она намеревалась только беседовать со мной о вещах, которыми я до некоторой степени интересовался. Поэтому она никогда не настаивала на своих взглядах, и если я почти всегда предпочитал их моим собственным первоначальным взглядам, то потому, что мне доставляло удовольствие сдаваться на доводы разума. Я слишком уважал ее, чтобы принимать их под влиянием каких-нибудь других мотивов, и она сама была бы этим оскорблена. Однако мне так часто приходилось признавать большую правильность ее взглядов, что она иногда начинала подозревать меня в слишком большой снисходительности. Она иногда упрекала меня в этом; она, по ее словам, боялась испортить мой труд и, исследуя добросовестно взгляды, от которых я отказывался, желала бы убедить себя, что ее возражения не были основательны.

Если бы она взялась сама за перо, то предлагаемый труд показал бы лучше, каковы были ее таланты. Но свойственная ей деликатность не позволила ей даже подумать об этом. Вынужденный приветствовать это, поскольку я учитывал лежавшие в основе ее решения мотивы, я в то же время порицал ее за это, ибо я видел в ее советах то, что она хотела бы сделать сама. Таким образом этот трактат представляет к сожалению лишь результат моих бесед с ней, и я очень боюсь, что не всегда сумел правильно изложить ее взгляды. Прискорбно, что она не смогла давать мне своих советов вплоть до приступа к печатанию книги: особенно я сожалю о том, что имеются два или три вопроса, относительно которых мы с ней не окончательно еще договорились.

Будь жива м'ль Ферран, я не осмелился бы ей воздать должное, как я это делаю теперь. Заботясь только о славе своих друзей и считая принадлежащим им все то, чем она могла помочь им в этом, она

не признала бы своей доли участия в предлагаемом труде, она запретила бы мне указать на это, и я подчинился бы ей. Но неужели в настоящее время я должен отказаться от удовольствия воздать ей должное? Ведь это все, что мне остается после потери этого мудрого советника, просвещенного критика, надежного друга.

Вы, сударыня, вы, которая будете скорбеть о ней всю свою жизнь, вы разделите со мной это удовольствие, и с вами я люблю говорить о ней. Обе, одинаково достойные уважения, вы обладали тем тактом, который позволяет понять цену любимого существа и без которого нельзя по-настоящему любить. Вы обладали разумом, правдивостью и мужеством, подготовлявшими каждую из вас друг для друга. Эти качества скрепляли узы вашей дружбы, и во взаимном общении вы находили всегда то удовлетворение, которое является признаком добродетельных и чувствительных душ.

Это счастье должно было иметь конец, и в момент наступления его вашей подруге не оставалось другого утешения, кроме того, что ей не пришлось перенести вас. Я видел, как она считала себя за это очень счастливой. Для нее было достаточно, что она будет читать в вашей памяти. Ей приятно было отдаваться той мысли, но она не желала бы, чтобы она применилась к вашей скорби. Беседуйте иногда обо мне мадам де Вассе,—говорила она мне,—но беседуйте радостно. Она знала действительно, что скорбь не единственный признак сожаления и что в подобном случае чем радостнее думаешь о каком-нибудь другом, тем острее чувствуешь утрату.

Как счастлив я, сударыня, что она сочла меня достойным разделить с вами эту скорбь и эту радость! Как горжусь я тем, что вы того же мнения обо мне! Тогда ли обе вы дать мне больше доказательства своего уважения и вашей дружбы?

ТРАКТАТ ОБ ОЩУЩЕНИЯХ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

О ЧУВСТВАХ, НЕСПОСОБНЫХ САМИ ПО СЕБЕ СУДИТЬ О ВНЕШНИХ ПРЕДМЕТАХ

Г л а в а I

о ПЕРВЫХ ПОЗНАНИЯХ ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОБОНИЯНИЯ

Познания нашей статуи, ограниченной чувством обонятия, распространяются только на запахи. Она так же мало способна обладать идеями протяженности, фигуры или чего бы то ни было, находящегося вне ее или вне ее ощущений, как идеями света, звука, вкуса.

Если мы ей преподнесем розу, то по отношению к нам она будет статуей, ощущающей розу. Но по отношению к себе она будет просто самим запахом этого цветка.

Таким образом она будет запахом розы, гвоздики, жасмина, фиалки, в зависимости от предметов, которые станут действовать на ее орган обонятия. Одним словом, запахи в этом отношении представляют лишь ее собственные модификации (*modifications*) или способы существования (*manières d'être*), и она не сможет считать себя чем-либо иным, ибо это—единственные ощущения, к которым она способна.

Пусть философы, считающие столь очевидной истину, будто все материально, станут на минутку на ее место и пусть они придумают, как они могли бы предположить, что существует нечто, похожее на то, что мы называем *материей*.

§ 1. Статуя, ограниченная чувством обонятия, может познавать лишь запахи

§ 2. По отношению к себе самой она не что иное, как запахи, которые она ощущает

§ 3. Она не имеет никакой идеи материи

§ 4. Нельзя быть
более ограничен-
ным в своих по-
знаниях

Таким образом мы можем уже убедиться в том, что достаточно было бы увеличить или уменьшить число чувств, чтобы заставить нас высказывать суждения, совершенно отличные от тех, которые теперь нам привычны; и наша статуя, ограниченная обонянием, может дать нам представление о классах существ, познания которых наименее обширны.

Глава II

ОБ ОПЕРАЦИЯХ РАЗУМА У ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОБОНИЯНИЯ, И О ТОМ, КАК РАЗЛИЧНЫЕ СТЕПЕНИ УДОВОЛЬСТВИЯ И СТРАДАНИЯ СТАНОВЯТСЯ ПРИНЦИПОМ ЭТИХ ОПЕРАЦИЙ

§ 1. Статуя спо-
собна к вниманию

При первом же ощущении запаха способность ощущения нашей статуи находится вся под впечатлением, испытываемым ее органом. Это я называю вниманием.

§ 2. К наслаж-
дению и страд-
анию

С этого момента она начинает наслаждаться или страдать; действительно, если способность ощущения вся заполнена приятным запахом, то мы имеем наслаждение; если же она вся заполнена неприятным запахом, то мы имеем страдание.

§ 3. Но неспо-
собна иметь
желания

Но у нашей статуи нет еще никакого представления о различных изменениях, которые она может испытать. Поэтому она чувствует себя хорошо, не желая ничего лучшего, или чувствует себя плохо, не желая чувствовать себя хорошо. Страдание не может заставить ее желать блага, которого она не знает, точно так, как наслаждение не может заставить ее бояться неприятностей, которых она тоже не знает. Следовательно, как бы неприятно ни было первое ощущение, даже если бы оно вызывало острое страдание в органе обоняния, оно не может дать места желанию.

Если у нас страдание всегда сопровождается желанием не страдать, то о статуе мы этого не можем сказать. Страдание вызывает в нас это желание лишь потому, что указанное состояние нам уже известно. Усвоенная нами привычка рассматривать страдание

как вещь, без которой мы были и без которой мы можем быть еще, производит то, что мы неспособны более страдать, не испытывая тотчас же желания не страдать, и это желание неотделимо от связанного со страданием состояния.

Но статуя, которая в первый момент ощущает себя лишь благодаря самому испытываемому ею страданию, не знает, что она может перестать страдать, чтобы стать чем-то другим или вообще не существовать. У нее нет еще никакого представления об изменении, последовательности, длительности. Таким образом она существует, не будучи в состоянии составить себе желаний.

Когда она заметит, что может перестать быть тем, что она есть, чтобы стать снова тем, чем она была раньше, то из состояния страдания, которое она становится сравнивать с состоянием удовольствия, вызванным ее памятью, у нее зародятся желания. Такова та уловка, благодаря которой удовольствие и страдание становятся единственным принципом, обуславливающим операции ее души и подготавливающим ее постепенно ко всем тем познаниям, к которым она способна; чтобы вскрыть предстоящее ей дальнейшее развитие, достаточно будет наблюдать удовольствия, которые она сможет пожелать, страдания, которых она должна будет бояться, и соответственное влияние тех и других.

Если бы у статуи не оставалось никакого воспоминания об испытанных ею модификациях, то каждый раз она думала бы, что ощущает в первый раз; целые годы терялись бы в каждом данном мгновении. Так как ее внимание было бы всегда ограничено одной единственной модификацией, то она никогда не могла бы насчитать одновременно двух модификаций, она никогда не могла бы судить об их отношениях. Она наслаждалась бы или страдала бы, не испытывая еще ни желания, ни страха.

По ощущаемый ею запах не пропадает полностью § 6. Возрождение памяти после того, как издающее запах тело перестало действовать на его орган обоняния. Вызванное им внимание задерживает его, и от него остается более

§ 4. Удовольствие и страдание как принципы ее операций

§ 5. Насколько были ограничена статуя, если бы она не имела памяти

или менее сильное впечатление, в зависимости от степени яркости самого внимания. Вот—память. Ъ

Когда наша статуя становится новым запахом, то она все же продолжает обладать еще тем запахом, которым она была в предыдущее мгновение. Ее способность ощущения разделяется между памятью и обонянием; первая из этих способностей обращена к прошедшему ощущению, а вторая обращена к имеющемуся налицо ощущению.

Таким образом у статуи имеются две разновидности ощущения, отличающиеся лишь тем, что одна из них относится к имеющемуся налицо ощущению, а другая—к ощущению, которого больше нет, но впечатление от которого еще продолжается. Статуя, не зная, что существуют предметы, действующие на нее, не зная даже, что она обладает некоторым органом чувств, отличает обыкновенно воспоминание о некотором ощущении от имеющегося налицо ощущения как различие между слабым ощущением того, чем она была, и ярким ощущением того, что она есть.

Я говорю *обыкновенно*, ибо воспоминание не всегда бывает слабым переживанием, а ощущение—ярким переживанием. Действительно, всякий раз когда память рисует статуе ее прежние модификации с большой силой, а орган чувства, наоборот, испытывает слабые впечатления, переживание имеющегося налицо ощущения будет менее ярким, чем воспоминание об ощущений, которого больше нет.

Таким образом, в то время как известный запах находится в чувстве обоняния благодаря воздействию некоторого издающего запах тела на орган обоняния, другой запах находится в памяти, ибо впечатление от другого пахучего тела существует в мозгу, куда его передал орган обоняния. Переживая оба эти вида модификаций, статуя чувствует, что она более уже не то, что она была; значение этого изменения заставляет ее относить первую модификацию к моменту,циальному от того, когда она испытала вторую модификацию; и это заставляет ее проводить различие между тем, чтобы существовать

§ 7. Разделение способности ощущения между обонянием и памятью

§ 8. Таким образом память есть лишь особая разновидность ощущения

§ 9. Переживание воспоминания может быть более ярким, чем переживание ощущения

§ 10. Статуя разделяет в себе последовательность

определенным образом, и тем, чтобы вспоминать, что существовала раньше другим образом.

Статуя активна по отношению к одному из своих способов ощущать и пассивна по отношению к другому способу. Она активна, когда вспоминает о каком-нибудь ощущении, потому что причина, напоминающая ей об этом, именно память, заключается в ней. Она пассивна в тот момент, когда она испытывает никакое-нибудь ощущение, ибо вызывающая его причина находится вне нее, именно в издающих запах эфира, действующих на ее орган обоняния¹.

Но статуя, не будучи в состоянии догадаться о различии на нее внешних предметов, не может проявить различия между причиной, находящейся в ней, и причиной, находящейся вне ее. Все ее модификации по отношению к ней таковы, как если бы она была ими обязана себе самой, и независимо от того, испытывает ли она некоторое ощущение или только вспоминает его, она никогда не замечает ничего другого, кроме того, что она находится или находилась раньше в таком-то состоянии. Следовательно она способна заметить никакого различия между состоянием, когда она активна, и состоянием, когда она совершенно пассивна.

Однако, чем чаще станет упражняться память, тем легче она будет действовать. Благодаря этому статуя приобретает привычку вспоминать без труда изменения, которые она испытала, и делить свое внимание между тем, что она есть, и тем, чем она была. Действительно, привычка есть не иное,

§ 11. Каким образом статуя является активной и пассивной

§ 12. Статуя не может проявлять различия между этими двумя состояниями

§ 13. Память становится в ней привычкой

— И нас имеется принцип наших действий, который мы знаем, но которого мы не можем определить; его называют

Мы одинаково активны по отношению ко всему, что производит в нас или вне нас. Мы активны например, мы размышляем или приводим в движение какое-нибудь. По аналогии мы приписываем всем предметам,ющим какое-нибудь изменение, некоторую силу, которую мы знаем еще меньше, и мы пассивны по отношению к восприятиям, производимым этими телами на нас. Таким образом какое-нибудь существо активно или пассивно в зависимости от того, находится ли причина произведенного действия в нем или вне его.

как способность легко повторять то, что делаешь, а легкость эта приобретается благодаря повторным действиям¹.

§ 14. Она сравнивает

Если, испытав несколько раз запахи розы и гвоздики, она почувствует еще раз запах розы, то пассивное внимание, вызываемое чувством обоняния, целиком будет обращено к имеющемуся в данный момент налицо запаху розы, а активное внимание, вызываемое памятью, будет делиться между воспоминаниями о запахах розы и гвоздики. Но различные модификации не способны делить между собою способность ощущения, не становясь предметом сравнения. Действительно, сравнивать значит не что иное, как уделять одновременно свое внимание двум идеям.

§ 15. Судит

Раз имеет место сравнение, то имеется и суждение. Наша статуя не может обнаруживать одновременно внимания к запаху розы и к запаху гвоздики, не замечая, что первый не есть второй, и она не может обнаруживать внимания к запаху розы, который она чувствует в данный момент, и к запаху розы, который она чувствовала раньше, не замечая, что они представляют одну и ту же модификацию. Таким образом суждение есть не что иное, как восприятие отношения между двумя сравниваемыми идеями.

Чем чаще повторяются сравнения и суждения, тем легче начинает производить их наша статуя. Она приобретает таким образом привычку сравнивать и судить. Поэтому достаточно будет дать ей почувствовать другие запахи, чтобы заставить ее сделать новые сравнения, выносить новые суждения и приобретать новые привычки.

Она не испытывает удивления при первом переживаемом ею ощущении, ибо она еще не привыкла ни к какому суждению.

Точно так же она не испытывает удивления, когда, ощущая последовательно несколько запахов, она

¹ Я говорю в данном случае, равно как и на протяжении всего предлагаемого труда, лишь о привычках, приобретаемых естественным образом; в сверхестественном порядке все подчинено другим законам.

переживает каждый из них лишь одно мгновенье. В этом случае она не останавливается ни на одном из произносимых ею суждениях, и чем более она изменяется, тем более она должна себя чувствовать склонной к изменению.

Она не испытывает также удивления, если путем незаметных переходов мы приведем ее от привычки считать себя некоторым определенным запахом к суждению, что она есть другой запах, ибо в этом случае она изменяется, не замечая этого.

Но она не преминет испытать удивление, если она внезапно перейдет от состояния, к которому она привыкла, к совершенно отличному состоянию, о котором она еще не имела идеи.

Это удивление заставляет ее лучше почувствовать разницу между ее модификациями. Чем рече переход от одних к другим, тем больше ее удивление и тем больше ее поражает контраст между сопровождающими их удовольствиями и страданиями. Ее внимание, вызванное страданиями, которые чувствуются сильнее, устремляется с большей энергией ко всем ощущениям, последовательно сменяющим друг друга. Она тщательнее сравнивает их и поэтому лучше судит об их отношениях. Таким образом удивление усиливает активность операций ее души. Но так как оно усиливает ее лишь благодаря тому, что делает более заметной противоположность между приятным и неприятным ощущениями, то первоисточником способностей статуи оказываются всегда удовольствие и страдание.

Если все запахи привлекают каждый одинаково с вниманием, то они сохранятся в ее памяти в соответствии с тем порядком, в котором они сменяли друг друга, и они благодаря этому окажутся связанными между собой.

Если ряд их очень велик, то впечатление от последних как более свежее окажется более сильным, а впечатление от первых станет незаметно забывать и под конец совсем исчезнет: все будет иметь такой вид, как если бы они вовсе не имели эти.

§ 18. Это удивление придает более активности духовным операциям

§ 19. Идеи, сохраняющиеся в памяти

Но те запахи, которые привлекли к себе лишь слабое внимание, не оставят после себя никакого следа, и они тотчас же будут забыты.

Наконец те запахи, которые произведут особенно сильное впечатление на статую, всплынут в ее памяти с большей яркостью и поглотят ее настолько, что смогут заставить ее забыть другие ощущения.

§ 20. Связь этих идей

Таким образом память—это ряд идей, образующих как бы некоторую цепь. Эта связь дает возможность переходить от одной идеи к другой и вспоминать самые далекие из них. Следовательно мы вспоминаем о какой-нибудь идее, которую мы имели когда-то раньше, лишь потому, что мы пробегаем с большей или меньшей быстротой весь ряд промежуточных идей.

Если наша статуя испытывает второе ощущение, то память ее не имеет никакого выбора: она может вспомнить лишь первое ощущение, причем она будет действовать с большей или меньшей силой в зависимости от остроты удовольствия и страдания.

Но если статуя испытала ряд модификаций, то, сохранив воспоминание о большом числе их, она охотнее станет вспоминать о тех из них, которые могут больше содействовать ее счастью, минуя быстро прочие или же останавливаюсь на них только вопреки своему желанию.

Чтобы понять все значение этой истины, надо выяснить различные степени удовольствия и страдания, которые мы способны переживать, а также вытекающие из этого сравнения.

Удовольствия и страдания бывают двух видов. Одни относятся главным образом к телу; это—чувственные удовольствия; другие сохраняются в памяти и во всех способностях души: это—интеллектуальные или духовные удовольствия. Но статуя неспособна заметить этого различия.

Это неведение избавляет ее от одной ошибки, которой нам трудно избежнуть; действительно, эти ощущения не отличаются друг от друга так резко, как мы это думаем. По сущности они все интеллектуальны или духовны, потому что ведь ощущает собственно

§ 21. Удовольствие руководит памятью

§ 22. Два вида удовольствий и страданий

только душа. Но, с другой стороны, они все, если угодно, в известном смысле чувственны или телесны, ибо тело есть единственный повод их. Мы делим их на два вида лишь в зависимости от их отношения к телесным или душевным способностям.

Удовольствие может постепенно уменьшаться или § 23. Различные
степени того и
другого увеличиваться; уменьшаясь, оно стремится к исчезновению и исчезает вместе с ощущением; наоборот, увеличиваясь, оно может дойти до страдания, ибо раздражение становится слишком сильным для органа чувства. Таким образом в удовольствии имеются две границы: нижняя находится там, где ощущение начинается с минимумом силы: это первый шаг от небытия к ощущению; верхняя граница находится там, где ощущение не может больше усиливаться, не переставая быть приятным: это наиболее близкое к страданию состояние.

Впечатление от слабого удовольствия кажется сосредоточенным в органе чувства, передающем его душе. Но если оно обладает некоторой степенью яркости, то оно сопровождается эмоцией, разливающейся по всему телу. Эта эмоция—факт, в котором наш опыт не позволяет сомневаться.

Страдание тоже может усиливаться или уменьшаться. Усиливаясь, оно стремится к полному разрушению животного; уменьшаясь же, оно, в отличие от удовольствия, не стремится к отсутствию всякого ощущения; наоборот, момент окончания его всегда приятен.

Среди этих различных степеней ощущения невозможна найти безразличного состояния; как бы слабо ни было первое ощущение, статуя при нем чувствует себя неизбежно хорошо или плохо. Но, испытав последовательно друг за другом самые острые страдания и самые яркие удовольствия, она станет считать безразличными или перестанет считать приятными или неприятными более слабые ощущения, которые она сравнил с более сильными.

Таким образом мы можем предположить, что статуя обладает приятными и неприятными состояниями различной степени интенсивности, а также состояниями, которые она считает безразличными.

§ 24. Безразличное
состояние су-
ществует лишь в
результате срав-
нения

Всякий раз, когда статуя чувствует себя плохо или не так хорошо, она вспоминает свои прежние ощущения; она сравнивает их с тем, что она есть в данный момент, и она чувствует, что ей нужно снова стать тем, чем она была. Отсюда у нее возникает потребность или познание того, что существует некоторое благо, использование которого, по ее мнению, ей необходимо.

Таким образом статуя познает у себя потребности лишь потому, что она сравнивает испытываемое ею страдание с удовольствиями, которыми она раньше наслаждалась. Отнимите у нее воспоминание об этих удовольствиях, и она будет чувствовать себя плохо, не испытывая никакой потребности, ибо, чтобы чувствовать потребность в какой-нибудь вещи, надо иметь какое-нибудь познание о ней. Но при сделанном нами предположении она не знает иного состояния, кроме того, в котором она находится. Наоборот, когда она вспоминает более счастливое состояние, то теперьшнее ее состояние тотчас же заставляет ее почувствовать потребность в нем. Так удовольствие и страдание всегда обусловливают действие ее способностей.

Потребность статуи может быть вызвана подлинным страданием, каким-нибудь неприятным ощущением, каким-нибудь ощущением, менее приятным, чем некоторые из предшествовавших ему; наконец она может быть вызвана одним из таких слабых переживаний, которые она привыкла считать безразличными.

Если ее потребность вызывается запахом, причиняющим ей острое страдание, то он поглощает почти целиком всю способность ощущения, оставляя на долю памяти лишь ровно столько, сколько требуется, чтобы напомнить статусе, что она не всегда чувствовала себя так плохо. В этом случае статуя лишена возможности сравнивать между собою различные испытанные ею модификации, она неспособна судить, какая из этих модификаций наиболее приятна. Ее занимает только одно — как бы выйти из этого состояния, чтобы испытать любое другое; и если она знает какое-нибудь средство, способное избавить ее от страдания, то она приложит все свои способности для

использования его. Так, в случае тяжелой болезни мы перестаем желать удовольствий, к которым мы страстию стремились, и думаем лишь о том, чтобы выздороветь.

Если потребность вызывается менее приятным ощущением, то надо отличать два случая: либо удовольствия, с которыми его сравнивает статуя, были ярки и сопровождались очень сильными эмоциями, либо же они не были столь ярки и не вызвали почти никаких эмоций.

В первом случае прошедшее счастье вспоминается тем большей интенсивностью, чем более оно отличается от имеющегося налицо ощущения. Сопровождающая его эмоция частично воскресает и, притягивая к себе почти всю способность ощущения, она не позволяет заметить приятных ощущений, следовавших за ним или предшествовавших ему. Поэтому статуя, не отвлекаемая в сторону, сравнивает лучше это счастье с тем состоянием, в котором она находится; она понимает лучше, насколько оно от него отличается, и так как она старается представить его себе самым живым образом, то отсутствие его вызывает более сильную потребность, а обладание им становится более необходимым благом.

Наоборот, во втором случае пережитое счастье вспоминается с меньшей живостью; другие удовольствия привлекают к себе внимание; его преимущество ощущается с меньшей силой; оно совсем не воскрепляет никаких эмоций или воскрепляет их лишь слабым образом. Поэтому статуя менее заинтересована в его возвращении и не прилагает к этому всех своих способностей.

Наконец, если причиной потребности является одно из тех ощущений, которые статуя привыкла считать безразличными, то вначале она не испытывает ни страдания, ни удовольствия. Но состояние это при сравнении его с счастливыми состояниями, в которых она находилась раньше, становится ей скоро неприятным; испытываемое ею в этом случае неудовольствие есть то, что мы называем *огорчением*. Между тем огорчение продолжается, оно усиливается, оно становится

невыносимым, и под влиянием его все способности статуи бурно устремляются к счастью, утрату которого она чувствует.

Огорчение может стать столь же тягостным, как и страдание; в этом случае статуя думает лишь о том, чтобы избавиться от него, и она хватается за все безразлично ощущения, способные рассеять его. Но если бремя огорчения уменьшится, то состояние ее будет не столь тягостным, она не будет так стремиться избавиться от него, она сможет направить свое внимание на все приятные ощущения, от которых у нее сохранилось какое-нибудь воспоминание, и тогда удовольствие, с которым она станет вспоминать самую яркую идею, привлечет к себе все ее способности.

Таким образом существуют два принципа, обусловливающие степень активности ее способностей. С одной стороны, это интенсивность блага, которого она больше не имеет; с другой—ничтожность удовольствия, доставляемого ей имеющимся налицо ощущением, или сопровождающее его страдание.

Когда оба эти принципа соединяются вместе, то статуя делает больше усилий, чтобы вспомнить то, чем она перестала быть, и она от этого чувствует слабее то, что она есть в данный момент. Действительно, так как ее способность ощущения по необходимости ограничена, то чем большую часть ее привлекает к себе память, тем меньше ее остается для чувства обоняния. А если активность памяти окажется настолько велика, что поглотит всю способность ощущения, то статуя не сможет заметить впечатления, произведенного на ее орган чувства, и она станет так живо представить себе то, чем она была раньше, что ей начнет казаться, будто она есть это и в данный момент¹.

¹ Это утверждение подтверждается нашим опытом; действительно, не может быть ни одного человека, который не вспоминал бы иногда испытанные им раньше удовольствия с такой же яркостью, как если бы он ими наслаждался в данный момент, или по крайней мере с такой яркостью, чтобы не

Но если ее текущее состояние—самое приятное из всех известных ей, то удовольствие побуждает ее наслаждаться преимущественно им. В этом случае нет причины, способной заставить память действовать с такой энергией в ущерб чувству обоняния, что последнее перестанет испытывать ощущения. Иллюзия, удовольствие привлекает к данному нали-
чию ощущению большую часть внимания или способ-
ности ощущения; и если статуя еще вспоминает о том,
чём она была раньше, то лишь потому, что, сравни-
вши это с тем, что она есть в настоящий момент, она
еще лучше наслаждается своим счастьем.

Таким образом мы имеем два продукта памяти: один это ощущение, переживаемое так ярко, как если бы оно происходило в самом органе чувства; другой — это ощущение, от которого остается лишь слабое воспоминание.

Следовательно мы можем установить две степени действия этой способности: низшую, когда она едва дает наслаждаться пережитым раньше, и высшую, когда она дает наслаждаться им с такой силой, как если бы оно переживалось в данный момент.

Способность эта называется *памятью*, когда она представляет вещи лишь как прошедшие, и *воображением*, когда она их воскрешает с такой силой, что они кажутся данными в настоящий момент. Таким образом наша статуя обладает наряду с памятью еще и воображением, причем обе эти способности отличаются друг от друга лишь по степени. Память есть начало воображения, обладающего еще небольшой силой; воображение есть память, но с максимальной степенью яркости.

Первоначально мы отличили у нашей статуи два вида внимания: одно, осуществляемое обонянием, другое, осуществляемое памятью; теперь мы можем заметить третий вид внимания, который осуществляется воображением и отличительный признак которого заключается в том, чтобы задерживать печатления от чувств и подставлять на их место обращать никакого внимания на переживаемое им в данный момент, иногда очень тяжелое, состояние.

ощущение, не зависящее от действия внешних предметов¹.

§ 30. Это различие недоступно статуе

Однако, когда наша статуя воображает себе ощущение, которого она больше не имеет, и представляет его себе с такой силой, как если бы она им обладала в данный момент, то она не знает, что в ней имеется причина, вызывающая такие же результаты, как и пахучее тело, которое стало бы действовать на ее орган чувства. Таким образом она, в отличие от нас, не может проводить различия между тем, чтобы воображать себе какое-нибудь ощущение, и тем, чтобы иметь его.

§ 31. Ее воображение активнее нашего

Но есть основание предположить, что ее воображение активнее нашего. Ее способность ощущения целиком поглощена одним единственным видом ощущения, вся сила ее способностей устремлена исключительно на запахи, ничто не может отвлечь ее от этого. Мы же разрываемся между множеством ощущений и идей, беспрестанно осаждаяющих нас; и, оставляя для нашего воображения лишь часть наших сил, мы оказываемся способными воображать только слабым образом. Кроме того наши чувства, будучи всегда на страже против нашего воображения, непрерывно предупреждают нас на счет предметов, которые мы хотим воображать себе; наоборот, у статуи имеется полный простор для воображения. Поэтому она спокойно вспоминает какой-нибудь запах, которым она наслаждалась, и она действительно

¹ Тысячи фактов доказывают, какое влияние оказывает воображение на органы чувств. Человек, поглощенный какой-нибудь мыслью, не видит предметов, находящихся у него перед глазами, он не слышит шума, поражающего его уши. Весь свет знает рассказы на эту тему об Архимеде. Если воображение устремляется на какой-нибудь предмет с еще большей силой, то человека можно колоть, жечь, причем он не будет чувствовать страдания от этого, а душа будет казаться недоступной никак бы то ни было впечатлениям от органов чувств. Чтобы понять возможность подобных явлений, достаточно обратить внимание на следующее обстоятельство: так как наша способность ощущений ограничена, то мы оказываемся абсолютно нечувствительными к впечатлениям органов чувств всякий раз, когда наше воображение направит эту способность полностью на какой-нибудь предмет.

наслаждается им, как будто ее орган обоняния испытывает его воздействие. Наконец легкость, с которой мы устранием от себя причиняющие нам неприятность предметы и отыскиваем те предметы, наслаждение которыми нам приятно, делает еще более ленивым наше воображение. Между тем наша статуя может избавиться от какого-нибудь неприятного ощущения, только вообразив себе ярко какую-нибудь приятную ей модификацию. Так как это доставляет большее упражнение ее воображению, то последнее оказывается способным к тому, что превышает силы нашего воображения¹.

Однако имеется случай, когда воображение обнуживает бездеятельность и когда бездеятельна даже память. Это происходит тогда, когда какое-нибудь ощущение достаточно ярко, чтобы поглотить целиком способность ощущения. В этом случае статуя совершенно пассивна. Удовольствие представляет для нее тогда какое-то опьянение, которым она еле-еле наслаждается, а боль—состояние подавленности, при котором она почти не страдает.

Но пусть только интенсивность ощущения несколько ослабнет, как немедленно начинают действовать способности души, и потребность становится снова обуславливающей их причиной.

Модификации, особенно нравящиеся статуе, не всегда являются последними из испытанных ею. Они могут находиться в начале, в середине или же в конце цепи ее познаний. Поэтому воображение часто вынуждено быстро пробегать весь ряд промежуточных идей. Оно сближает между собой самые далекие идеи, изменяет порядок, в котором они находились в памяти, и образует из них совершенно новую цепь.

§ 32. Единственный случай, когда оно бывает бездеятельным

§ 33. Как оно становится активным

§ 34. Оно сообщает новый порядок идеям

¹ Чтобы не сомневаться в действиях воображения, как бы удивительны они ни казались, достаточно вспомнить о том, что происходит с нами во сне. Во сне мы видим, мы слышим, мы осозаем тела, которые в действительности не действуют на наши органы чувств; и есть основание думать, что во сне воображение обладает такой силой лишь потому, что мы не отвлекаемся множеством идей и ощущений, занимающих нас в состоянии бодрствования.

Таким образом связь идей неодинакова в различных способностях статуи. Чем более станет привычным тот порядок, который сообщает им воображение, тем менее сохранится та связь, которая продиктована ей памятью. Благодаря этому идеи могут связываться между собой тысячью различных способов, и нередко статуя станет вспоминать не столько тот порядок, в котором она испытала свои ощущения, сколько тот, в котором она их себе воображает.

§ 35. Идеи связываются между собой различным образом лишь потому, что происходит новые сравнения их

Но все эти цепи идей образуются лишь благодаря сравнениям, произведенным между каждым звеном цепи и предшествующим и следующим за ним звеньями, и благодаря суждениям об их отношениях. Эта связь усиливается параллельно тому, как под влиянием упражнения способностей укрепляются привычки вспоминать и воображать, и здесь кроется источник чудесной способности узнавать ощущения, которые мы уже имели раньше.

§ 36. По этой связи статуя узнает свои прежние модификации

Действительно, если мы дадим нашей статуе плюхнуть знакомый ей запах, то это представляет собой модификацию, которую она сравнивала, о которой она составила себе суждение и которую она связала с некоторыми из звеньев цепи, пробегаемой ее памятью по привычке. Вот почему она думает, что состояние, в котором она находится, тождественно с тем состоянием, в котором она находилась. Другое дело запах, которого она еще не ощущала: он должен казаться ей совершенно новым.

§ 37. Она неспособна объяснить себе этого явления

Бесполезно указывать на то, что статуя, узнавая какую-нибудь модификацию, неспособна объяснить себе этого. Причину этого явления так трудно вскрыть, что она ускользает от всех людей, неспособных наблюдать и анализировать то, что происходит в них.

§ 38. Как идеи соединяются и возобновляются в памяти

Но допустим, что наша статуя в течение долгого времени не думает о какой-нибудь модификации. Что станется за это время с приобретенной ею о ней идеей? Откуда появляется эта идея, когда она затем всплывает в памяти? Сохранилась ли она в душе или в теле? Ни в той, ни в другом.

Она не сохранилась в душе, ибо достаточно какого-

нибудь мозгового расстройства, чтобы стало невозможным вспомнить ее.

Она не сохранилась в теле. В последнем могла бы сохраниться лишь физическая причина ее, а для этого надо было бы предположить, что мозг остается абсолютно в том самом состоянии, в которое его привело воспоминаемое статуей ощущение. Но как согласовать эту гипотезу с непрерывным движением жизненных духов (*esprits*), особенно при наличии множества идей, которыми обогащается память? Явление это можно объяснить гораздо проще.

Я получаю ощущение, когда в одном из моих органов чувств происходит движение, сообщающееся затем мозгу. Если то же самое движение начинается в мозгу и доходит до органа чувств, то мне кажется, будто я испытываю ощущение, которого я в действительности не имею. Это иллюзия; но если это движение начинается и кончается в мозгу, то я вспоминаю об ощущении, которое я имел раньше.

Таким образом, если какая-нибудь идея всплывает в памяти статуи, то это не значит, что она сохранилась в теле или в душе. Дело объясняется тем, что движение, являющееся физическим поводом ее, воспроизводится в мозгу¹. Но здесь не место для гипотез о механизме памяти. Мы сохраняем воспоминание о своих ощущениях, мы вспоминаем их, даже если мы долго не думали о них: для этого достаточно, чтобы они произвели на нас сильное ощущение, или чтобы мы их испытали несколько раз. Эти факты дают мне право думать, что наша статуя, будучи организована подобно нам, способна, как и мы, обладать памятью.

Мы приходим к тому выводу, что статуя усвоила несколько привычек: привычку оказывать внимание, привычку вспоминать, привычку сравнивать, привычку судить, привычку воображать и наконец привычку узнавать.

Те самые причины, которые породили привычки, ^{§ 39. Перечисление привычек, усвоенных статуей} одни только и способны сохранить их. Я имею в виду

^{§ 40. Как сохраняются ее привычки}

¹ См. «Logique», part. I, chap. 9.

то, что привычки утрачиваются, если они не возобновляются время от времени благодаря повторным актам. Не будь последних, наша статуя не сумеет вспомнить ни сравнений, произведенных ею по поводу какой-нибудь модификации, ни своих суждений о ней, и она испытает ее в третий или четвертый раз, не будучи в состоянии узнать ее.

§ 41. Как укрепляются ее привычки

Но мы в состоянии заставить упражняться ее память и все прочие ее способности. Для этого достаточно заинтересовать ее различными степенями удовольствия или страдания в том, чтобы сохранить свои модификации или избавиться от них. Поэтому искусство, с каким мы станем регулировать ее ощущение, дает возможность укреплять и все более расширять ее привычки. Можно даже предположить, что она сумеет найти в ряду запахов такие различия, которые ускользают от нас. Так как она вынуждена прилагать все свои способности только к одному виду ощущений, то она сумеет обнаружить более тонкую способность различения, чем мы.

§ 42. Каковы границы ее способности различения

Однако отношения, которые могут быть открыты ее суждениями, очень малочисленны. Она способна знать только, что какая-нибудь модификация тождественна с модификацией, которую она имела раньше, или отличается от нее, что одна модификация приятна, а другая неприятна, что они более или менее приятны или неприятны.

Но сумеет ли она отличить несколько запахов, ощущаемых одновременно? Даже мы приобретаем такую способность различения лишь в результате частых упражнений; да и то она заключена в довольно тесных границах; действительно не найдется человека, который мог бы узнать по запаху содержимое какого-нибудь саше с духами. А всякая смесь духов должна, по моему мнению, быть таким саше для нашей статуи.

Только знакомство с издающими запах телами научило нас, как мы покажем в другом месте, распознавать два запаха в третьем. Понюхав поочереди розу и нарцисс, мы затем имели возможность понюхать их одновременно. Благодаря этому мы узнали, что

ощущение, вызываемое у нас обоими этими цветками вместе, состоит из двух других ощущений. Если взять множество запахов, то мы различим в них только доминирующе, и мы даже не сумеем различить их, если смесь сделана так искусно, что ни один из запахов не преобладает над другими. В этом случае они как будто сливаются вместе, подобно растворенным вместе краскам; они соединяются между собой и смешиваются так основательно, что ни один из них не остается тем, чем он был раньше, и из нескольких запахов получается только один.

Таким образом, если наша статуя в первый момент своего существования ощущает два запаха, то она не станет думать, что она ощущает одновременно две модификации. Но допустим, что, испытав их первоначально порознь, она затем станет ощущать их вместе, узнает ли она их? Это кажется мне мало вероятным. Действительно, так как она не знает, что они получаются от двух различных тел, то ничто не может заставить ее предположить, что испытываемое ею ощущение состоит из двух других ощущений.

В самом деле, если ни одно из этих ощущений не сильнее другого, то они сольются даже для нас; если же одно слабее, то оно лишь слегка изменит более сильное ощущение, и взятые вместе, они станут казаться какой-то простой модификацией. Чтобы убедиться в этом, было бы достаточно понюхать запахи, которые мы не привыкли относить к различным гелам; я убежден, что в этом случае мы не решили бы утверждать определенным образом, имеем ли мы дело с одним запахом или с несколькими. Но в таком именно положении находится наша статуя.

Таким образом она приобретает способность различия лишь благодаря вниманию, оказываемому ею в одно и то же время некоторой модификации, которую она испытывает в данный момент, и другой модификации, которую она уже испытала ранее. Следовательно ее суждения не относятся к двум запахам, ощущаемым одновременно; их предметом являются лишь следующие друг за другом ощущения.

Глава III

О ЖЕЛАНИЯХ, СТРАСТЯХ, ЛЮБВИ, НЕНАВИСТИ, НАДЕЖДЕ, СТРАХЕ И ВОЛЕ У ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИ- ЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОБОНИЯНИЯ

§ 1. Желание пред-
ставляет лишь
действие способ-
ностей

Мы только что показали, в чем заключаются различные виды потребностей и как они являются причиной той различной интенсивности, с какой способности души устремляются к некоторому благу, наслаждение которым становится необходимым. Но желание есть не что иное, как само действие этих способностей, когда они устремляются к вещи, потребность в которой мы ощущаем¹.

§ 2. Что соста-
вляет слабость
или силу жела-
ния

Таким образом всякое желание предполагает, что статуя обладает идеей чего-то лучшего, чем то, что она есть в данный момент, и что она судит о различии двух следующих друг за другом состояний. Если они мало отличаются друг от друга, то от отсутствия модификации, которой она желает, она страдает не так сильно; я называю *неприятным состоянием* (*malaise*) или *легким неудовольствием* испытываемое ею ощущение; в этом случае действие ее способностей, ее желания слабее. Наоборот, она испытывает большее страдание, если эта разница значительна, и я называю *беспокойством* или даже *мучением* испытываемое ею тогда ощущение; в этом случае действие ее способностей, ее желания интенсивнее. Таким образом мерилом желания является различие, находимое между обоими этими состояниями; и достаточно вспомнить, как может стать сильнее или слабее действие способностей, чтобы определить всю градацию интенсивности, на которую способны желания.

§ 3. Страсть—это
господствующее
желание

Они не бывают например никогда более бурными, чем тогда, когда способности статуи устремляются к благу, отсутствие которого вызывает тем большее беспокойство, чем больше оно отличается от ее состояния в данный момент. В этом случае ничто не может отвлечь ее от названного предмета; она вспоминает его, она воображает его, все ее способности заняты

¹ «Logique», Leçons préliminaires du cours d'étude.

исключительно им. Следовательно, чем более она его желает, тем более она привыкает желать его. Одним словом, она испытывает по отношению к нему то, что называют *страстью*, иначе говоря—желание, не позволяющее иметь других желаний или по крайней мере господствующее над другими желаниями.

Эта страсть существует до тех пор, пока является предметом ее благо продолжает казаться самым приятным и пока отсутствие его сопровождается тем же беспокойством. Но она заменяется другой страстью, если у статуи будет повод привыкнуть к какому-то новому благу, которому она отдает предпочтение.

Раз статуя испытывает наслаждение, страдание, потребность, желание, страсть, то налицо имеются также любовь и ненависть. Действительно, она любит приятный запах, которым она наслаждается и который она желает. Она ненавидит неприятный запах, который заставляет ее страдать. Наконец она любит меньше менее приятный запах, который она хотела бы заменить другим. Чтобы убедиться в этом, достаточно заметить, что любить это все равно, что наслаждаться или желать, и что ненавидеть—это все равно, что страдать, испытывать неудовольствие от присутствия какого-нибудь предмета.

Так как в беспокойстве, вызываемом отсутствием приятного предмета, и в недовольстве, вызываемом присутствием неприятного предмета, может быть несколько степеней, то то же самое надо различать в любви и ненависти. Для обозначения этого у нас имеется даже целый ряд особых слов. Таковы слова: *иксус*, расположение, склонность; нерасположение, противность, отвращение. Хотя эти слова не эквивалентны словам—любовь и ненависть, но выражаемые ими ощущения представляют собой начало этих страстей; они отличаются от них лишь меньшей степенью интенсивности.

Впрочем любовь, на которую способна наша статуя, есть лишь любовь к себе самой, то, что называют *себялюбием*. Действительно, она любит только себя, ибо вещи, которые она любит, представляют лишь ее собственные модификации.

§ 4. Как одни страсти следуют за другой

§ 5. Что такое любовь и ненависть

§ 6. И та и другая способны быть различной степени интенсивности

§ 7. Статуя способна любить только себя саму

Надежда и страх возникают из того же принципа, что любовь и ненависть.

Привычка нашей статуи испытывать приятные и неприятные ощущения заставляет ее думать, что она может испытывать их еще. Если суждение это соединяется с любовью к приятному ощущению, то оно порождает надежду; если же оно соединяется с ненавистью к неприятному ощущению, то оно порождает страх. Действительно, надеяться—это значит рассчитывать на наслаждение каким-нибудь благом; бояться же—это значит видеть перед собою угрозу какого-нибудь зла. Можно указать, что надежда и страх способствуют увеличению желаний.

Из борьбы этих двух чувств рождаются самые сильные страсти.

Воспоминание об удовлетворении в прошлом некоторых своих желаний заставляет нашу статую тем более надеяться на то, что она сможет удовлетворить и другие желания, что, не зная возможных к этому препятствий, она не понимает, почему предмет ее желаний не может оказаться доступным ей, как это было с ее желаниями в других случаях. В действительности она не может быть уверена в этом, но у нее нет также доказательства противного. В частности, если она вспомнит, что то самое желание, которое она испытывает в данный момент, в других случаях сопровождалось удовлетворением, то она будет надеяться на удовлетворение его тем больше, чем большей будет ее потребность. Таким образом две причины вызывают в этом случае ее уверенность: во-первых, опыты удовлетворения в прошлом подобного желания, а во-вторых, стремление удовлетворить его еще раз¹. Поэтому она не ограничивается просто тем

¹ Наша статуя похожа на нас, людей. Мы ведем себя в соответствии с указаниями опыта и руководимся различными правилами вероятности в зависимости от доминирующего в нас интереса. Если интерес этот велик, то с нас обычно достаточно малейшей степени вероятности; оказываемся же мы достаточно благородными, чтобы принимать решения лишь на основании значительной вероятности, обыкновенно лишь тогда, когда мы слабо заинтересованы.

что желает: она теперь настойчиво хочет: *соля* и есть абсолютное желание, сопровождаемое мыслью, что желаемая вещь находится в нашей власти.

Г л а в а IV

ОБ ИДЕЯХ ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОБОНИЯНИЯ

Наша статуя не может испытывать последовательно различных модификаций, из которых ей одни нравятся, а другие не нравятся, и не заметить, что она переходит поочереди через состояние удовольствия и состояние страдания. В одних случаях она переживает удовольствие, наслаждение; в других же — неудовольствие, страдание. Таким образом в ее памяти сохраняются идеи удовольствия и неудовольствия, общие нескольким модификациям ее; и достаточно ей начать рассматривать свои ощущения с этих двух точек зрения, чтобы составить из них два класса, в которых она, вместе с ростом ее опыта, научится различать оттенки.

Абстрагировать — это значит отделять одну идею от другой, с которой она кажется естественным образом соединенной. Статуя, заметив, что идеи удовольствия и неудовольствия общи нескольким из ее модификаций, приобретает привычку отделять их от такой частной модификации, от которой первоначально она их не отличала; таким образом она составляет из них абстрактные понятия, и понятия эти становятся общими, ибо они свойственны некоторым из ее модификаций.

Нюхая последовательно несколько цветков того же самого вида, статуя будет испытывать всегда одну и ту же модификацию, и это вызовет у нее в связи с этим лишь частную идею. Так например запах фиалки не сможет стать для нее абстрактной идеей, общей некоторым цветкам, ибо она не знает, что существуют фиалки. Таким образом ей свойственна лишь частная идея некоторой модификации. Следовательно все ее абстракции ограничиваются более или менее приятными либо более или менее неприятными модификациями.

§ 1. У статуи имеются идеи удовольствия и неудовольствия

§ 2. Эти идеи абстрактны и общи

§ 3. Наконец-нибудь запах представляется для статуи лишь частную идею

§ 4. Как предметом ее воли становится удовольствие вообще

Когда у статуи имелись только частные идеи, то она могла желать лишь такую-то или такую-то определенную модификацию. Но лишь только у нее образуются абстрактные понятия, как ее желания, ее любовь, ее ненависть, ее надежда, ее страх, ее воля могут начать устремляться к предмету удовольствия или страдания вообще.

Однако эта любовь к благу вообще может иметь место лишь тогда, когда среди идей, всплывающих смутно в ее памяти, она не различает еще той, которая должна ей особенно нравиться; но лишь только она ее заметит, как все ее желания устремляются к некоторой частной модификации.

Так как она различает состояния, черезе которые она проходит, то она обладает некоторой идеей числа; она обладает идеей единицы всякий раз, когда она испытывает или вспоминает какое-нибудь ощущение, и она обладает идеями двух и трех всякий раз, когда память напоминает ей о двух или трех ее различных модификациях, ибо она сознает себя в этих случаях либо как запах, либо как бывшую запахом два или три раза последовательно.

Она не может различить двух запахов, которые она ощущает одновременно. Таким образом само по себе чувство обоняния может сообщить ей лишь идею единицы, а идеи чисел она может заимствовать только у памяти.

Но границы ее познаний в этом вопросе весьма узки. Подобно ребенку, не научившемуся еще считать, она не сумеет определить число идей, когда ряд их будет более или менее велик.

Мне кажется, что для определения наибольшего числа, которое она способна отчетливо знать, достаточно рассмотреть, до каких пор мы сами могли бы считать со знаком *один*. Там, где совокупности, образованные повторением этого слова, не могут представляться нам одновременно отчетливым образом, мы вправе утверждать, что точные идеи соответствующих им чисел не могут приобретаться при помощи одной только памяти.

Говоря один и один, я имею идею двух; а говоря один,

§ 5. Статуя обладает идеями числа

§ 6. Тем, что она имеет идею числа, она обязана только своей памяти

§ 7. Границы этих ее идей

один и один, я имею идею трех. Но если бы для выражения десяти, пятнадцати, двадцати я обладал только возможностью повторять этот знак, то я никогда не смог бы дойти до их идей, ибо при помощи памяти я не смог бы быть уверенным в том, что я повторил слово *один* столько раз, сколько этого требует каждое из этих чисел. Мне кажется даже, что я не сумел бы этим способом составить себе идею четырех и что я нунждаюсь в каком-нибудь особом приеме, чтобы быть уверенным, что я не повторил знак единицы ни слишком много, ни слишком мало раз. Я скажу например *один*, *один*, и затем *один*, *один*; но это одно доказывает, что память не схватывает отчетливо одновременно четырех единиц. Дальше трех она дает лишь картину неопределенного множества. Лица, думающие, что с помощью одной памяти можно расширить область наших идей дальше, подставляют вместо трех другое число. Для моих рассуждений достаточно принять, что существует такое число, за пределами которого память дает возможность различить лишь совершенно смутное множество. Только благодаря искусству знаков мы сумели пойти дальше. Но как бы велики ни были числа, которые мы в состоянии анализировать, всегда остается некоторое множество, которого невозможно определить, которое поэтому называют *бесконечным* (*infini*) и которое было бы правильно назвать *неопределенным* (*indéfini*). Одна эта перемена наименования избавила бы нас от ряда ошибок¹.

Таким образом мы можем утверждать, что наша статуя умеет отчетливо различать не более трех своих модификаций. За этим она увидит множество, которое будет для нее тем, чем для нас является мнимое понятие бесконечного. Ошибка ее в этом случае даже извинительнее, чем наша ошибка относительно бесконечности, ибо она неспособна к размышлению, которые могли бы избавить ее от заблуждений. Поэтому

¹ Главным образом от ошибки, будто мы обладаем положительной идеей бесконечности, ошибки, являющейся источником многочисленных неверных рассуждений метафизиков, иногда даже математиков.

она увидит в этом множество бесконечное, точно оно действительно имеется в нем.

Наконец мы укажем, что ее идея единицы абстрактна; действительно, она ощущает все свои модификации с той общей точки зрения, что каждая из них отлична от всякой другой.

§ 8. Она знает два вида истин

Так как она обладает частными идеями и общими идеями, то она знает два вида истин.

О частных истинах

Запахи каждого вида цветов представляют для нее лишь частные идеи. То же самое следовательно относится ко всем истинам, которые она замечает, когда различает один запах от другого.

Об общих истинах

Но она обладает абстрактными понятиями о приятных и неприятных модификациях. Следовательно она обладает по этому вопросу общими истинами. Она знает, что вообще ее модификации отличаются друг от друга и что они более или менее нравятся или не нравятся ей.

Но эти общие знания предполагают наличие у нее частных знаний, ибо частные идеи предшествовали абстрактным понятиям.

§ 9. Она обладает некоторой идеей возможного

Так как у нее есть привычка быть, перестать быть и снова стать тем же самым запахом, то она будет думать, когда она не бывает этим запахом, что она может быть им, а когда она им бывает, то она может не быть им. Таким образом она сможет рассматривать свои модификации как могущие существовать или не существовать. Но это понятие возможного не заключает в себе знания причин, способных вызвать некоторое действие; наоборот, оно предполагает неизнание их и основывается лишь на некотором привычном суждении. Когда например статуя думает, что она может перестать быть запахом розы и стать запахом фиалки, то она не знает, что ее ощущение целиком зависит от некоторого внешнего существа. Для того чтобы ее суждение оказалось ошибочным, нам достаточно преподносить ей постоянно один и тот же запах. Правда, иногда ее воображение может помочь ей в этом, но это лишь в тех случаях, когда ее желание очень сильно, да и тогда она не всегда имеет в этом успех.

Может быть статуя в состоянии была бы также со-
ставить себе на основании своих привычных сужде-
ний некоторую идею невозможного. Так как она при-
выкла утрачивать известную модификацию, лишь
только она приобретает другую, то она не может
испытывать одновременно двух модификаций. Она
могла бы думать обратное лишь в одном случае,
именно если бы ее воображение работало с такой
силой, что оно нарисовало бы ей два ощущения с такой
же яркостью, как если бы она их в действительности
переживала. Но это не может случиться; ее вооб-
ражение естественным образом сообразуется с при-
обретенными ею привычками. Испытывая свои моди-
фикации лишь одну за другой, она может поэтому
пообразить их себе лишь в этом порядке. Кроме того
ее память вероятно не настолько сильна, чтобы вос-
становить два ощущения, которые она имела и кото-
рых она больше не имеет.

Мне кажется более вероятным, что ее привычка
думать, что то, что с ней случилось, может случиться
с ней еще раз, заключает в себе идею возможного, и
мало вероятно, чтобы она имела случай составить
себе суждения, в которых мы могли бы найти нашу
идею невозможного. Для этого она должна была бы
заниматься тем, чего она еще не испытала, но
гораздо естественнее думать, что она целиком по-
глощена тем, что она испытывает.

Из ее способностей различения запахов возникает
сия последовательности. Действительно, она не мо-
жет чувствовать, что она перестала быть тем, чем
а была, не представляя себе в этом изменении дли-
тельности, состоящей из двух моментов.

Так как она может охватить отчетливым образом не
более трех запахов, то в своей длительности она смо-
жет различить не более трех моментов. За этим для
нее будет существовать некоторая неопределенная
последовательность.

Если предположить, что память может напомнить
ей отчетливо до четырех, пяти, шести модификаций, то
она сможет различать в своей длительности четыре,
пять, шесть моментов. Каждый может составить

себе по этому вопросу более улыбающиеся ему гипотезы и заменить ими те, которые предпочитаю я.

§ 12. Будущей длительности

Переход от одного запаха к другому вызывает у нашей статуи лишь идею прошлого. Чтобы иметь идею будущего, она должна была бы испытать несколько раз один и тот же ряд ощущений и составить себе привычку думать, что после некоторой модификации должна следовать другая модификация.

Возьмем например такой ряд: нарцисс, роза, фиалка. Если эти запахи связаны между собою постоянно в таком порядке, то лишь только один из них станет действовать на орган чувства статуи, как тотчас же память напомнит ей другие запахи в том порядке, в котором они находятся по отношению к переживаемому запаху. Подобно тому как в случае запаха фиалки два других запаха всплывают в памяти как предшествовавшие ему и статуя представит себе прошлую длительность, так в случае запаха нарцисса запахи розы и фиалки всплывают в памяти как должны следовать за ним, и статуя представит себе будущую длительность.

Итак, запахи нарцисса, розы и фиалки могут служить знаком трех моментов, которые она различает отчетливым образом. Таким же образом предшествующие им и обыкновенно следующие за ними запахи будут отличать моменты, которые она смутно различает в прошлом и будущем. Поэтому, когда она станет нюхать розу, то память напомнит ей отчетливо запах нарцисса и запах фиалки, и она нарисует ей картину неопределенной длительности, которая предшествовала моменту, когда она понюхала нарцисс, и неопределенной длительности, которая должна следовать за моментом, когда она понюхает фиалку.

§ 13. Неопределенной длительности

Воспринимая эту длительность как неопределенную, она не может отличить в ней ни начала, ни конца: она даже не может заподозрить существование их. Поэтому по отношению к ней длительность эта является абсолютной вечностью, и она чувствует себя точно так, как если бы она всегда существовала

§ 14. Эта длительность является для нее вечностью

и ни когда не должна была бы перестать существовать.

Действительно, не размышление о последовательности наших идей дает нам знать, что мы имели начало и что мы будем иметь конец, а внимание, уделяемое нами существам нашего вида, рождение и смерть которых мы наблюдаем. Человек, который знал бы только свое собственное существование, не имел бы никакого представления о смерти.

Идея длительности, вызванная первоначально последовательностью впечатлений, испытываемых органом чувства, сохраняется или воспроизводится с помощью последовательности ощущений, вспоминаемых памятью. И таким образом паша статуя продолжает даже тогда, когда пахучие тела уже не действуют на нее, представлять себе настоящее, прошедшее и будущее. Настоящее—благодаря состоянию, в котором она находится; прошедшее—благодаря воспоминанию о том, чем она была; будущее—благодаря мысли о том, что, испытав несколько раз одни и те же ощущения, она может испытать их еще.

Таким образом в нашей статуе имеются две последовательности: последовательность впечатлений, испытываемых органом чувства, и последовательность ощущений, сохраняющихся в памяти.

Несколько впечатлений могут сменять друг друга в органе чувства, в то время как воспоминание об одном и том же ощущении имеется налицо в памяти, и, наоборот, несколько ощущений могут всплывать последовательно в памяти, в то время как орган чувства испытывает одно и то же впечатление. В первом случае ряд впечатлений, испытываемых обонянием, служит мерой длительности воспоминания о каком-нибудь ощущении; во втором—ряд ощущений, всплывающих в памяти, служит мерой длительности впечатлений, испытываемых обонянием.

Если например статуя, нюхая розу, вспоминает запахи туберозы, нарцисса и фиалки, то о длительности своего ощущения она судит по последовательности, всплывающей в ее памяти; а если я подношу ей быстро ряд издающих запах тел, в то время как она вспомина-

§ 15. В статуе имеются две последовательности

§ 16. Одна из этих последовательностей служит мерой для моментов другой

ет запах розы, то о длительности воспоминания этого ощущения она судит по последовательности, имеющей место в органе чувства. Таким образом она замечает, что нет ни одной ее модификации, которая не могла бы длиться. Длительность становится отношением, под углом зрения которого она рассматривает их все вообще, и она составляет себе о ней абстрактное понятие.

Если, пахая розу, она вспоминает последовательно запахи фиалки, жасмина и лаванды, то она будет ощущать себя запахом розы, который длится три мгновения; а если она вспомнит ряд из двадцати запахов, то она будет ощущать себя запахом розы, длившимся неопределенное время; она не будет больше думать, что она начала быть этим запахом, она станет думать, что она является им от века.

Таким образом только последовательность запахов, передаваемых мозгом органу чувства или возобновляемых памятью, может сообщить ей некоторую идею длительности. Она имела бы понятие только об одном мгновении, если бы первое издающее запах тело действовало на нее однообразно в течение часа, дня или больше, или если бы его действие изменялось столь нечувствительно, что она не заметила бы этих изменений.

То же самое произошло бы, если, приобретя идею длительности, она сохранила некоторые ощущения, не пользуясь своей памятью, не вспоминая последовательно некоторых из своих прошлых модификаций. Действительно, каким образом она сумела бы отличить здесь различные мгновения? А если она их не отличает, то как может она заметить длительность?

Таким образом идея длительности не абсолютна, и когда мы говорим, что время течет быстро или медленно, то это означает лишь, что обращение светил, служащих для измерения его, происходит быстрее или медленнее смены наших идей. Мы можем убедиться в этом, сделав следующие предположения.

Вообразим себе мир, состоящий из стольких же частей, что и наш, но не больше орешка. Несомненно,

§ 17. Идея длительности не абсолютна

§ 18. Предположение, доказывающее это

что небесные светила воходили и заходили бы в нем тысячи раз в течение одного нашего часа; при нашей теперешней организации мы не могли бы следить за движением их. Следовательно органы разумных существ, вынужденных обитать в нем, должны были бы быть устроены пропорционально столь быстрым обращениям¹.

Таким образом за то время, что земля этого крохотного мирка будет вращаться вокруг своей оси и обращаться вокруг своего солнца, обитатели его получат столько же идей, сколько мы их получаем за время подобных же обращений нашей земли. Очевидно поэтому, что их дни и их годы будут казаться им столь же долгими, как нам кажутся наши.

Если предположить существование другого мира, во столько же раз большего нашего мира, во сколько последний больше только что нарисованного мира, то обитателям его пришлось бы придать органы с восприимчивостью, слишком медленной для обращений наших светил. Они отвосились бы к нашему миру так, как мы относимся к крохотному миру величиной с орешек. Они не могли бы различить в нем никакой последовательности движения.

Спросим наконец у обитателей этих миров, какова их длительность: обитатели крохотного мира стали бы насчитывать миллионы веков, а обитатели наибольшего мира, едва раскрыв глаза, сказали бы, что они только-только родились.

Таким образом понятие длительности совершенно относительно: каждый судит о ней лишь на основании последовательности своих идей, и вероятно нет двух человек, которые насчитывают за данный промежуток времени одинаковое число мгновений. Действительно, нет оснований думать, что существуют хотя бы два человека, память которых рисует им всегда их идеи с одинаковой скоростью.

Таким образом ощущение, которое оставалось бы

¹ Мальбранш делает подобное предположение для доказательства того, что мы судим о величине тел лишь на основании существующих между ними и нами отношений (*«Recherches de la vérité»*, Livre I, chap. 6).

у нашей статуи однообразным в течение года или, если угодно, тысячи лет, представилось бы ей одним мгновением, подобно тому как нам кажется мгновением идея, которая сохраняется у нас за то время, что обитатели крохотного мирка насчитывают века¹. Поэтому ошибочно думать, будто все существа насчитывают одинаковое число мгновений. Если наличие неизменной идеи является для меня мгновением, то отсюда следует, что мгновение моей длительности может сосуществовать с несколькими мгновениями длительности другого человека.

Г л а в а V

О СНЕ И СНОВИДЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОБОНИЯНИЯ

§ 1. Как замедляется длительность способностей статьи

Нашу статую можно заставить быть одним только воспоминанием о некотором запахе; в этом случае она повидимому утрачивает чувство своего существования. Она чувствует не столько то, что она существует, сколько то, что она существовала; и параллельно

¹ Предположение об этих мирах показывает, что, для того чтобы представить себе одни из них более древними, чем другие, нет необходимости в существовании последовательной вечности, в которой они были бы сотворены раньше либо позже; достаточно изменить обращения светил и представить себе устроенными соответственно органы обитателей этих миров.

Это предположение показывает также, что одно мгновение длительности какого-нибудь существа может сосуществовать и фактически сосуществует с несколькими мгновениями длительности другого существа. Мы можем поэтому вообразить себе разумные существа, воспринимающие зараз идеи, которые представляются им последовательным образом, и дойти таким образом до духа, охватывающего в одно мгновение все познания, приобретаемые сотворенными существами в течение ряда веков, и не испытывающего поэтому никакой последовательности. Он будет как бы в центре всех этих миров, в которых имеются столы различных представления о длительности, и, схватывая сразу все происходящее в них, он сразу увидит их прошедшее, настоящее и будущее.

Таким путем мы можем составить себе, насколько это доступно нам, идею неделимого и постоянного мгновения, с которым сосуществуют мгновения сотворенных существ и в ко-

тому, как ее память начинает рисовать ей с меньшей прокостью идеи, этот остаток чувства становится еще слабее. Подобно постепенно угасающему свету он совершенно прекращается, когда эта способность становится окончательно пассивной.

Наш опыт не позволяет нам сомневаться в том, § 2. Состояние сна что постоянное упражнение должно наконец утомить память и воображение нашей статуи. Станем же рассматривать эти способности в состоянии покоя, не раздражая их никаким ощущением; это состояние и есть состояние сна.

Если покой их таков, что они абсолютно пассивны, то сон нашей статуи будет наивозможно глубоким. Если, наоборот, они продолжают еще функционировать, то их действие обнаружится только на части приобретенных идей. Ряд звеньев в цепи идей выпадет, и порядок идей во сне будет отличаться от порядка их в состоянии бодрствования. Удовольствие не будет больше единственной причиной, обусловливающей деятельность воображения. Эта способность вызовет лишь те идеи, над которыми она еще сохранила некоторую власть, и она столь же часто будет источником злополучия нашей статуи, как и благополучия ее.

Таково состояние сновидения. Оно отличается от состояния бодрствования тем, что при нем идеи не сохраняют того же самого порядка и что удовольствие не является законом постоянно управляющим воображением. Всякое сновидение предполагает несколько выпавших идей, на которые способности души не могут больше действовать.

Так как наша статуя не знает различий между привыкшим воображением и переживанием ощущений, то она не знает и различия между сновидением и бодрствованием. Таким образом все, что она испытывает во сне, для нее так же реально, как и то, что она испытала до сна.

тором они следуют друг за другом. Я говорю: *насколько это доступно нам*, ибо все это лишь сравнение. Ни мы, ни какое-нибудь другое сотворенное существо не может иметь точного понятия о вечности. Один только бог знает ее, ибо один только он наслаждается ею.

§ 3. Состояние сновидения

§ 4. Чем оно отличается от состояния бодрствования

§ 5. Статуя не могла бы замечать различия между ними

О «Я» ИЛИ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОБОЯНИЯ

§ 1. О личности статуи

Наша статуя, обладая памятью, не может быть некоторым запахом, не вспоминая, что она была каким-то другим запахом. Вот уже начало ее личности, ибо если бы она могла сказать я, то она сказала бы это во все мгновения своей длительности, и каждый раз ее я охватывало бы все мгновения, память о которых сохранилась у нее.

§ 2. Оно не может сказать «я» в первый момент своего существования

Конечно она не могла сказать этого в случае первого испытанного ею запаха. По-моему, то, что понимают под этим словом, относится лишь к существу, замечающему, что в настоящий момент оно не то, чем было раньше. Пока оно не изменяется, оно существует, не анализируя себя самого; но лишь только оно начинает изменяться, как оно начинает думать, что оно то же самое существо, которое было раньше каким-то образом, и оно говорит я.

Это замечание показывает, что в первый момент своего существования статуя не может составить себе никаких желаний, ибо прежде чем иметь возможность сказать: я желаю, надо сказать: я.

§ 3. Ее «я» есть одновременно сознание того, что она есть, и воспоминание о том, чем она была

Таким образом запахи, о которых статуя не вспоминает, не входят в ее идею о себе. Столь же чуждые ее я, как цвета и звуки, о которых она не имеет еще никакого понятия, они относятся к ней так, точно она их никогда не испытала. Ее я есть лишь совокупность ощущений, которые она испытывает, и ощущений, которые ей напоминает ее память¹. Одним словом, оно есть одновременно и сознание того, что она есть, и воспоминание о том, чем она была.

¹ «Если кто-нибудь,—говорит Паскаль (гл. 24, № 14),— любит какую-нибудь особу из-за ее красоты, то разве он ее любит? Нет, ибо достаточно осмы, которая обезобразит эту особу, не погубив, чтобы он перестал ее любить. А если меня любят за мой ум или за мою память, то разве меня любят? Нет, ибо я могу утратить эти способности, не переставая существовать. Где же находится я, если оно не в теле, и не в душе? И как любить тело и душу, если не за качества, которые од-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Доказав, что наша статуя способна обладать вниманием, вспоминать, сравнивать, судить, различать, воображать; что она имеет абстрактные понятия, идеи числа и длительности; что она знает общие и частные истины; что она имеет желания, страсти, любит, ненавидит, хочет; что она способна надеяться, бояться и удивляться, и наконец, что она приобретает привычки,—мы имеем право притти к выводу, что разум, обладая только одним чувством, имеет столько же способностей, как и при пяти чувствах, взятых вместе. Мы увидим, что те способности, которые кажутся свойственными только нам, представляют вышеуказанные способности, которые только, будучи применены к более многочисленным предметам, развиваются пышнее.

Если мы примем во внимание, что вспоминать, сравнивать, судить, различать, воображать, удивляться, иметь абстрактные идеи, иметь идеи числа и длительности, знать общие и частные истины представляют только различные способы быть внимательными; что иметь страсти, любить, ненавидеть, надеяться, бояться и желать представляет лишь различные способы желать, и наконец, что быть внимательными

§ 1. Душа, обладая только одним родом чувств, имеет зародыши всех своих способностей

§ 2. Ощущение содержит в себе все душевные способности

нам не составляют я, ибо они преходящи? Разве можно любить абстрактно субстанцию души какой-нибудь личности, независимо от качества ее? Это невозможно, и это было бы несправедливо. Таким образом никогда не любят личность, и только качества, или же, если любят личность, то надо сказать, что личность образуется совокупностью качеств».

Личность образуется не совокупностью качеств; ведь если признать это; то один и тот же человек, которого мы взяли бы молодым или старым, красивым или безобразным, благородным или безумным, составлял бы несколько различных личностей, и за какие качества бы меня ни любили, все же любят именно меня, ибо качества представляют лишь различные модификации моего я. Если бы кто-нибудь, наступив мне на ногу, сказал: *Разве я причинил вам боль?* *Нет, ибо вы могли бы потерять ногу, не переставая быть самим собою,* то убедило ли бы это меня, что мне не причинили боли? Почему

и желать это первоначально все равно, что ощущать, то мы придем к выводу, что ощущение содержит в себе все способности души.

§ 3. Удовольствие и страдание являются единственным двигателем их

Наконец, если мы примем во внимание, что не существует абсолютно безразличных ощущений, то мы придем и к тому выводу, что различные степени удовольствия и страдания представляют закон, согласно которому развился зародыш всего того, чем мы являемся, создав все наши способности.

Этот принцип можем назвать потребностью, удивлением и еще как-нибудь иначе, но он остается всегда одним и тем же, ибо мы всегда действуем под влиянием удовольствия или страдания во всем том, что заставляет нас делать потребность или удивление.

Действительно, наши первые идеи представляют только удовольствие или страдание. Вскоре на смену им приходят другие идеи, давая место сравнениям, в которых берут начало наши первые потребности и наши первые желания. Наши попытки удовлетворить их порождают другие идеи, вызывающие в свою очередь новые желания. Удивление, заставляющее нас переживать остро все необычайное, от времени до времени усиливает активность наших способностей; и так образуется цепь, звеньями которой служат попрежнему идеи и желания и за которой достаточно проследить, чтобы открыть закон развития всех человеческих знаний.

§ 4. Все сказанное о чувстве обоняния можно применить к другим чувствам

Почти все, сказанное мной о способностях души на основании анализа обоняния, я мог бы сказать, исходя из всякого другого чувства: нетрудно применить к ним эти рассуждения. Мне остается лишь рассмотреть, что свойственно специфически каждому из них.

же стану я думать, что раз я могу потерять память и рассудок, то любят не меня, когда меня любят за эти качества? Но, скажут, они ведь преходящи. Что же из того? Разве я это такая необходимая по своей природе вещь? Разве оно не погибает у животных, и разве его бессмертие у человека не есть плод милости божией?

С точки зрения Паскаля один только бог мог бы сказать я.

О ЧЕЛОВЕКЕ, ОГРАНИЧЕННОМ ЧУВСТВОМ СЛУХА

Ограничим нашу статью чувством слуха и станем ^{§ 1. Статия, ограниченная чувством слуха, есть все то, что она слышит} рассуждать так, как мы рассуждали тогда, когда она была ограничена только чувством обоняния.

Когда ее ухо подвергается внешнему воздействию, то она становится тем ощущением, которое она испытывает. Она—точно эхо, о котором Овидий говорит: *sonus est qui vivit in illa*—в ней живет звук. Таким образом мы можем превратить ее по произволу в шум, в звук, симфонию, ибо она не подозревает, что существует нечто иное, помимо нее. Слух не дает ей никакой идеи о каком-нибудь предмете, расположеннном на некотором расстоянии. Близость или удаленность звучащих тел вызывает у нее только более сильный или более слабый звук; от этого она чувствует только более или менее сильно свое существование.

Тела вызывают в ухе два вида ощущений¹: один из ^{§ 2. Два вида слуховых ощущений}

¹ Было замечено, что в случае звучания звучащих тел главный звук сопровождается двумя другими находящимися к нему в определенном и подчиненном математическому вычислению отношении. Их называют гармоническими по отношению к главному звуку. Хорошо устроенное ухо способно улавливать эти отношения, и вот почему говорят, что оно распознает (*apprécie*) звуки. Поэтому звук в собственном смысле слова можно определить как доступный распознаванию звук.

Наоборот, шум происходит от нескольких звуков, не имеющих общих гармонических тонов. Это—множество смешивающихся между собой главных и гармонических звуков. Поэтому его можно определить как недоступный распознаванию звук.

Вообразим себе десяток настроенных в униссон скрипок. Если дать звучать на них одной и той же струне, то вместе они издают звук и в собственном смысле слова, доступный распознаванию звук, ибо можно определить его терцию и квинту. Но если мы предположим их все дисгармоничными, то они произведут только шум, ибо издаваемый ими совокупный звук не имеет гармонических тонов. Одно то же и *mi* и одно и то же *sol*, представляющие гармонические тона от *do* одной из этих скрипок, не являются гармоническими тонами от *do* других скрипок. Таким образом шум образуется благодаря смешению нескольких звуков.

них — это звук в собственном смысле слова, другой — шум.

Ухо устроено так, чтобы улавливать определенные отношения между одним звуком и другим, но между шумом и звуком оно может улавливать только смутное отношение. Шум относится к чувству слуха примерно так, как множество запахов к чувству обоняния.

§ 3. Статуя различает несколько шумов лишь тогда, когда они следуют друг за другом

Если в первое мгновение напа статуя услышит одновременно несколько шумов, то самый сильный из них покроет остальные, и они так смешаются между собою, что она испытает лишь простую модификацию, в которой они сольются между собой.

Если же они следуют друг за другом, то она сохраняет воспоминание о том, чем она была. Она различает свои различные модификации, она сравнивает их, она судит о них и образует из них ряд, сохранившийся в ее памяти в том порядке, в котором статуя их сравнивала,—предполагая конечно, что она испытывает этот ряд несколько раз. Поэтому, когда эти шумы станут еще раз следовать друг за другом, то она их узнает, но она не сможет узнать их, когда они будут раздаваться одновременно. В данном случае следует рассуждать так, как мы рассуждали относительно запахов.

§ 4. То же самое относится к звукам

Что касается звуков в собственном смысле слова, то ухо, будучи устроено для точного ощущения их отношений, различает их тоньше и лучше. Его волокна как бы распределяют между собой колебания звучащих тел, и статуя может отчетливо услышать одновременно несколько звуков. Однако достаточно принять во внимание, что люди, не занимающиеся музыкой, не обладают такой тонкой способностью различения, чтобы притти во всяком случае к убеждению, что наша статуя не сумеет различить в первый момент двух звуков, которые она услышит одновременно.

Но сумеет ли она различить их, познакомившись с ними порознь? Это кажется мне маловероятным; хотя ее ухо по своему устройству способно чувствовать различия между звуками, но последние так

похожи друг на друга, что можно думать, что статуи без помощи суждений, приучающих ее относить их к различным телам, будет продолжать смешивать их.

Как бы то ни было, различные степени удовольствия и страдания дадут ей приобрести те же самые способности, которые она приобрела с помощью обоняния. Но здесь надо сделать несколько особенностей замечаний.

Во-первых, удовольствия, от чувства слуха заключаются главным образом в мелодии, т. е. в смене гармонических звуков, которым ритм сообщает различные особенности. Таким образом желания нашей статуи не ограничиваются устремлением просто к какому-нибудь звуку, она захочет стать целым мотивом.

Во-вторых, эти удовольствия резко отличаются от удовольствий, доставляемых чувством обоняния. Так как звуки более способны вызывать эмоции, чем запахи, то они например вызовут у нашей статуи такую печаль или такую радость, которые не зависят от приобретенных идей, а только от некоторых изменений в теле¹.

В-третьих, они начинаются, подобно удовольствиям от чувства обоняния, с самого легкого ощущения. Каким бы слабым ни был первый шум, он доставляет удовольствие нашей статуе. Если шум начнет усиливаться, то станет усиливаться и удовольствие, которое прекратится лишь тогда, когда звуковые колебания начнут болезненно раздражать выработанную перепонку.

¹ Музыка, подражая пению птиц, грому, грозе, нашим шагам, нашим жалобам, нашим радостным крикам и побуждая своим ритмом наши тела принимать позы и производить движения, соответствующие различным страсти, вызывает впечатления с подражанием удовольствия. Наша статуя не сошита для этих удовольствий, ибо они предполагают наличие суждений и привычек, к которым она неспособна. Но, независимо от такого подражания, музыка сообщает мозгу впечатления, передающиеся всему телу и вызывающие в нем эмоции, в которых наша статуя не может не находить удовольствия или страдания.

§ 5. Она приобретает те же способности, что и с обонянием

§ 6. Удовольствия от чувства слуха заключаются главным образом в мелодии

§ 7. Эта мелодия вызывает эмоции, не предполагающую приобретенных идей

§ 8. Эти удовольствия подобно удовольствиям от чувства обоняния, могут быть различной степени

§ 9. Наиболее сильные удовольствия предполагают опытное ухо

Что касается музыки, то она будет нравиться статуе постольку, поскольку ухо приобретет опыт. Первоначально ей будут нравиться простые и грубы песни. Если затем мы постепенно приучим ее к более сложным мелодиям, то ухо привыкнет к требуемому ими упражнению, и статуя получит таким образом новые удовольствия.

§ 10. А все они предполагают хорошо устроенное ухо

Впрочем такие достижения свойственны только хорошо устроенным ушам. Если слуховые волокна не находятся между собою в надлежащих отношениях, то слух будет фальшивым, представляя нечто вроде плохо настроенного инструмента. Чем значительнее будет этот недостаток, тем менее чувствительна будет наша статуя к музыке; она сможет даже оказаться не более восприимчивой к ней, чем к шумам.

§ 11. Статуя может научиться различать друг от друга шум и пение, раздающиеся одновременно

В-четвертых, так как удовольствие от ряда музыкальных звуков гораздо сильнее удовольствия от непрерывного шума, то можно предположить, что если статуя услышит одновременно какой-нибудь шум и какой-нибудь мотив, из которых ни один не заглушает другого и с которыми она познакомилась порознь, то она не будет смешивать их.

Если бы в первый момент своего существования она их услышала вместе, то она не нашла бы разницы между ними. Действительно по собственному опыту, мы знаем, что мы различаем впечатлениях от органов чувств лишь то, что мы могли заметить в них, а замечаем мы в них лишь идеи, на которые мы последовательно обратили свое внимание. Но если наша статуя, бывшая поочереди песней и шумом ручейка, привыкла различать обе эти модификации и разделять между ними свое внимание, то ввиду их значительного различия, она, по моему мнению, вряд ли смешает их, когда она их услышит вместе, особенно если, как мы предполагаем, ни один не заглушает другого. Поэтому она не преминет заметить, что она одновременно и этот шум и это пение, о которых она вспоминает как о двух, раньше следовавших друг за другом, модификациях.

Принцип, которым я пользуюсь в этих рассужде-

ших, выяснится еще в дальнейшем, ибо я буду еще иметь случай применить егок более убедительным фактам. Мы увидим, как благодаря нашему способу суждения о своих ощущениях мы различаем в них лишь то, что мы привыкли замечать под влиянием окружающих обстоятельств; что все остальное для нас смутно и что мы не сохраняем об этом никаких идей, как если бы мы не испытывали никаких ощущений. Это одна из причин того, почему люди, имеющие одни и те же ощущения, обладают столь различными познаниями. Этот зародыш повсюду одинаков, но у одних он остается бесформенным, а у других он развивается, питается и растет.

Наконец так как шумы относятся к уху так, как запахи относятся к носу, то связь между первыми и памяти будет такой же, как связь между запахами. Но так как звуки в силу своей природы и в силу устройства органа слуха теснее связаны между собою, то память лучше сохранит последовательность их.

§ 12. Ряд звуков связывается между собой в памяти лучше, чем ряд шумов

Г л а в а IX

ЧУВСТВО ОБОНИЯНИЯ И ЧУВСТВО СЛУХА, ВЗЯТЫХ ВМЕСТЕ

Так как чувства эти, взятые порознь, не дают нашей статуе идей какой-нибудь внешней вещи, то они не дадут ее также и взятые вместе. Она не будет подозревать, что обладает двумя различными органами чувств.

§ 1. Оба эти чувства, взятые вместе, не дают идей какой-нибудь внешней вещи

Если в первый момент своего существования статуя услышит звуки и почувствует запахи, то она не сумеет еще различить в себе двух видов модификаций. Звуки и запахи сольются между собой, точно они представляют одну простую модификацию. Действительно, мы видели, что она различает в своих ощущениях лишь те идеи, которые она имела возможность наблюдать каждую в отдельности.

§ 2. Первоначально статуя не отличает звуки от запахов, если она испытывает их одновременно

Но если она имела возможность испытывать ощущения слуха отдельно от ощущений обоняния, то она сумеет различать их, когда она их испытает одновременно; действительно, если только удовольствие наслаждаться одним из них не отвратит ее совершен-

§ 3. Она научается затем различать их

но от удовольствия наслаждаться другим, то она поймет, что она есть одновременно то, чем она раньше была поочереди. Природа этих ощущений мешает им слиться подобно двум запахам; они слишком отличны друг от друга, чтобы не различаться в остающемся от каждого из них воспоминании. Таким образом наша статуя обязана памяти способности различать впечатления, сообщаемые ей одновременно различными органами.

§ 4. Ее существо, как ей кажется, получает двоякое существование

В этом случае ей начинает казаться, что ее существо увеличивается и получает двоякое существование. Благодаря этому в ее привычных суждениях происходит крупная перемена, ибо до соединения слуха с обонянием она не воображала себе, что она может одновременно испытывать столь различные две модификации.

§ 5. Ее память обширнее, чем в случае с одним только чувством

Она очевидно приобретет те же самые способности, как и тогда, когда она обладала обоими этими чувствами порознь. Ее память от этого выигрывает, поскольку совокупность идей станет от этого более разнообразной и более обширной. То какой-нибудь звук напомнит ей ряд запахов, то какой-нибудь запах напомнит ей ряд звуков. Но следует заметить, что оба эти вида ощущений, взятые вместе, подчиняются тому же самому закону, что и до своего объединения, т. е. что более яркие ощущения могут иногда заставить забыть другие и помешать заметить их в самый момент их ощущения.

§ 6. Она образует большие абстрактных идей

Мне кажется далее, что при наличии двух чувств статуя может иметь больше абстрактных идей, чем в случае только одного чувства. Раньше она знала вообще лишь две модификации, одну—приятную, другую—неприятную; но теперь, когда она отличает звуки от запахов, она не может не рассматривать их как два различных вида модификаций. Возможно даже, что шум кажется ей столь отличным от музыкальных звуков, что если бы ей можно было дать понять, что ее ощущения передаются ей органами, то она могла бы вообразить себя обладательницей трех органов чувств: одного для запахов, другого для шумов и третьего для музыкальных звуков.

ОБ ОДНОМ ЧУВСТВЕ ВКУСА И О ЧУВСТВЕ ВКУСА
В СОЕДИНЕНИИ С ЧУВСТВАМИ ОБОНИЯНИЯ
И СЛУХА

Так как я сообщил чувствительность только внутренней полости рта нашей статуи, то я не могу заставить ее принять никакой пищи. Но я предположу, что воздух приносит ей по моему желанию всякого рода вкусы и способен питать ее всякий раз, когда я сочту это необходимым.

Она приобретет те же самые способности, что и при наличии слуха или обоняния; а так как ее рот относится к вкусам так, как нос относится к запахам, а ухо к шумам, то несколько вкусов, взятых вместе, покажутся ей одним единственным вкусом, и она сумеет отличать их лишь в том случае, когда они будут следовать друг за другом.

Чувство вкуса может обыкновенно способствовать ее благополучию и злополучию больше, чем чувство обоняния, ибо вкусы обычно действуют на нас сильнее, чем запахи.

Чувство вкуса способствует этому даже больше, чем музыкальные звуки, ибо потребность в пище делает для нее вкусы более необходимыми и следовательно заставляет ее наслаждаться ими с большей интенсивностью. Голод может сделать ее несчастной, но лишь только она заметит ощущения, способные утолить его, как она начнет обращать на них больше внимания, станет желать их с большей силой и будет пользоваться ими с большим наслаждением.

Если мы присоединим к чувствам слуха и обоняния чувство вкуса, то статуя научится различать ощущения, сообщаемые ими ей одновременно, когда она научится распознавать их в отдельности; для этого однако надо, чтобы ее внимание распределялось между ними приблизительно равномерно; таким образом ее существование как бы устроится.

Правда, ей не всегда будет так же легко отличить вкус от запаха, как вкус от звука. Чувство обоняния

§ 1. Статуя приобретает те же самые способности, что и в случае чувства обоняния

§ 2. Чувство вкуса способствует ее благополучию и злополучию больше, чем чувство обоняния и слуха

§ 3. Она различает ощущения, сообщаемые ими ей

и чувство вкуса настолько сходны, что их ощущения не могут иногда не сливаться между собой¹.

§ 4. Чувство вкуса
может мешать
другим чувствам

Так как вкусы должны интересовать статую более, чем всякие другие ощущения, то она станет заниматься ими с тем большим интересом, чем больше будет ее голод. Таким образом чувство вкуса может мешать другим чувствам, делая даже статую непривычной к запахам и к гармонии.

§ 5. Выгоды, вы-
текающие из сое-
динения этих
чувств

Соединение этих чувств должно еще более расширить и разнообразить совокупность ее идей, увеличить число ее желаний и заставить ее усвоить новые привычки.

§ 6. Сомнение на
счет действия их

Однако очень трудно указать, где статуя перестает различать модификации, которыми она им обязана. Может быть ее способность различения не так велика, как я это думаю², а может быть она более велика. Чтобы иметь возможность судить об этом, следовало бы стать в точности на ее место и окончательно избавиться от всех своих привычек, но я не льщу себя надеждой, что это всегда мне удавалось.

Привычка относить всякую разновидность ощущений к некоторому особому органу должна сильно способствовать тому, что мы замечаем различие между ними; без нее может быть наши ощущения представлялись бы нам какой-то хаотической трухой. В этом случае способность различения статуи была бы очень ограниченной.

Но следует заметить, что спорность или даже опибочность некоторых моих гипотез нисколько не затрагивает основной идеи предлагаемого труда. Если я произвожу наблюдения над нашей статуей, то не столько для того, чтобы убедиться в том, что происходит в ней, сколько для того, чтобы открыть то, что происходит в нас. Я могу заблуждаться, при-

¹ Всякий мог заметить, что он иногда склонен принисывать вкушаемой им пище действующие на его чувство обоняния запахи. Сходство это подтверждается кроме того тем, что чем тоньше у человека чувство обоняния, тем больше развито у него чувство вкуса.

² Так полагала мадемузель Ферран.

писывая ей операции, на которые она не способна, но подобные ошибки не опасны, если они позволяют читателю наблюдать, как эти операции происходят в нем самом.

Г л а с с XI

О ЧЕЛОВЕКЕ, ОГРАНИЧЕННОМ ЧУВСТВОМ ЗРЕНИЯ

Многим читателям утверждение, что глаз неспособен сам по себе видеть пространство вне себя, покажется несомненно очень странным. Мы так привыкли судить при помощи зрения об окружающих нас предметах, что мы не представляем себе, чтобы мы не могли судить о них в тот первый момент, когда наши глаза открылись для света.

Разум бессилен, и успехи его медленны в борьбе с заблуждениями, от которых никто не мог избавиться и которые, возникнув с первым появлением чувств, скрывают свое начало в отдаленных временах, не оставивших о себе никакого воспоминания. Сперва мы думаем, что мы всегда видели так, как мы видим теперь; что все наши идеи родились вместе с нами; и наши первые годы похожи на тот баснословный век поэтов, когда, как думают, боги дали человеку все те знания, которые он не приобрел на своей памяти.

Пусть только какой-нибудь философ выскажет предположение, что все наши знания могут происходить из чувств, как тотчас же все с возмущением начинают выступать против взгляда, кажущегося им столь странным. Каков цвет мысли, начинают спрашивать его, чтобы она могла быть сообщена душе зреньем? Каков вкус ее, запах и т. д., чтобы она могла произойти от чувства вкуса, обоняния, и т. д.? Против него выдвигают тысячи возражений этого рода со всей той уверенностью, которую сообщает человеку общепринятый предрассудок. Философ, потерявшийся высказать свое мнение, не проанализировав предварительно возникновения всех наших идей, приходит в смущение, и тогда уже перестают

§ 1. Об одном предрассудке и доводах против него

сомневаться в том, что это служит доказательством ошибочности его взгляда.

Но философия делает дальнейший шаг. Она открывает, что наши ощущения не суть вовсе качества самих предметов, а, наоборот, только модификация нашей души. Она исследует каждое ощущение в отдельности, и так как она не находит особых трудностей в этом исследовании, то кажется, что она не сделала никакого особенного открытия.

Отсюда нетрудно было заключить, что мы воспринимаем все лишь в самих себе и что следовательно человек, который обладал бы только чувством обоняния, был бы только запахом; если бы он обладал только чувством вкуса, то он был бы вкусом, чувством слуха,—то он был бы шумом или звуком, если бы он обладал чувством зрения, то он бы был светом и цветом. В этом случае наибольшую трудность представляет объяснение того, как мы приобретаем привычку относить заключающиеся в нас ощущения вне. Действительно, должно казаться удивительным, чтобы при наличии чувств, испытывающих все лишь в самих себе и не обладающих никаким средством предположить существование пространства вне их, можно было относить свои ощущения к вызывающим их предметам. Как может ощущение выйти за пределы испытывающего его и ограничивающего его органа?

Но, исследуя свойства чувства осязания, можно было бы показать, что оно способно открыть это пространство и научить другие чувства относить их ощущения к расположенным в этом пространстве телам. В этом случае даже лица, особенно настроенные под влиянием предрассудков против этой истины, начали бы испытывать некоторые сомнения. Они признали бы, что при наличии чувства обоняния или чувства вкуса мы считали бы себя только запахом или вкусом. Чувство слуха представило бы некоторые трудности ввиду нашей привычки рассматривать шумы, как нечто находящееся вне нас. Но этому чувству так трудно судить правильно о расстояниях и положениях, оно так часто ошибается в этом, что под конец признали бы, что оно неспособно судить об

итом само по себе. Его стали бы рассматривать как ученика, плохо запомнившего уроки чувства осязания.

Но как может учиться у осязания зрение, способное судить о расстояниях, которых не может достигнуть чувство осязания; зрение, схватывающее в одно мгновение предметы, которые осязание пробегает лишь медленно и совокупность которых последнее даже не в состоянии никогда охватить?

Аналогия должна была бы заставить нас думать, что зрение не отличается от других чувств; так как световое впечатление, ощущение, полностью находится в глазах, то можно было бы предположить, что они должны видеть только в самих себе, пока они еще не научились относить свои ощущения к предметам. Действительно, если бы они видели лишь так, как они ощущают, то разве могли бы они предположить, что во-вне существует некоторое пространство, а в этом пространстве действующие на них предметы?

Таким образом пришлось бы предположить, что сами по себе они имеют знание только о свете и цветах, и, объяснив на основании этой гипотезы все явления, объяснив, как с помощью осязания они начинают судить о расположенных в пространствах предметах, оставалось бы только обратиться к опыту, чтобы покончить со всеми нашими предрассудками.

Мы должны воздать справедливость г. Молине, который первый высказал гипотезы по интересующему нас вопросу. Он сообщил свою мысль одному философу; это был единственный способ найти себе сторонника. Локк согласился с ним, что слепородденный, глаза которого раскрылись бы для света, не сумел бы отличить при помощи зрения шара от куба. Гипотеза эта была впоследствии подтверждена опытами Чезельдена, для которых она и послужила поводом; и по моему в настоящее время можно установить почти все то, что принадлежит собственно глазам, и то, чем они обязаны чувству осязания.

Итак я считаю себя вправе утверждать, что наша статуя видит только свет и цвета и что она не может думать, что имеется нечто вне ее.

§ 2. Статуя воспринимает цвета как свои собственные модификации

В таком случае в действии световых лучей она находит лишь свои собственные модификации. Чувство зрения действует на нее так, как действуют другие чувства, которые мы уже рассмотрели, и она приобретает при нем те же самые способности.

§ 3. В первый момент она видит их смутным образом

Если в первый момент она воспринимает с одинаковой интенсивностью несколько цветов, то, по-моему, она не может еще заметить ни одного из них в отдельности; так как внимание ее слишком разбрасывается, то она схватывает их смутным образом. Посмотрим, как она может научиться разбираться в них.

§ 4. Как она различает их затем обни в след за другими

Из всех органов чувств мы знаем лучше всего механизм глаза. Ряд опытов показал нам путь световых лучей вплоть до сетчатки; мы знаем, что они производят на нее раздельные впечатления. Правда, мы не знаем, как впечатления эти передаются по зрительному нерву душе, но несомненно, что они доходят до нее, не смешиваясь между собой беспорядочным образом. Действительно, неужели творец природы так тщательно отделил бы их друг от друга на сетчатке, чтобы затем на расстоянии нескольких линий от нее дать им слиться между собою? А если бы это имело место, то как могла бы душа научиться различать их друг от друга?

Таким образом цвета представляют по своей природе ощущения, стремящиеся обособиться друг от друга, и вот как, по моему мнению, наша статуя сумеет заметить некоторое число их.

Среди цветов, проникающих в первый момент в глаз статуи и занимающих глубину его, может оказаться один такой цвет, который она отличает особенно и видит как бы отдельно: это будет тот цвет, к которому ее внимание будет привлечено с известной степенью интенсивности. Если бы она воспринимала его точно так, как другие цвета, то она не сумела бы его отличить. Так, мы не сумели бы различить ничего в какой-нибудь деревне, в которой мы захотели бы видеть все зараз и одинаковым образом.

Если бы два цвета привлекли ее внимание к себе с одинаковой силой одновременно, то она бы их заметила так же легко, как один единственный цвет; если

им таким же образом ее внимание было привлечено громя цветами, то она их тоже заметила бы с такой же легкостью. Но на это, по-моему, она еще неспособна: удовольствие рассматривать их один за другим должно подготовить ее к удовольствию рассматривать их одновременно несколько.

Весьма вероятно, что она относится к двум или трем цветам, попадающим в ее глаз с кучей других, так, как мы сами относимся к более или менее сложной картине, сюжет которой нам незнаком. Сперва мы замечаем на ней подробности смутным образом; затем глаза наши фиксируются на одной какой-нибудь фигуре, потом на другой, и только после того как мы их рассмотрели одну за другой, мы начинаем судить о них, взятых вместе.

Смутность зрения при первом взгляде не есть результат какого-то абсолютного числа предметов, так что все смутное для меня должно было бы быть так же смутным и для всякого другого человека. Она — результат множества предметов, слишком большого по сравнению с ничтожным опытом моих глаз. Художник и я, мы видим одинаково все части какой-нибудь картины, но в то время как он разбирается в них быстро, я их замечаю с таким трудом, что мне начинает казаться, будто я каждый раз вижу то, чего и еще не видел раньше.

Таким образом, хотя в этой картине имеется больше различных вещей для глаз нашей статуи, чем для моих, но она посреди всех цветов, которые она видит в первое мгновение, может вероятно заметить лишь один единственный цвет, ибо глаза ее не приобрели еще достаточно опыта.

В таком случае, хотя другие цвета располагаются раздельно на ее сетчатке и хотя следовательно она их видит, они представляются ей столь же смутно, как если бы они в действительности сливались между собой.

Таким образом, пока она вся поглощена цветом, который она замечает, она, собственно, совершенно не видит других.

Но вот глаза ее устают, потому-ли что ощущение

от этого цвета очень интенсивно или потому, что требуется известное усилие, чтобы они оставались устремленными на него. И вот машинальным образом они меняют положение; они меняют его также, если случайно они натолкнутся на слишком резкий и неприятный для них цвет, и останавливаются лишь тогда когда они встретят цвет, более приятный для них и доставляющий им отдых.

Через некоторое время они опять устают и переходят к менее яркому цвету. Так они постепенно дойдут до того, что станут находить особенное удовольствие в виде только черного цвета. Наконец усталость может дойти до такой степени, что они совсем закроются.

Если бы наша статуя, научившись разбирать цвета в этом последовательном порядке, никогда не могла замечать одновременно несколько цветов, то зрение дало бы ей в точности то же самое, что раньше ей дало обоняние. Действительно, хотя до сих пор она постоянно видела несколько цветов вместе, но все те, которых она не заметила, находятся по отношению к ней в таком положении, как если бы она их вовсе не видела, и она может совершенно с ними не считаться. Но мне кажется, что она должна научиться различать одновременно несколько цветов.

Допустим, что первым цветом, подействовавшим особенно на ее глаза и замеченным ею, был красный. Ее глаза, устав, меняют положение и встречают другой цвет, например желтый. Статуя наслаждается этой новой модификацией, но она не забывает красного цвета и доставленного им ей удовольствия. Благодаря этому ее внимание распределяется между обоими названными цветами; если она рассматривает желтый цвет как испытываемую ею в данный момент модификацию, то красный цвет она рассматривает как испытанную ею уже раньше модификацию.

Но красный цвет не может привлекать ее внимание и продолжать казаться ей какой-то прошлой модификацией, более уже не существующей, если, как я предполагаю, ощущение его дано ей налицо с такой же яркостью, как и ощущение желтого. Поэтому,

испомнив, что она была последовательно красным и желтым цветом, она замечает, что она одновременно и красный и желтый цвет.

Но пусть далее ее утомленные глаза обратятся к никому-нибудь третьему цвету, например зеленому; тогда ее внимание, привлеченное к этой модификации, отирается от обеих первых. Однако она привлечена им не настолько, чтобы окончательно забыть то, чем она была раньше. Поэтому она и теперь замечает красный и желтый цвет как две модификации, которые имели место раньше.

Это воспоминание фиксирует на себе внимание тем больше, чем более устает устремленный на зеленый цвет орган. Мало-по-малу оно становится столь же приступим, как и ощущаемый в данный момент цвет; таким образом статуя замечает, что она была красным и желтым цветом с такой же живостью, с какой она замечает, что она теперь зеленый цвет. В таком случае она должна заметить, что она есть одновременно все эти три цвета. Действительно, как может она считать два из этих цветов прошлыми, когда все эти три ощущения находятся одновременно в ее глазах и притом раздельным образом?

Таким образом глаз приучается замечать два и три представляющихся вместе цвета, благодаря помощи памяти. Если бы, замечая второй цвет, он забывал окончательно первый, то он никогда не стал бы думать, что он обладает одновременно двумя модификациями. Но так как воспоминание о нем остается, то внимание статуи разделяется между обоими цветами, и лишь только она заметила, что она обладала последовательно двумя модификациями, как она начинает думать, что она обладает ими одновременно.

Подобно тому как мы научили статую распознавать последовательно три цвета, можно научить ее распознавать большее число их. Но во всем этом ряду раздельно представляется ей всегда лишь три цвета, ибо идеи нашей статуи о числах не идут в этом случае далее того, что мы имели в случае обозначения.

§ 6. Границы способности различения статуи в этом пункте

Если мы затем покажем ей все эти цвета вместе, то она сумеет различить одновременно лишь три цвета и не сможет определить числа других. После того как мы доказали, что глаз для различения их нуждается в помощи памяти, ясно, что он не сможет различить больше, чем различает сама память.

§ 7. Благодаря этому органу чувства она обладает лишним средством доставить себе то, что она желает

Наша статуя, переводя взор с одного цвета на другой, не всегда наслаждается той модификацией, которая, как она помнит, была ей наиболее приятной. Ее воображение, пытаясь представить ей ярко предмет ее желаний, не может не действовать на ее глаза. Оно вызывает в них непроизвольное движение, заставляющее их пробежать несколько цветов, пока они не встретят того цвета, который они ищут. Благодаря этому наша статуя имеет в этом органе чувства лишнее средство добиться наслаждения тем, что она желает. Может даже случиться, что глаза ее, разыскав первоначально случайным образом некоторый цвет, приучатся к движению, необходимому для того, чтобы снова отыскать его; это произойдет, если находящиеся перед ней предметы не изменяют своего положений.

§ 8. Как она чувствует себя протяженной

Какое-нибудь звуковое ощущение не может сообщить модифицируемой им душе протяжения, ибо звук не обладает протяжением. Иное дело цветовое ощущение: оно сообщает модифицируемой им душе протяжение, ибо оно само протяженно. В этом факте нельзя сомневаться, и наблюдение подтверждает его. Поэтому невозможно воспринимать цвет без протяжения, подобно тому как, наоборот, невозможно воспринимать протяженный звук.

Раз каждый цвет протяжен, то несколько смежных цветов должны необходимым образом образовать континуум из нескольких протяженных и отличных друг от друга частей.

Это явление есть цветная поверхность. По крайней мере так воспринимаем это мы сами.

Таким образом, когда наша статуя думает, что она есть одновременно несколько цветов, то она ощущает себя цветной поверхностью.

Идея протяжения предполагает восприятие не-

скольких вещей, которые, находясь друг вне друга, рядоположны, и следовательно каждая протяжена, ибо непротяженные вещи не могут быть рядоположными. Но этого восприятия нельзя отнять у нашей статуи, ибо она чувствует, что она повторяет себя вне себя столько раз, сколько есть модифицирующих ее цветов. Поскольку она есть красное, она себя чувствует вне зеленого; поскольку она есть зеленое, она себя чувствует вне красного и т. д.

Таким образом она ощущает себя цветным протяжением, но это протяжение не есть для нее ни поверхность, ни какая-нибудь определенная величина.

Оно не есть поверхность, ибо идея поверхности предполагает идею имеющего объем тела, идею, которой она не имеет и не может иметь.

Оно не есть также какая-нибудь определенная величина, ибо подобная величина представляет протяжение, заключенное в ограничивающие его границы. Но я статуи не может ощущать себя заключенным в границах. Оно есть зараз все те цвета, которые одновременно модифицируют его, и так как оно не видит ничего вне себя, то оно не может воспринимать себя ограниченным; так как оно одновременно модифицируется несколькими цветами и находится одинаково во всяком, то оно чувствует себя протяженным; а так как оно не воспринимает ничего ограничивающего его, то оно имеет лишь смутное ощущение своего протяжения; для него это беспредельное протяжение. Ему кажется, что оно без конца повторяет себя, и, не зная ничего помимо цветов, за которые оно считает себя, оно по отношению к себе является как бы беспредельным; оно—повсюду, оно—все.

По ее протяжении, которое кажется ей беспредельным, различные цвета взаимно ограничивают друг друга, образуя благодаря этому фигуры. Спрашивается: станет ли статуя считать себя также этими фигурами? Имеет ли она идеи фигур, раз она имеет цветовые ощущения?

Некоторое ощущение заключает в себе такую-то и такую-то идею; следовательно мы имеем эти идеи

раз мы имеем это ощущение. Вот умозаключение, делаемое всегда плохими философами. Между тем мы не имеем вовсе всех тех идей, которые заключают в себе наши ощущения; мы имеем лишь те идеи, которые мы умеем замечать в них. Так, мы все видим одни и те же предметы, но так как мы не одинаково заинтересованы в наблюдении их, то мы имеем каждый совершенно отличные идеи о них. Вы видите то, что ускользает от меня, и часто, когда вы можете дать точный отчет, я ничего не могу сказать о них, словно я их совершенно не видел.

Но так как свет и цвета представляют наиболее чувствительную сторону, благодаря которой статуя познает себя и наслаждается собой, то она будет более склонна считать свои модификации чем-то освещенным и цветным, нежели чем-то обладающим фигурой. Вся поглощенная разбором цветов на основании отличающих их оттенков, она не будет думать о различных способах их взаимного ограничения.

Кроме того, если глазу достаточно увидеть какой-нибудь цвет, чтобы узнать его, то ему недостаточно увидеть какую нибудь фигуру в целом, чтобы составить себе идею ее. Он способен охватить самую простую фигуру в целом, лишь проанализировав ее, то-есть лишь заметив последовательно все части ее. Он нуждается в особом суждении для каждой части в отдельности и в другом суждении для объединения их; он должен сказать себе: вот одна сторона, вот другая, вот третья, вот ограниченный ими промежуток, и из всего этого получается вот этот треугольник.

Следовательно точно так как глаза научились различать одновременно три цвета лишь потому, что, рассмотрев их последовательно, они стали замечать их в их совокупном впечатлении, — точно так они научатся различать три стороны треугольника лишь тогда, когда, заметив их одну за другой, они сумеют заметить их все вместе и составить себе суждение о том способе, каким они соединяются между собой. Но наша статуя не будет иметь повода составить себе это суждение.

По нашему предположению, фигуры содеряются в испытываемых статуей ощущениях. Но опыт подсказывает нам достаточно убедительно, что мы не имеем всех тех идей, которые заключают в себе наши ощущения. Наши знания ограничиваются лишь теми идеями, которые мы научились замечать. Наши потребности—единственная причина, обусловливающая наше внимание к одним, а не к другим, и идеям, требующие большего числа суждений, мы приобретаем последними. Но я не представляю себе, какого рода потребность могла бы заставить нашу статую образовать все суждения, необходимые, чтобы составить себе идею о наипростейшей фигуре.

Кроме того какая счастливая случайность заставит ее глаза двигаться так, чтобы следить за контуром ее? А если бы они даже следили за ним, то как могла бы она убедиться в том, что она не переходит неизвестно от одной фигуры к другой? На основании чего она могла бы решить, что три стороны, которые она видела одну за другой, образуют треугольник? Более вероятно, что зрение ее, подчиняясь единственно действию света, станет блуждать в хаосе фигур, волнующейся картине, части которой будут поочереди исчезать от нее.

Правда, мы не замечаем тех суждений, которые мы составляем, чтобы схватить фигуру круга или квадрата в целом. Но мы не замечаем и тех суждений, на основании которых мы видим цвета вне нас. Между тем мы докажем, что это ощущение есть результат некоторых ставших для нас привычными суждений. При рассматривании какой-нибудь очень сложной картины, от нас не ускользает проделываемая нами при этом работа: мы замечаем, что мы считаем отдельные лица, что мы разглядываем их позы, черты, что мы произносим по поводу всего этого ряд суждений и что только после всех этих операций мы оканчиваем их одним взглядом. Но глаза нашей статуи, чтобы увидеть одну фигуру в целом, должны проделать то, что делают наши глаза, чтобы увидеть какую-нибудь картину в целом. Мы без сомнения проделали это сами в первый раз, когда мы научились

видеть квадрат. Но в настоящее время быстрота, с которой мы по привычке пробегаем стороны его, не позволяет нам заметить весь ряд наших суждений. Можно с полным основанием думать, что когда наши глаза не имели еще необходимого опыта, то они должны были, чтобы увидеть наипростейшие предметы, вести себя так, как они ведут себя теперь, чтобы увидеть более сложные предметы.

§ 9. Она не имеет ни идеи положения, ни идеи движения

Мы судим о положениях лишь на основании того, что мы видим предметы в некотором месте, где каждый из них занимает определенное пространство, и мы судим о движении на основании лишь того, что мы видим, как они изменяют свое положение. Но наша статуя не сумеет заметить ничего подобного в модифицирующих ее ощущениях. Если, как мы это в дальнейшем докажем, чувство осязания дает заметить нам в цветах ограниченные величины или фигуры, то оно же дает заметить нам в цветах положения и движения. Обладая лишь смутной и неопределенной идеей протяжения, лишенная всякой идеи, фигуры, места, положения и движения, наша статуя чувствует только, что она существует многими способами. Если несколько предметов меняют место, не исчезая из ее глаз, то она продолжает быть теми же самыми цветами, которыми она была раньше. Единственное изменение, которое она может испытать, это быть более то одним цветом, то другим в зависимости от различных положений предметов в результате движения: будучи например одновременно желтым, пурпуровым и белым цветом, она в один момент будет более желтым цветом, в другой—более пурпуровым, в третий—более белым. Она—все те цвета, которые она видит, но она в особенности тот цвет, который она рассматривает.

Г л а в а XII О ЗРЕНИИ В СОЕДИНЕНИИ С ОБОНИЯНИЕМ, СЛУХОМ И ВКУСОМ

§ 1. Результаты, получающиеся благодаря соединению этих чувств

Соединение зрения, обоняния, слуха и вкуса увеличивает число модификаций нашей статуи. Совокупность ее идей становится от этого более обшир-

ной и разнообразной; предметы ее внимания, ее желаний и ее наслаждения становятся более многочисленными, она замечает новый класс своих модификаций, ей кажется, что она ощущает в себе множество совершенно различных существ. Но она продолжает видеть лишь себя, и ничто не может оторвать ее от нее самой и вывести ее во-вне.

Таким образом она не подозревает, что она обя-
зана своим модификациям каким-то посторон-
ним причинам; она не знает, что они передаются ей
благодаря четырем органам чувств. Она видит, она
обоняет, она вкушает, она слышит, не зная, что она
обладает глазами, носом, ртом, ушами; она не знает,
что она обладает телом. Наконец она не замечает,
что она испытывает эти различные виды ощущений
одновременно лишь после того, как она изучила каж-
дый из них в отдельности.

Если в предположении, что она остается все время
тот же самым цветом, мы дадим смениться в ней за-
пахам, вкусам и звукам, то она станет рассматривать
себя как цвет, который является последователь-
но издающим запах, имеющим вкус и испускаю-
щим звуки. Она станет рассматривать себя как за-
пах, имеющий вкус, издающий звуки и обладаю-
щий цветом, если она останется постоянно одним
и тем же запахом. То же самое относится ко всем
предположениям этого рода, ибо модификации, в
которой она всегда пребывает, свойственно, что она
должна ощущать то я, которое кажется ей субъек-
том всех доступных ей модификаций.

Почему у нас имеется склонность рассматривать
протяжение как субъект всех чувственных качеств?
Нетому ли, что оно действительно субъект их или
только потому, что идея эта, находясь в силу усвоен-
ной нами привычки повсюду, где находятся другие
идеи, и оставаясь одной и той же, в то время как дру-
гие, изменяются, кажется нам модифицируемой ими,
не будучи в действительности модифицированной?

Точно так же, когда философы уверяют нас, что
существует только протяжение, то разве не суще-
ствует других субстанций? И разве протяжение во-

§ 2. Неведение, из
которого статул
не может выйти

§ 3. Какие она мо-
жет составить
себе суждения

обще является субстанцией? Или может быть они думают так потому, что идея эта им привычна и они повсюду ее находят? Наша статуя могла бы с таким же правом думать, что она есть лишь цвет или лишь запах и что этот цвет или этот запах и есть ее сущность, ее субстанция. Но здесь не место останавливаться на этих теориях; чтобы опровергнуть их, достаточно указать, что они не более обоснованы, чем суждения, которые мы только что приписывали нашей статуе.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

О ЧУВСТВЕ ОСЯЗАНИЯ ИЛИ ЕДИНСТВЕННОМ ЧУВСТВЕ, КОТОРОЕ СПОСОБНО САМО ПО СЕБЕ СУДИТЬ О ВНЕШНИХ ПРЕДМЕТАХ

Глава I

О МИНИМУМЕ ОЩУЩЕНИЯ У ЧЕЛОВЕКА, ОБЛАДАЮЩЕГО ТОЛЬКО ЧУВСТВОМ ОСЯЗАНИЯ

§ 1. Основное ощущение статуи

Наша статуя, лишенная чувства обоняния, слуха, вкуса, зрения и ограниченная одним чувством осязания, существует сперва благодаря тому, что ощущает действие друг на друга частей своего тела и в особенности дыхательные движения: таков минимум ощущений, который можно приписать ей. Я назову его *основным ощущением* (*sentiment fondamental*), потому что жизнь животного начинается с этих функций организма и зависит исключительно от них.

§ 2. Это ощущение способно модифицироваться

Под действием исходящих от окружающего воздуха раздражений и всего того, что может нарушать их, ее основное ощущение способно испытывать множество модификаций во всех частях ее тела.

§ 3. Это ощущение тождественно с «я»

Наконец мы заметим, что статуя сможет сказать *я*, лишь только произойдет какое-нибудь изменение в ее основном ощущении. Следовательно это ощущение и ее *я* первоначально тождественны, и чтобы открыть то, на что она способна при содействии одного лишь чувства осязания, достаточно наблюдать различные модификации основного ощущения или *я*.

Г л а в а II

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, ОГРАНИЧЕННЫЙ МИНИМУМОМ ОЩУЩЕНИЯ, НЕ ИМЕЕТ НИКАКОЙ ИДЕИ НИ О ПРОТЯЖЕНИИ, НИ О ДВИЖЕНИИ

Если на нашу статую не действует никакое тело, и если мы поместим ее в спокойную, с умеренной температурой атмосферу, где ее природная теплота не увеличивается и не уменьшается, то она будет обладать лишь основным ощущением, о своем существовании она будет знать лишь благодаря смутным впечатлениям, получающимся от движения, которому она обязана жизнью.

Это ощущение однообразно и следовательно по отношению к ней просто; она не смогла бы различить в нем разных частей своего тела. Таким образом она не ощущает их друг виа друга и рядоположными. Дело обстоит так, как если бы она существовала только в одной точке, и она еще не может открыть, что она протяжenna¹.

¹ Мы можем убедиться в этом, наблюдая то, что происходит и нас самих.

Если однообразная боль захватила всю мою руку, то я считаю ее протяженной лишь потому, что я отношу эту боль к цели, которую я ощущаю как протяженную.

Пользуясь своей рукой, я научаюсь различать разные части по ее длине, но я не научаюсь зато различать разные части ее диаметра. Поэтому я составляю себе более правильное представление о длине болезненного ощущения, чем о воспринимаемом им объеме. Я знаю, простирается ли оно до локтя или до кисти руки, но я не знаю, захватывает ли оно четверть, треть, половину или большую часть толщины руки.

Можно массой опытов подтвердить тот факт, что мы ощущаем боль как бы в одной точке всякий раз, когда мы относим ее к части тела, которую мы не привыкли измерять. Чтобы определить например пространство, занимаемое болью, которую мы ощущаем в середине ляжки, надо обойти его рукой; иное дело, если боль эта простирается от колена до бедра, ибо мы знаем, что эти две точки находятся на некотором расстоянии друг от друга. Таким образом не однообразное ощущение дает нам идею протяжения нашего тела, а, наоборот, знание объема нашего тела заставляет нас приписывать протяжение однозначному ощущению. Наша статуя с ее минимумом ощущения обладает лишь однообразным ощущением всего своего тела; поэтому она не знает, что она протяжenna.

§ 1. Существо, ограниченное только основным ощущением

§ 2. Это ощущение не дает никакой идеи протяжения

§ 3. Став более интенсивным, оно все еще не дает идеи протяжения

Сделаем это ощущение более интенсивным, сохранив однако его однообразие. Согреем например или охладим воздух; статуя будет обладать тогда равномерным ощущением холода или тепла во всем своем теле, но в результате получится лишь то, что она будет ощущать более интенсивно свое существование. Действительно, как бы интенсивно ни было одно какое-нибудь ощущение, оно не может сообщить идеи протяжения существу, которое, не зная, что оно само протяжено, не научилось протягивать этого ощущения, относя его к различным частям своего тела.

Следовательно, если бы наша статуя обладала только рядом однообразных ощущений, то она была бы столь же ограничена в своих знаниях, как при наличии одного лишь чувства обоняния.

Если я стану ударять статую по очереди в голову и в ноги, то тем самым я модифицирую ее основное ощущение, но модификации эти сами однообразны. Поэтому ни одна из них не дает ей заметить, что она протяжена. Могут спросить, не станет ли она чувствовать, что модификации эти находятся на расстоянии друг от друга, если ее станут ударять одновременно в голову и в ноги?

Когда я трогаю ее, то либо испытываемое ею ощущение поглощает настолько ее способность ощущения, что оно захватывает все внимание, либо внимание продолжает еще устремляться на основное ощущение остальных частей. В первом случае наша статуя не сможет представить себе промежутка между своей головой и своими ногами, ибо она не замечает того, что отделяет их. Но то же самое можно сказать и о втором случае, ибо основное ощущение не дает никакой идеи о протяжении.

Я начинаю двигать ее руку, отчего ее я испытываю новую модификацию. Но приобретает ли она благодаря этому идею движения? Нисколько, ибо она еще не знает, что она обладает рукой, что рука эта занимает место и может менять его. В этом случае она просто ощущает более определенным образом свое существование в том ощущении, которое я

§ 4. Даже модифицированное оно может не дать этой идеи

§ 5. В этом состоянии статуя не обладает идеей движения

сообщаю, но она не в состоянии понять того, что она испытывает.

То же самое будет, если я ее перенесу на другое место. Все в ней сводится тогда к некоторому впечатлению, модифицирующему основное ощущение и его целом, но статуя все еще не может узнать, что она обладает телом, способным двигаться.

Г л а в а III

ОВ ОЩУЩЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ПРИПИСЫВАЮТ ЧУВСТВУ ОСЯЗАНИЯ И КОТОРЫЕ НЕ ДАЮТ ОДНАКО НИКАКОЙ ИДЕИ О ПРОТЯЖЕНИИ

Допустим, что ощущения нашей статуи перестали быть однообразными; модифицируем их в одно и то же время с одинаковой интенсивностью, но различным образом во всех частях нашего тела; и в этом случае она, по-моему, не будет обладать еще идеей протяжения. Так как эти ощущения появляются одновременно, то они породят какое-то смутное переживание, в котором статуя не сумеет различить их; действительно, не испытав их еще одно вслед за другим, она не могла научиться различать несколько ощущений, взятых вместе.

Но если теплота и холод будут ощущаться ею поочереди, то она станет различать их и сохранит идею каждого из этих ощущений. Когда затем она их испытает одновременно, она станет сравнивать испытываемое ею ощущение с идеями, сохранившимися в ее памяти, и она убедится, что она одновременно испытывает две модификации.

Мы можем таким же образом сообщить ей идеи нескольких других видов удовольствия и страдания; действительно, по мере того как она научится замечать сменяющие друг друга ощущения, она привыкнет замечать их, когда она испытает их несколько одновременно, и она научится даже различать их в одно и то же мгновение такое большое число, что невозможно будет определить его.

Предположим например, что она ощущает в одно и то же время тепло в одной руке, холод в другой,

§ 1. Статуя начинает различать ощущения, которые она испытывает одновременно, лишь после того, как она их испытала одно за другим

боль в голове, щекотку в пятках, дрожь во внутренностях и т. д. Я думаю, что она сумеет различить эти модификации, лишь бы она их испытала раньше; и так как ни одна из них не доминирует над другими, то внимание ее распределится равномерно между ними. Здесь следует применить те принципы, которые мы установили в случае зрения.

Эти модификации, которые она замечает одновременно, существуют, более или менее отличаются друг от друга и находятся в этом отношении друг вне друга. Но так как из этого не вытекает ни рядоположности, ни непрерывности, то они неспособны сообщить статуе идеи протяжения, не отличаясь в этом отношении от звуков или запахов. Если сами мы представляем их себе протяженными, то не потому, что они сообщают нам сами собой эту идею, а потому, что, зная из других источников, что мы обладаем телом, мы относим их к некоторой вещи, части которой, находясь друг вне друга и рядоположно, образуют континуум. Вот следовательно ощущения, которые связаны с чувством осознания и которые тем не менее не могут породить явления протяжения.

Г л а в а IV

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ, НЕОВХОДИМЫЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА: КАК МЫ ПЕРЕХОДИМ ОТ НАШИХ ОЩУЩЕНИЙ К ПОЗНАНИЮ ТЕЛ

§ 1. Как мы представляем себе тела

Мы можем получить протяжение лишь с помощью протяжения, подобно тому как мы можем получить тела, лишь с помощью тел; действительно, между не-протяженными вещами не может быть рядоположности, и следовательно они не могут образовать континуума. Однако мы необходимым образом представляем себе каждое тело как континуум, образованный рядоположностью ряда других протяженных тел. Мы вынуждены представлять себе дело так даже в случае тел, недоступных нашим чувствам: мы считаем каждое из них состоящим из других протяженных тел, эти последние—состоящими в свою очередь из других протяженных тел и т. д. без конца.

Несо таким образом, что мы можем перейти от наших ощущений к познанию тел лишь в том случае, если они произведут явление протяженности, а так как всякое тело это—континуум, образованный рядоположностью других протяженных тел, то представляющее его ощущение должно быть континуумом, образованным рядоположностью других протяженных ощущений. Мы не нашли этого свойства ни в одном из разобранных нами ощущений; остается посмотреть, не найдем ли мы его в других ощущениях.

Так как ощущения принадлежат только душе, то они могут быть лишь модификациями этой субстанции; они сконцентрированы в ней, они не простираются далее нее. Но если бы душа воспринимала их лишь как сконцентрированные в ней модификации, то в своих ощущениях она видела бы только себя, и значит для нее было бы невозможным открыть, что она обладает телом и что за границами этого тела имеются еще другие тела.

Между тем это открытие—одно из тех, которые она делает прежде всего, и она не может замедлить сделать его. Как мог бы только что родившийся ребенок заниматься своими потребностями, если бы он не имел никакого понятия о своем теле, и если бы он не мог с той же легкостью составить себе некоторые идеи о телах, способных удовлетворить его потребности?

Я уже несколько раз отметил, в частности в моей «Логике», что мы способны делать вещи с умыслом лишь в том случае, если мы уже их делали, не имея на этот счет никаких проектов. Это—плодотворная истина, я не решаюсь сказать *принцип*, ибо этим словом так злоупотребляли, что уже неизвестно, что собственно оно означает.

Из этой истины следует, что природа зачиняет все в нас, и действительно, я доказал, что в своем принципе, или начале, наши знания представляют исключительно дело ее рук, что мы учимся лишь на основании ее уроков и что все искусство рассуждать заключается в том, чтобы продолжать поступать так, как она нас заставила начать.

Но первое открытие, делаемое ребенком, это — открытие его собственного тела. Таким образом не он собственно делает это открытие, а природа преподносит его ему совсем готовым.

Но природа не показала бы ему его тела, если бы она заставляла его воспринимать всегда испытываемое им ощущение лишь как модификации его души. Я ребенка, сосредоточенное в его душе, не могло бы в этом случае рассматривать различные части его тела как соответствующие части его самого.

Таким образом природа обладала лишь одним средством дать познать ему его тело, средством, заключавшимся в том, чтобы заставить его воспринимать свои ощущения не как модификации своей души, но как модификации органов, являющихся поводами для обнаружения их. Благодаря этому я, вместо того чтобы оставаться сконцентрированным в душе, должно было вытянуться, распространиться и как бы повториться во всех частях тела.

Эта уловка природы, благодаря которой мы начинаем думать, что мы находимся в органах, которые не являются собственно нами, коренится без сомнения в механизме человеческого тела, а механизм этот был тоже несомненно выбран и устроен соответственно с природой души. Это все, что мы в состоянии узнать по рассматриваемому вопросу. Когда удастся изучить в совершенстве и природу души и механизм человеческого тела, то вероятно нетрудно будет объяснить, каким образом я, заключающееся только в душе, начинает казаться находящимся в теле. Что касается нас, то с нас достаточно заметить этот факт и увериться в нем.

Хотя статуя обладает ощущениями, которые она воспринимает естественно как модификации своих органов, однако она не познала вовсе своего тела тотчас же, как только она испытает подобные ощущения. Чтобы открыть свое тело, она нуждается в анализе, т. е. она должна наблюдать последовательно свое я во всех тех частях, в которых оно кажется находящимся. Но можно утверждать с достоверностью, что она не произведет этого анализа

одна, и следовательно природа должна научить ее этому. Присмотримся теперь к фактам.

Глава V

КАКИМ ОБРАЗОМ ЧЕЛОВЕК, ОГРАНИЧЕННЫЙ ЧУВСТВОМ ОСЯЗАНИЯ, ОТКРЫВАЕТ СВОЕ ТЕЛО И УЗНАЕТ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ НЕЧТО ВНЕ ЕГО

Я сообщаю нашей статуе способность пользоваться всеми своими членами; но какая причина побудит ее двигать ими? Этим не может быть сознательный умысел пользоваться ими, ибо она еще не знает, что она состоит из частей, которые могут прикладываться друг к другу или обращаться к внешним предметам. Следовательно начать должна природа; природа должна произвести первые движения в членах статуи.

Если природа сообщает статуе приятное ощущение, то последняя, понятно, сможет наслаждаться ими, оставляя все части своего тела в том положении, в котором они находятся; подобное ощущение способно повидимому скорее сохранить покой, чем произвести движение.

Но если статуе свойственно от природы предаваться приятному ощущению и спокойно наслаждаться им, то ей также свойственно избегать неприятного ощущения. Правда, она не знает, каким образом она может избавиться от подобного ощущения, но в начале ей нет нужды знать этого, для нее достаточно повиноваться природе. Организация ее устроена так, что мышцы ее, сокращающиеся от боли, приводят в движение ее члены, и она начинает двигаться без всякого умысла, не зная даже, что она движется.

Могут даже быть приятные ощущения, столь интенсивные, что она не сможет остаться в полном покое; и во всяком случае бесспорно, что переход поочереди от удовольствия к страданию и от страдания к удовольствию должен вызывать движения в ее теле. Если бы она не была устроена так, чтобы двигаться по поводу испытываемых ею приятных или неприятных ощущений, то полный покой, на который она была бы осуждена в этом случае, не

§ 1. Статуя обладает движением

§ 2. Как производятся эти движения

вызвал бы в ней никакого средства стремиться к тому, что может быть ей полезно, и избегать того, что может быть ей вредно.

Но если в силу устройства ее организации в ней происходят движения по поводу удовольствия, страдания или перехода поочереди от одного к другому, то неизбежно должно случиться, что некоторые из ее движений устраниют или прекращают неприятные ей ощущения, а некоторые другие доставляют приятные ощущения.

Благодаря этому она будет заинтересована в том, чтобы изучить свои движения, и следовательно она узнает от них все, что она может узнать.

Ее движения носят естественный, машинный, инстинктивный, непроизвольный характер, и нам остается объяснить, каким образом она откроет на основании своих движений, что она обладает телом и что за границами его существуют другие тела.

Если мы примем во внимание множество разнообразных впечатлений, получаемых нашей статуей от предметов, то мы поймем, что ее движения должны естественно повторяться и разнообразиться. Но если они повторяются и разнообразятся, то неизбежно случится, что она не раз коснется своими руками себя самой и близких к ней предметов.

Касаясь себя самой, она сможет открыть, что она обладает телом лишь в том случае, если она сумеет отличить разные части его и если она признает себя в каждой такой части за то же самое чувствующее существо; а существование других тел она откроет лишь потому, что она не найдет себя в тех телах, к которым она прикоснется.

Таким образом она может быть обязана этим открытием лишь какому-то из ощущений осязания. Что же это за ощущение?

Непроницаемость есть свойство всех тел; несколько тел не могут занимать одного и того же места; каждое тело исключает все другие тела из того места, которое оно занимает.

Эта непроницаемость не есть ощущение. Мы собственно не ощущаем, что тела непроницаемы; мы

8 з. Ощущение, на основании которого душа открывает, что она обладает телом

скорее заключаем это, и это наше суждение есть результат вызываемых телами в нас ощущений.

Особенно относится сказанное к ощущению твердости, ибо в двух давящих друг на друга твердых телах мы особенно явственно замечаем сопротивление, которое они оказывают друг другу, исключая взаимно друг друга. Если бы оба тела могли проникнуть друг в друга, то они слились бы в одно, но так как они непроницаемы, то они по необходимости отличны друг от друга, представляя постоянно два тела.

Таким образом ощущение твердости отличается от ощущений звука, цветов и запаха, которые душа, не виющая своего тела, воспринимает естественно как модификации, в которых она находится и в которых она находит только себя; так как специфическая особенность ощущения твердости заключается в том, чтобы представить одновременно две вещи, которые исключают друг друга, то душа не сможет воспринимать твердость как одну из тех модификаций, в которых она находит только себя самое; она необходимым образом станет воспринимать ее как модификацию, в которой она находит две исключающие друг друга вещи, и следовательно она станет воспринимать ее в обеих этих вещах.

Вот следовательно ощущение, благодаря которому душа выходит за пределы себя самой; мы начинаем здесь понимать, каким образом она открывает тела.

Действительно, так как в силу своей организации душа обладает движениями по поводу производимых на нее впечатлений, то мы можем предположить, что рука ее сама собой коснется какой-нибудь части ее тела, например груди. В этом случае рука статуи и ее грудь будут различаться между собой по ощущению твердостей, которые они вызывают друг в друге и которые ставят их необходимым образом друг вне друга. Однако наша статуя, различая свою грудь от своей руки, найдет свое я и в той и в другой, ибо она одинаково чувствует себя в обеих. Таким же образом она отличит любую другую часть своего тела, которой она коснется, и найдет себя в ней.

Хотя это открытие вызывается главным образом ощущением твердости, оно произойдет еще легче, если к нему присоединятся другие ощущения. Пусть например рука статуи будет холодной, а грудь—теплой; статуя будет ощущать их как нечто твердое и холодное, касающееся чего-то твердого и теплого; она научится относить холод к руке, а теплоту к груди, и она тем лучше станет отличать одну от другой. Таким образом оба эти ощущения, сами по себе неспособные дать статуе знать, что она обладает телом, помогут ей получить об этом более точные идеи, когда они будут соединяться с ощущением твердости.

Если до сих пор рука статуи, переходя от одной части ее тела к другой, пропускала всегда промежуточные части, то в каждой из них она будет чувствовать себя, как в отличном теле, и она не будет знать, что, взятые вместе, они образуют одно тело. Дело в том, что испытываемые ею ощущения не представляют ей этих частей рядоположными и следовательно образующими один континуум.

Но если ей случится провести кистью руки по руке, груди, голове и т. д., не пропуская ничего, то она почует, так сказать, под своей рукой непрерывность своего я, и рука эта, соединяя в одном континууме разрозненные прежде части, тем более выявит их протяжение.

§ 4. На основании чего статуя узнает свое тело

Таким образом статуя научается знать свое тело и узнавать себя во всех составляющих его частях; действительно, лишь только она коснется рукой одной из них, как тотчас же одно и то же чувствующее существо начинает как бы отвечать себе от одной к другой: это я. Если она будет продолжать ощупывать себя, то повсюду ощущение твердости станет представлять ей две вещи, которые исключают друг друга и которые в то же время рядоположны, и повсюду то же самое чувствующее существо будет отвечать себе от одной к другой: это я, это опять-таки я! Оно ощущает себя во всех частях тела. Таким образом оно не сливаются больше со своими модификациями; оно уже не есть больше теплота и холод, оно ощущает теплоту в одной части, а холод—в другой.

До тех пор пока статуя касается руками лишь § 5. Как она открывает, что существуют другие тела
себя самой, она представляет себя всем тем, что существует. Но если она прикоснется к какому-нибудь постороннему телу, то я, чувствующее себя модифицированным в руке, не чувствует себя модифицированным в этом теле. Говоря я, рука не получает такого же ответа. На основании этого статуя начинает считать свои модификации находящимися совершенно вне ее. И подобно тому как она образовала свое тело, она образует все прочие предметы. Ощущение твердости, давшее им опору в одном случае, дает им ее также в другом с той лишь разницей, что я, отвечавшее себе прежде, перестает теперь отвечать себе.

Таким образом она не воспринимает тела в них § 6. К чему сводится ее идея о самих, она воспринимает лишь свои собственные ощущения. Там, где несколько различных и существующих ощущений заключены осязанием в границах, в которых я отвечает самому себе, там она познает свое тело; там же, где несколько различных и существующих ощущений заключены осязанием в границах, в которых я не отвечает себе, она приобретает идею о теле, отличном от ее тела. В первом случае ее ощущения продолжают быть ее собственными качествами; во втором—они становятся качествами совершенно отличного предмета.

Узнав, что она есть нечто твердое, она, думаю я, § 7. Ее удивление по поводу того, что приходит в сильное удивление по поводу того, что не находит себя во всем том, чего она касается. Она вытягивает руки как бы для того, чтобы искать себя в себе, и она не может еще решить, не найдет ли она себя еще там. Только опыт может просветить ее на этот счет.

Из этого удивления вытекает беспокойное желание § 8. Результаты знать, где она находится и, если я осмелюсь так выразиться, до каких пор она простирается. Поэтому она хватает, бросает и снова хватает все то, что находится вокруг нее; она ощупывает себя, сравнивает себя с предметами, к которым она прикасается, и, по мере того как она составляет себе более точные идеи, то тело и предметы как бы образуются под ее руками.

§ 9. Касаясь какой-нибудь вещи, она думает, что прикасается ко всему

Но я думаю, что в течение долгого времени она не будет представлять себе чего-нибудь за телами, встречаляемыми ее рукой. Мне кажется, что, начинная касаться вещей, она должна думать, что касается всего; и лишь перейдя с одного места на другое и перетрогав много вещей, она сможет предположить, что существуют тела за теми, которые она схватывает.

§ 10. Как она научилась прикасаться

Но как она научилась прикасаться? Дело в следующем: так как движения, которые природа заставляет ее делать, доставляют ей то приятные, то неприятные ощущения, то она желает наслаждаться одними и избегать других. Разумеется в начале она не умеет еще регулировать своих движений. Она не знает, как она должна направлять свою руку, чтобы дотронуться ею скорее до одной части своего тела, чем до другой. Она делает попытки, она ошибается, она имеет успех; она замечает движения, закончившиеся неудачей, и она их избегает; она замечает также другие движения, соответствовавшие ее желанию, и она их повторяет. Одним словом, она работает ощупью и мало-по-малу приучается к движениям, которые делают ее способной заботиться о своем самосохранении. Только тогда ее тело начинает производить движения, соответствующие желаниям ее души; только тогда она движется, как того хочет ее воля.

Глава VI

ОБ УДОВОЛЬСТВИИ, СТРАДАНИИ, ПОТРЕБНОСТЯХ И ЖЕЛАНИЯХ ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОСЯЗАНИЯ

§ 1. Статуя испытывает удовольствие от различия различных частей своего тела

Сообщим нашей статуе способность пользоваться всеми своими членами и, перед тем как исследовать, каким образом она приобретет познания, посмотрим, каковы ее потребности.

Их источником будут различные виды удовольствия и страдания; действительно, к чувству осязания применимы те самые рассуждения, которыми мы пользовались в случае других чувств.

Первоначально ее удовольствие, равно как и ее существование, казалось ей сосредоточенным в одной

гочке. Но затем оно мало-по-малу распространилось в той же последовательности, что и основное ощущение, ибо статуе доставляет удовольствие замечать это ощущение, когда оно начинает различать разные части ее тела, лишь бы оно не сопровождалось никакими болезненными ощущениями.

Самое большое удовольствие детей состоит повидимому в движении; даже падения не отвращают их от этого. Повязка на глазах огорчит их не так, как веревки, мешающая им пользоваться руками и ногами. Действительно, именно движению они обязаны самым интенсивным сознанием своего существования. Зрение, слух, обоняние, вкус повидимому ограничивают его в одном каком-нибудь органе; движение же распространяет его во всех частях тела и дает пользоваться телом во всем его объеме.

Если движение представляет для детей самое любимое удовольствие, то тем более это относится к нашей статуе, ибо она не только не знает ничего, что могло бы отвлечь ее от этого, но сверх того она убеждается в том, что одно лишь движение может доставить ей все те удовольствия, к которым она способна.

Ей будут нравиться особенно тела, не причиняющие ей боли; она будет очень чувствительна к гладким телам и их приятной поверхности, и ей будет приятно находить в них в случае нужды прохладу или теплоту.

Иногда ей будут нравиться те предметы, с которыми она будет обращаться с большей легкостью; таковы предметы, особенно подходящие по своей величине и фигуре к размерам и форме ее руки. В других случаях ей будет доставлять удовольствие удивление от их объема и трудность обращаться с ними. Изумление, которое вызовет у нее например пространство, открываемое ею вокруг себя, сделает для нее приятным передвижение ее тела с одного места на другое.

Твердое и жидкое состояние, твердость и мягкость, движение и покой будут представлять для нее приятные ощущения, ибо чем больше контраст между ними, тем больше они привлекают к себе ее внимание и замечаются.

§ 2. От своего движения

§ 4. От составления себе идей о них

Но особенным источником удовольствия станет для нее привычка сравнивать и судить. Она теперь не будет трогать предметов ради одного только удовольствия держать их в руках; она захочет знать их отношения, и она испытает столько приятных ощущений, сколько она составит себе новых идей. Одним словом, удовольствия будут возникать под ее руками, под ее ногами. Увеличиваясь и умножаясь в числе, они под конец превзойдут ее силы. Тогда к ним начнет примешиваться утомление; мало-по-малу они исчезнут; иаконец у нее останется только чувство усталости, и отдых станет для нее самым большим удовольствием.

§ 5. С чувством осязания она больше подвержена страданию, чем с другими чувствами

Что касается страдания, то с чувством осязания она будет чаще подвержена ему, чем с другими чувствами. Нередко даже она найдет интенсивность его значительно больше интенсивности известных ей удовольствий. Но она обладает тем преимуществом, что удовольствия находятся в ее распоряжении, а страдание ощущается лишь периодически.

§ 6. В чем заключаются ее желания?

В случае других чувств ее желание заключалось главным образом в усилии душевных способностей представить ей какую-нибудь приятную идею самым ярким образом. Эта идея была единственным наслаждением, которое она сама могла доставить себе, ибо не в ее власти было вызывать у себя ощущения. Но желания, на которые она способна в случае осязания, обнимают усилия всех частей тела, стремящихся двигаться и, так сказать, отыскивающих ощущения у всех доступных осязанию предметов. Даже мы, желая чего-нибудь сильно, чувствуем, что наши желания содержат в себе это двойное стремление душевых и телесных способностей. В этом случае наслаждение не ограничивается одними только идеями, вызываемыми воображением. Оно простирается вне на все доступные предметы; и желания теперь уже не задерживают внимания нашей статуи на ее собственных модификациях, как это было в случае других чувств, а влекут ее непрестанно вне ее.

§ 7. Каков предмет их?

В результате ее любовь, ее ненависть, ее воля, ее надежда, ее страх не направляются более только на

се собственные модификации; теперь она любит, не-
навидит, надеется, боится, желает материальных
(palpables) предметов.

Таким образом она более не ограничивается тем, чтобы любить только себя; но ее любовь к телам есть результат ее любви к самой себе; любя их, она стремится только получить удовольствие или избежать страдания; и это должно научить ее вести себя в пространстве, которое она начинает открывать.

Г л а в а VII

О ТОМ, КАК ЧЕЛОВЕК, ОГРАНИЧЕННЫЙ ТОЛЬКО ЧУВСТВОМ ОСЯЗАНИЯ, НАЧИНАЕТ ОТКРЫВАТЬ ПРОСТРАНСТВО,

Так как желания заключаются в усилии, делаемом § 1. Удовольствие частями тела совместно с душевными способностями, то наша статуя не может пожелать какого-нибудь ощущения, не начав в то же время двигаться и искать предмет, способный доставить его ей. Поэтому она будет склонна двигаться всякий раз, как она вспомнит приятные ощущения, вызванные у нее движением.

Сперва она шевелится без какой бы то ни было определенной цели, и само это шевеление вызывает у нее приятное ощущение, ибо благодаря ему она лучше чувствует свое существование. Если затем ее рука встретит предмет, вызывающий у нее приятное ощущение теплоты или прохлады, то тотчас же все движения ее прекращаются, и она отдается целиком этому новому чувству. Чем приятнее оно ей кажется, тем больше она останавливает на нем свое внимание. Она хотела бы даже прикоснуться всеми частями своего тела к вызывающему его предмету, и желание это производит у нее движения, которые не только не лишены определенной цели, но стремятся все доставить ей самое полное наслаждение.

Между тем предмет этот теряет свою теплоту или прохладу, и прикосновение к нему перестает быть приятным. Тогда статуя вспоминает первые движения, поставившие ей удовольствие, она начинает желать

регулирует до-
жения нашей ста-
туи

их и, шевелясь вторично, без всякого определенного умысла, она мало-по малу меняет место и прикасается к новым телам.

Одним из первых предметов ее изумления является несомненно пространство, открываемое ею каждую минуту вокруг себя. Ей должно казаться, что она извлекает его из глубины своего существа, что предметы протягиваются под ее руками лишь за счет ее собственного тела, и чем более она сравнивает себя с окружающим ее пространством, тем более она чувствует, как суживаются ее границы.

Всякий раз, открывая новое пространство и прикасаясь к новым предметам, она приостанавливает свои движения или регулирует их так, чтобы лучше наслаждаться приятными ей ощущениями и она снова начинает двигаться ради одного удовольствия двигаться, лишь только она перестает находить их приятными.

Открыв таким путем некоторое пространство и испытав некоторое количество ощущений, она начинает вспоминать, по крайней мере смутным образом, все то, чем она наслаждалась. Вспоминая, с одной стороны, что она обязана этим своим движениям, и чувствуя, с другой, что ее движения находятся в ее власти, она начинает желать пройти еще раз это пространство, доставить себе те же самые ощущения, с которыми она успела познакомиться. Теперь она уже движется не только ради одного удовольствия двигаться.

Но так как она не всегда проходит по тем же самым местам, то по временам она испытывает совершенно незнакомые ей ощущения. Убеждаясь на основании опыта в этом, она начинает думать, что ее движения способны доставить ей новые удовольствия и надежда на это становится принципом ее движений.

Таким образом она начинает думать, что она может сделать некоторые открытия; она узнает, что находящиеся в ее власти движения дают ей средство добиться этого, и она становится способной к любопытству.

Действительно, любопытство есть просто желание

§ 2. Она становится способной к любопытству

чего-нибудь нового, а желание это может возникнуть лишь тогда, когда мы уже сделали некоторые открытия и думаем, что обладаем средствами сделать еще новые открытия. Правда, в этих средствах можно ошибиться. Став по привычке любопытными, мы часто занимаемся вопросами, в которых невозможно добиться каких-нибудь положительных результатов. Но мы не стали бы жервой этого заблуждения, если бы в других случаях мы не имели большей удачи.

Когда мы наделяли нашу статую последовательно другими чувствами, то может быть не невозможно было, чтобы привычка испытывать всегда различные модификации заставила ее предположить существование других модификаций, которым она тоже могла наслаждаться; но не зная, как они могут возникнуть у нее, и не обладая никаким средством добиться наслаждения ими, она не могла бы думать о том, чтобы открыть в себе какую-нибудь новую модификацию. Для нее более естественно было бы устремлять все свои желания к знакомым ей приятным ощущениям. Вот почему я не предположил наличия у нее любопытства.

Легко понять, что любопытство становится для нее потребностью, заставляющей ее непрерывно переходить с одного места на другое. Часто оно является единственным мотивом ее поступков. В связи с этим замечу, что это нисколько не противоречит моему утверждению о том, что удовольствие и страдание—единственная причина развития ее способностей. Действительно, она любопытна лишь благодаря надежде доставить себе приятные ощущения или избегнуть неприятных ощущений. Таким образом этот новый принцип есть только следствие и подтверждение первого.

В начале статуя лишь тащится; затем она начинает ходить на четвереньках; наконец, встретив некоторые возвышения, она испытывает любопытство открыть то, что находится над ней, и она как бы случайно становится на ноги. Она шатается, она ходит, опираясь на все, что может поддержать ее, она падает, ударяется и испытывает боль. Она не осмеливается

§ 3. Она не была бы способна быть любопытной в случае других чувств

§ 4. Любопытство есть один из основных мотивов ее поступков

§ 5. Боль уничтожает желание двигаться

больше подняться, она почти не осмеливается больше менять место; страх боли уравновешивает надежду на удовольствие. Однако, если до сих пор тела, к которым она прикасалась рукой, не причиняли ей боли, то она будет продолжать доверчиво простираять руки; но при первом же уколе доверчивость эта исчезнет, и она останется неподвижной.

§ 6. Желание это
возродится, но
сопровождается
страхом

Мало-по-малу ее боль проходит, а оставшееся от нее воспоминание, будучи слишком слабым, чтобы сдержать желание двигаться, оказывается достаточно сильным, чтобы заставить ее двигаться с опаской. Поэтому достаточно расположить соответствующим образом окружающие ее предметы, чтобы либо вернуть ей ее первоначальную уверенность с помощью удовольствий, способных изгладить даже воспоминание об испытываемой ею боли, либо вызвать у нее снова недоверие благодаря болезненным ощущениям.

Если мы предоставим вещи их естественному течению, то неприятные случайности могут оказаться столь частыми, что недоверие уже больше не покинет ее.

§ 7. Обстановка,
при которой страх
совершенно заглу-
шает желание

Если бы в первый момент мы поместили ее в таком месте, где она не могла бы двигаться, не испытывая сильной боли, то движение перестало бы быть источником удовольствия для нее; она осталась бы неподвижной, и никогда не приобрела бы никаких познаний о внешних предметах.

§ 8. Страх, слу-
жящий пособием
для образования
особой сноровки

Но если мы будем заботиться о том, чтобы она испытывала только легкие страдания и чтобы вдобавок эти страдания были довольно редкими, то она захочет двигаться, и желание это только изредка будет сопровождаться некоторым недоверием к ее движениям. В этом случае она не сможет оставаться всегда неподвижной; боясь перемены положения, она в то же время желает ее всякий раз, когда она может облегчить ее, и она поочереди повинуется обоим этим чувствам.

Это дает начало особой сноровке (*industrie*), т. е. искусству осторожно регулировать свои движения и пользоваться предметами, способными, как ей пока-

зыает опыт, предупредить неприятные случайности, которым она подвержена. Тот же самый случай, который заставит ее схватить палку, покажет ей мало-помалу, что палка эта может помочь ей держаться на ногах, разбираться в телах, о которые она может удариться, и распознавать места, куда она может совершенно спокойно поставить ногу.

Г л а в а VIII

ОБ ИДЕЯХ, КОТОРЫЕ МОЖЕТ ПРИОБРЕСТИ ЧЕЛОВЕК, ОГРАНИЧЕННЫЙ ЧУВСТВОМ ОСЯЗАНИЯ

Без удовольствия наша статуя никогда не захотела бы двигаться; без страдания она передвигалась бы самонадеянно и неизбежно погибла бы. Поэтому она должна всегда испытывать приятные или неприятные ощущения. Вот принцип и правило всех ее движений. Удовольствие привязывает ее к предметам, побуждает обращать на них все внимание, на которое она способна, и составлять себе о них более точные идеи. Страдание удаляет ее от всего того, что может ей повредить, делает ее еще более восприимчивой к удовольствию, заставляет ее отыскивать средства безопасно наслаждаться им и вырабатывает у нее споровку,—одним словом, удовольствие и страдание ее единственные учителя.

Количество идей, имеющих своим источником чувство осознания, бесконечно, ибо оно охватывает все отношения величин, т. е. науку, которую не исчерпают никогда даже величайшие математики. Мы не беремся объяснить здесь возникновение всех идей, которыми мы обязаны чувству осознания; достаточно указать лишь на те, которые наша статуя приобретет сама по себе.

Сделанные нами замечания доставляют нам принцип, которым мы должны руководиться в этом исследовании, именно, что в своих ощущениях статуя заметит лишь те идеи, которые представляют для нее некоторый интерес благодаря удовольствию и страданию. Сила этого интереса определяет объем ее познаний.

§ 1. Удовольствие
и страдание оди-
наково необходимы
для обучения ста-
туи

§ 2. Они одни опре-
деляют количество
и объем ее позна-
ний

Что касается порядка, в котором она станет приобретать их, то он зависит от двух причин. Первая—это случайная встреча с предметами, вторая—это простота отношений, ибо она приобретет точные понятия об отношениях, предполагающих некоторое число сравнений, лишь после того как она изучит те отношения, которые требуют меньше сравнений.

Мы можем проследить те достижения, которыми она будет обязана второй из этих причин; иное дело те достижения, которыми она будет обязана первой из них; но рассуждать об этом бесполезно, и каждый может составить себе по этому вопросу такие гипотезы, которые ему нравятся.

Ее идеи насчет твердости, теплоты и т. д. не абсолютны, т. е. она заключает, что какое-нибудь тело твердо, тепло и т. д., лишь тогда, когда она сравнивает его с другими телами, не обладающими этиими качествами в той же самой степени или обладающими другими качествами. Если бы все предметы были одинаково тверды, теплы и т. д., то она имела бы ощущения твердости, теплоты и т. д., не замечая этого; она с этой стороны смешивала бы между собой все тела. Но так как она встречает попутно твердое и жидкое состояние, твердость и мягкость, теплоту и холод, то она начинает обращать внимание на эти различия, она сравнивает их, составляет о них суждения, и все это порождает соответствующие идеи, при помощи которых она научается различать тела. Чем больше она будет заниматься составлением таких суждений, тем тоньше станет ее чувство осязания, и мало-по-малу она научиться различать в одном и том же качестве тончайшие оттенки. Таковы идеи, требующие минимума сравнений, и следовательно она первыми заметит их.

Эти идеи привлекают с новой силой ее внимание к предметам, которых она касается; они заставляют ее рассматривать их под углом зрения всех поражающих ее отношений. Чем больше она их открывает, тем более она привыкает думать, что она откроет их еще, и любопытство становится у нее все более настоятельной потребностью.

Эта потребность станет главным источником ее умственных достижений. Однако я не буду прослеживать всех результатов ее, ибо я боюсь запутаться в массе гипотез. Замечу только, что любопытство должно быть у нее гораздо более активным, чем у большинства людей. Воспитание, беззаботное по части его удовлетворения, часто заглушает его у нас, а в возрасте, когда мы предоставлены самим себе, многочисленность потребностей противодействует ему и не позволяет нам отдаваться всем тем влечениям, которые оно вызывает в нас. Но у статуи, по-моему, все стремится лишь усилить его. Приятные ощущения, которые она испытывает часто, и неприятные ощущения, которым она подвержена иногда¹, должны сильно побуждать ее научиться узнавать по малейшим различиям вызывающие их предметы. Благодаря этому она станет изучать тела.

Когда она обладала одним лишь чувством зрения, то глаз ее, как мы указали, воспринимал цвета, не замечая никакой фигуры в целом и, следовательно, не составляя себе отчетливой идеи о протяжении. Рука, наоборот, обладает тем преимуществом, что она не может ощупывать какого-нибудь предмета, не замечая объема и совокупности составляющих его частей; она заключает его в некоторые границы. Для этого ей достаточно почувствовать твердость его. Сжимая рукой булыжник, наша статуя составляет себе идею о теле, отличающемся от палки, которую она ощупала во всю ее длину; у куба она ощущает углы, которых она не может найти у шара; у лука и у трости, она не замечает одного и того же направления; одним словом, она различает твердые тела в зависимости от формы, которую каждое из них придает ее руке, и она рассматривает как некое единое целое части протяжения, которые она не может отделить или же отделяет лишь с трудом. Таким образом она приобретает идеи прямой линии, кривой линии и фигур нескольких видов.

§ 7. Статуя со-
ставляет себе идеи
о фигурах

¹ Я говорю *иногда*, ибо если бы эти ощущения повторялись слишком часто, то они окончательно уничтожили бы у нее любопытство.

Но если бы первые ощупываемые ею тела придавали все одну и ту же форму ее руке, если бы например она встречала лишь шары одного и того же объема, то она могла бы только заметить, что один шар—шероховатый, другой—гладкий, один—теплый, другой—холодный, и не обратила бы никакого внимания на форму, которую неизменно принимает ее рука. Поэтому она ощупывала бы шары, не составляя себе никогда о них никакой идеи. Если же, наоборот, она будет ощупывать поочереди шары, кубы и другие фигуры различных величин, то ее должно будет поразить различие форм, принимаемых ее руками. Она начнет тогда думать, что не все фигуры похожи друг на друга. Ее любопытство побудит ее тотчас же исследовать все то, чем они отличаются друг от друга, и она мало-по-малу составит себе точные понятия о них. Таким образом для составления идеи о какой-нибудь фигуре она должна заметить несколько таких фигур, которые при первом прикосновении к ним заметно отличаются друг от друга в каком-нибудь отношении; первое замеченное ею различие должно пробудить в ней желание заметить еще и другие различия.

Так например она испытывает желание узнать куб лишь после того, как она сравнила его с шаром и нашла у первого углы, которых она не находит у второго; одним словом, она ищет новых идей в своих ощущениях лишь тогда, когда ее толкают на это первые замеченные ею различия, когда она дотрогивается последовательно до нескольких предметов.

Понятие о каком-нибудь теле тем сложнее, чем более собрано в нем ощущений и отношений, различаемых чувством осязания. Поэтому, чтобы узнать, какие идеи составит себе наша статуя о материальных предметах, надо наблюдать, в каком порядке она станет рассматривать эти ощущения и эти отношения и как она составит из них различные совокупности.

Либо ощущения, которые она станет сравнивать, просты по отношению к ней, либо это однообразные впечатления, в которых она не может различить нескольких восприятий—таковы например тепло или

холод,—либо это ощущения, составленные из нескольких других, которые она может различить,—таково например ощущение тела, в котором имеются одновременно твердость, теплота, фигура и т. д.

Простые ощущения бывают одного и того же или ^{§ 11. Ее суждения о простых ощущениях} различного вида; это например теплота и теплота, или же теплота и холод. Суждения, которые она может высказать по поводу их, очень немногочисленны.

Если ощущения одного и того же вида, то она знает, что они бывают различными и сходными; она знает далее, что и степень их бывает одинаковой или различной. Однако она не обладает средством для измерения их и она составляет суждения о них лишь при помощи неопределенных идей о большем или меньшем. Она чувствует, что теплота ее правой руки не та же, что теплота ее левой руки, но она знает лишь несовершенным образом отношения их.

Если ощущения относятся к различным видам, то она замечает только, что одно из них не есть другое; она понимает, что тепло не есть холод. Но первоначально она не знает, что это—два противоположных ощущения; чтобы открыть это, она должна заметить, что теплота и холод не могут встречаться одновременно у одного и того же тела и что одно из них всегда уничтожает другое. Таким образом суждение: *теплота и холод суть противоположные ощущения*—не так естественно для нее, как это может показаться; она обязана им опыту.

Во всех этих случаях для нее очевидно достаточно обратить свое внимание на два ощущения, чтобы составить себе все те суждения, которые она способна высказать о них.

Когда два предмета вызывают каждый сложное ^{§ 12. Ее суждения о сложных ощущениях} ощущение, то она сперва замечает, что один предмет не есть другой; таково ее первое суждение.

Но мы видели, что внимание уменьшается пропорционально числу ощущений, среди которых оно разделяется. Следовательно, оно не может охватить всех ощущений, вызываемых обоими телами, не ослабев по отношению к каждому из них.

Таким образом наша статуя сумеет составить себе понятие о двух предметах лишь в том случае, если удовольствие побудит ее сосредоточить свое внимание последовательно на различных получаемых ею от них ощущениях и заставит ее заметить каждое из них в отдельности. Сперва она составляет себе суждение о их теплоте, рассматривая их лишь с этой стороны; затем она составляет себе суждение об их величине, рассматривая их лишь под этим углом зрения; обозрев таким образом все те идеи, которые она замечает в них, она составляет себе ряд суждений, воспоминание о которых у нее остается. Отсюда получается полное суждение, составляемое ею об обоих предметах и объединяющее в каждом из них ощущения, последовательно испытанные ею от них. Таким образом она занимается анализом естественным образом; это подтверждает то, что я доказал в своей «Логике», а именно, что мы учимся анализу у самой природы.

§ 13. Умственные операции в обоих случаях одни и те же

Таким образом суждения, дающие ей сложные понятия о двух телах, являются лишь повторением того, что она производила с ощущениями, принимаемыми ею за простые. Это—внимание, уделяемое сперва двум идеям, затем двум другим и т. д., всем тем, которые она способна в них заметить; а если остаются идеи, о которых она не составила себе суждения, то лишь потому, что она еще не обратила на них внимания, что она их не заметила.

Следовательно, когда она сравнивает два предмета, когда она составляет себе о них суждения и образует сложные понятия о них, то она прибегает к тем же операциям, как и тогда, когда она составляла себе суждения о двух простых ощущениях, ибо она занимается всегда лишь тем, что фиксирует свое внимание.

§ 14. Статуя становится способной к размышлению

Когда она обладала лишь чувством обоняния, она переводила свое внимание с одной идеи на другую; она замечала разницу между ними, но не составляла совокупностей, отношения между которыми она бы определяла.

Получив зрение, она могла различать несколько цветов, ощущаемых ею одновременно, но она не замечала, что они образуют обладающие фигурами целые

(ious); она чувствовала только, что она была одновременно несколькими модификациями.

Лишь приобретая осязание, она, отделив эти модификации от своего я и полагая их вне себя, обращает из них различным образом скомбинированные целые, в которых она может различить множество отношений.

Таким образом внимание, которое она обнаруживает в случае чувства осязания, дает результаты, заметно отличающиеся от результатов внимания, которые она обнаруживала в случае других чувств. Но внимание, которое комбинирует ощущения, которое делает из них во-вне некоторые целые, и которое, отражаясь (*réfléchissant*), так сказать, с одного предмета на другой, сравнивает их в различных отношениях, есть то, что я называю *размышлением* (*réflexion*). Мы видим таким образом, почему наша статуя, лишенная размышлений в случае других чувств, начинает размышлять в случае чувства осязания¹.

Таким образом тело, до которого она дотрогивается, § 15. Что такое по отношению к ней тело является по отношению к ней лишь ощущениями величины, твердости и т. д., которые она считает соединенными вместе: это все, что доставляет ей чувство осязания; и чтобы составить себе подобное суждение, ей не нужно сообщать этим качествам какой-то субъект, опору или, как выражаются философы, *субстрат*. Ей достаточно ощущать их вместе.

Она различает столько предметов, сколько она замечает такого рода совокупностей; и она их составляет не только из идей величины, твердости и т. д., она вносит в них еще теплоту или холод, удовольствие или страдание и вообще все те ощущения, которые осязание приучает ее выносить во-вне. Таким образом

§ 16. Из каких качеств она составляет предметы

¹ Так как размышление есть первоначально лишь просто внимание, то его можно бы понимать таким образом, чтобы оно могло иметь место в случае любого чувства. Но, чтобы добиться согласия в вопросах этого рода, достаточно столкнуться между собой. Я пишу это примечание, чтобы предупредить всякие словесные споры,—неприятное обстоятельство, которое очень часто встречается в философии и против которого всегда надо быть настороже.

ее собственные ощущения становятся качествами предмета. Если они интенсивны, как например сильный жар, то она считает их находящимися одновременно и в своей руке и в телах, до которых она дотрогивается; если они слабы, как например приятная теплота, то она считает их находящимися в этих телах. Таким образом, хотя она может иногда перестать считать их принадлежащими ей, но она не может перестать приписывать их вызывающим их предметам. Другие чувства неспособны были вызвать у нее это заблуждение, ибо в этих случаях она всегда воспринимала свои ощущения лишь как свое различным образом модифицированное я.

§ 17. Она создает себе абстрактные идеи

Мы видели только что, что наша статуя, чтобы сбрать в предметах соответствующие им качества, вынуждена была рассматривать каждое из них порознь. Следовательно, она создавала абстракции, ибо абстрагировать это значит отделять одну какую-нибудь идею от нескольких других, входящих вместе с нею в состав некоего целого.

Обращая например свое внимание только на твердость какого-нибудь тела, она отделяет это качество от других, которые она не принимает в расчет. Таким же самым образом она создает абстрактные идеи фигуры, движения и т. д., и тотчас же каждое из этих понятий обобщается, ибо она замечает, что нет ни одного из них, которое не подходило бы к нескольким предметам или которое не встречалось бы в нескольких совокупностях.

Из этого, а также из того, что мы говорили о других чувствах, ясно, что абстрактные идеи возникают необходимым образом благодаря тому, что мы пользуемся своими органами; что следовательно они не так чужды человеческому разуму, как это повидимому думают, и что их возникновение не настолько загадочно, чтобы нужно было предположить, будто мы могли получить их только от творца природы.

Когда наша статуя обладала другими чувствами, то она могла создавать себе абстракции лишь о своих собственных модификациях; она отделяла от них некоторые, общие ряду этих модификаций, второ-

§ 18. Невозможно определить числа их

степенные свойства; она отеляла от них например сопровождавшие их удовлетворение или неудовлетворение и она образовала таким путем общее понятие о приятных и неприятных модификациях.

Но в настоящее время, когда она привыкла принимать свои ощущения за качества чувственных предметов, т. е. за существующие вне ее и, так сказать, группами качества, она может отделить каждое из них от совокупностей, в которые они входят, рассмотреть их в отдельности и образовать бесчисленные абстракции. Но, не определив, до чего простирается ее любопытство, мы не станем здесь прослеживать его во всех этих операциях.

Ее любопытство не ограничивается изучением одних лишь окружающих ее предметов. Она станет опровергать самое себя и начнет в особенности изучать форму того органа, при помощи которого она манипулирует телами. Она исследует свои пальцы, когда они раздвигаются, сближаются, сгибаются; пораженная сходством, которое она начинает находить между своими руками, она захочет разобраться в этом получше; она начнет наблюдать свои пальцы по одному, по два и т. д., таким путем она умножит свои абстрактные понятия о числах и сможет узнать, что на ее правой руке столько же пальцев, сколько на левой.

Если затем она станет рассматривать какое-нибудь темо, то она решит, что оно одно, как один из ее пальцев; если она будет рассматривать два тела, то она решит, что их два, как два ее пальца. Таким образом ее пальцы становятся знаками чисел. Но мы не можем сказать, до каких пор она разовьет идеи этого рода. С меня достаточно доказать на этих примерах, что все они заключаются в чувстве осознания и что наша статуя начнет замечать их здесь в зависимости от потребности приобрести их.

Распространив свои идеи на числа, она сумеет легче выяснить себе сущность своих абстрактных понятий. Она сможет например заметить, что относительно одного и того же предмета она образует до пяти или шести абстракций или, иначе говоря, что она может

§ 19. Она распространяет свои идеи на числа

§ 20. Ее прочие идеи становятся от этого более отчетливыми

наблюдать в нем порознь до пяти или шести различных качеств. Раньше она замечала в нем только какую-то неопределенную массу их, которую она не была в состоянии определить. Таким образом ее достижения в области чисел будут содействовать развитию всех ее других познаний.

§ 21. Она не может дойти до абстрактных понятий бытия и субстанции

Но каково бы ни было множество открываемых ею предметов, какие бы комбинации она ни составляла из них, она не сумеет никогда дойти до абстрактных понятий бытия, субстанции, сущности, природы и т. д.; призраки этого рода доступны лишь осязанию философа. Привыкнув думать, что каждое тело есть совокупность нескольких качеств, она будет считать вполне естественным, что последние существуют соединенными вместе, и она не станет искать, что может быть их связью или опорой. Привычка часто заменяет даже нам логические доводы, и надо признать, что нередко она вполне стоит рассуждений философов.

§ 22. По этому вопросу философы знают не больше ее

Но допустим, что наша статуя захочет узнать, каким образом эти качества существуют в каждой совокупности; в этом случае она будет, подобно нам, склонна вообразить себе нечто, служащее субъектом, и если бы она могла дать название этому нечто, то она имела бы вполне готовый ответ на вопросы философов; значит, она знала бы об этом ровно столько же, сколько и они, или, иначе говоря, они знают об этом не больше ее. Действительно, если придать ясный смысл их дефинициям, то последние дают даже ребенку не больше того, что дают ему чувства.

§ 23. Ее идеи длительности

Среди приобретаемых ею абстрактных понятий имеются два, заслуживающие некоторых дополнительных соображений, именно понятия длительности и пространства.

По существу она знает длительность лишь на основании последовательности своих идей; но она сможет представить ее себе, столь конкретно изображая прошедшее при помощи пройденного ею пространства, а будущее при помощи пространства, которое она пройдет, что время окажется по отношению к ней чем-то вроде линии, по которой она движется. Этот

ход к длительности покажется ей даже столь гостевенным, что она, возможно, начнет ошибочно думать, будто она знает длительность лишь постольку, поскольку она размышляет о движении какого-нибудь тела. Когда в нашем распоряжении имеется несколько средств представить себе какую-нибудь вещь, то мы обыкновенно склонны считать единственным таким средством наиболее конкретное из них. Такие философам трудно избежнуть этой ошибки. Только Локк первый доказал, что мы познаем длительность лишь на основании последовательности наших идей.

Подобно тому как она познает длительность лишь на основании последовательности своих идей, она познает пространство на основании существования своих идей. Если бы чувство осязания не сообщало ей одновременно нескольких ощущений, которые оно различает, которые оно собирает, заключает в известные границы и из которых, одним словом, оно создает тело, то она не имела бы никакой идеи величины. Таким образом она находит эту идею лишь в существовании нескольких ощущений. Но раз она узнала какую-нибудь величину, то она имеет в ней мерило для других величин. Она имеет мерило для измерения отделяющего их промежутка или занимаемого ими промежутка, одним словом, она имеет идею пространства. Итак, подобно тому как она не имела бы никакой идеи длительности, если бы она не вспоминала, что переживала последовательно несколько ощущений, так она не имела бы никакой идеи протяжения или пространства, если бы она никогда не переживала одновременно нескольких ощущений.

Там, где она не находит никакого сопротивления, она думает, что там нет ничего и создает себе идею пустого пространства. Однако это не служит вовсе доказательством того, что существует пространство, лишенное материи; ей достаточно только начать двигаться с некоторой быстротой, чтобы почувствовать оказывающую ей сопротивление жидкую среду.

§ 25. Бесконечность

Первоначально она не представляет себе ничего за тем пространством, которое она открывает вокруг себя, и поэтому она не думает, что существует какое-нибудь другое пространство. Впоследствии опыт мало-по-малу показывает ей, что пространство простирается дальше. Тогда идея того пространства, которое она проходит, становится для нее моделью, по которой она представляет себе то пространство, которого она еще не прошла; вообразив себе однажды пространство, в которое она еще не перенеслась, она затем воображает себе несколько других, находящихся друг вне друга. Наконец, не представляя себе границ, за которыми она могла бы перестать воображать себе другие пространства, она продолжает как бы вынужденно воображать себе все новые пространства и она начинает думать, будто воспринимает самое бесконечность.

§ 26. Вечности

То же самое можно сказать о длительности. В первый момент своего существования она не представляет себе ничего ни до него, ни после. Но когда у нее образовалась старая привычка к происходящим в ней изменениям, то воспоминание о некоторой последовательности идей становится для нее моделью, по которой она представляет себе некоторую предшествующую и некоторую последующую длительности; не находя таким образом ни в прошлом, ни в будущем мгновения, за которым она не могла бы себе представить других мгновений, она начинает думать, будто ее мысль охватывает всю вечность. Она даже начинает считать себя вечной, ибо она не помнит, что она начала существовать, и не подозревает, что она должна перестать существовать.

§ 27. Все последние идеи являются лишь иллюзией ее воображения

Однако в действительности она не имеет ни идеи вечности, ни идеи бесконечности; если же она думает обратное, то потому, что ее воображение рисует ей иллюзию, представляя ей в виде вечности и бесконечности какую-то расплывчатую длительность и расплывчатое пространство, границ которых она не может установить.

§ 28. Ощущения являются для нашей статуи идеями

При каждом сделанном ею открытии она убеждается, что каждому ощущению свойственно сообщать

ей знания либо о некотором переживании, которое она считает находящимся в себе, либо о некотором качестве, которое она считает находящимся во-вне; иначе говоря, свойством каждого ощущения для нее является то, что мы называем *идеей*, ибо всякое впечатление, порождающее знание, есть идея.

Если она рассматривает свои ощущения как прошлые, то она воспринимает их лишь в сохранившемся от них воспоминании, и это воспоминание есть опять-таки идея, ибо оно дает снова или напоминает некоторое знание. Такого рода идея я буду называть *интеллектуальными идеями* или просто *идеями* в отличие от других идей, которые я буду продолжать называть *ощущениями*. Таким образом интеллектуальная идея есть воспоминание о некотором ощущении. Так например интеллектуальная идея твердости есть воспоминание об ощущении твердости в теле, до которого мы дотрогивались, интеллектуальная идея теплоты есть воспоминание о некотором ощущении, которое мы имели, а интеллектуальная идея тела есть воспоминание о восприятии в одной и той же совокупности протяжения, фигуры, твердости и т. д.

Но наша статуя чувствует разницу между переживанием ощущений в данный момент и воспоминанием о том, что она их раньше переживала. Поэтому она будет отличать их от того, что я называю *интеллектуальной идеей*.

Она замечает, что обладает такого рода идеями, не дотрогиваясь ни до чего, а ощущением обладает лишь тогда, когда она дотрогивается до чего-нибудь. Соображения, заставляющие ее считать свои ощущения находящимися в предметах, не могут заставить ее думать то же самое о ее интеллектуальных идеях. Последние поэтому кажутся ей как бы находящимися в ней само.

Благодаря ощущениям она познает лишь действующие на ее осязание в данный момент предметы, а благодаря идеям она познает все предметы, до которых она дотрогивалась раньше и не дотрогивается теперь. Она может даже правильно судить о предметах, до которых она дотрогивается, лишь в том

§ 29. Чем они отличаются от интеллектуальных идей

§ 30. Развличие, проводимое статуей между ее идеями и ее ощущениями

§ 31. Если ощущения являются источником ее знаний, то идея становится фондом их

случае, если она сравнивает их с предметами, до которых она дотрогивалась раньше; и подобно тому как действующие в данный момент ощущения являются источником ее знаний, так воспоминание о ее прошлых ощущениях или интеллектуальные идеи являются всем фондом их, ибо благодаря их помощи она научается все лучше различать и разбирать новые ощущения.

§ 32. Без идеи она судила бы оши очно о предметах, до которых она дотрогивается

Действительно, когда она дотрогивается до какого-нибудь предмета, то о его величине, о степени его твердости, теплоты и т. д. она может судить лишь в том случае, если вспоминает, что имела уже дело с другими величинами, где она находила другие степени твердости и теплоты. Но лишь только она вспоминает об этом, как она на основании сравнения начинает считать этот предмет более или менее твердым, более или менее теплым. Таким образом о новых встречающихся ей предметах она судит по воспоминанию или по сохранившейся у нее интеллектуальной идеи о некоторых величинах, некоторых степенях твердости и теплоты; именно это воспоминание, вызывая у нее сравнения, заставляет ее заметить различные идеи или знания, сообщаемые ей имеющимися налицо в данный момент ощущениями.

§ 33. Она не замечает, что первоначально идея и ощущения тождественны

Однако, если воспоминание, как мы это видели, есть лишь особая форма ощущения, то отсюда следует, что интеллектуальные идеи не отличаются по существу от самих ощущений. Но вероятно наша статуя не способна сделать этот вывод. Все, что она знает, это что она обладает идеями, которые служат ей для руководства своими суждениями и которые несут ощущения. Поэтому, если бы она стала размышлять о происхождении своих знаний, то вот как, думаю я, она бы стала рассуждать.

§ 34. Ошибочное рассуждение, которое могло бы возникнуть у нашей статуи

«Мои идеи резко отличаются от моих ощущений, ибо первые находятся во мне, а вторые, наоборот, в предметах. Но знать—это значит иметь идеи. Значит, мои познания не зависят ни от какого ощущения. Кроме того я высказываю суждения о предметах, производящих на меня различные впечатления, лишь благодаря сравнению их с идеями, которые я уже

имю. Значит, я имею идеи до того, как я имею ощущения. Но дала ли я эти идеи себе сама? Разумеется, нет, да и возможно ли это? Разве, чтобы дать себе идею треугольника, не следует уже предварительно обладать ею? Но если я ею обладала, то как же я могла ее дать себе? Таким образом я—существо, обладающее само собой от природы идеями; они родились со мною».

Так как идеи являются фондом всех наших знаний, то они составляют главным образом и то, что мы называем мыслящим существом; и хотя ощущения являются принципом мысли и по существу принадлежат только душе, но они кажутся свойством тела, совершенно бесполезным для возникновения идей. Наша статуя неизбежно стала бы жертвой ошибочного учения о врожденных идеях, если бы, подобно нам, она была способна заниматься пустыми спекуляциями. Но не стоит труда делать из нее философа, чтобы научить ее рассуждать так плохо¹.

Не установив границ ее любопытства, главного стимула ее душевной деятельности, я не стану рассматривать более подробно знаний, которые может доставить ей размышление. Достаточно указать, что так как отношения величин заключены в осознательных ощущениях, то она заметит их, когда будет заинтересована в том, чтобы узнать их. Я не ставлю

§ 35. Ее знания — чисто практического характера, и она руководится инстинктами

¹ Исходя именно из подобных рассуждений, философы приписали ощущения животным, отказав им в идеях, и выдвинули учение о том, что наши идеи не происходят от чувств. Так как философы рассматривали человека, когда он уже приобрел множество знаний и следовательно обладает идеями независимо от имеющихся налицо ощущений, то они не заметили, что эти идеи являются лишь воспоминанием о прошлых ощущениях, и пришли, наоборот, к выводу, что идеи всегда предшествуют ощущениям.

Это дало начало нескольким теориям: теории врожденных идей, теории Мальбранша и теории нескольких древних мыслителей, например Платона, воображавших, будто душа обладает еще до своего соединения с телом всякого рода знаниями и будто, следовательно, то, чему мы, по нашему мнению, обучаемся, является лишь воспоминанием о том что мы уже раньше знали.

себе задачей объяснить возникновение всех ее идей, я ограничиваюсь лишь доказательством того, что они получаются у нее благодаря чувствам и что она научается открывать их благодаря своим потребностям.

Метод приобретения ею идей заключается в том, чтобы наблюдать последовательно одно за другим приписываемые ею предметам качества; она анализирует стихийно, но она не обладает никаким языком. Но анализ, производимый без помощи знаков, может дать лишь ограниченную сумму знаний, неизбежно немногочисленных, и так как в них невозможно было ввести порядок, то они представляют собой довольно хаотическую груду. Таким образом, рассматривая приобретаемые статуей идеи, я не утверждаю, что она обладает теоретическими знаниями. Весь ее ум, собственно говоря, есть инстинкт, т. е. привычка вести себя согласно идеям, в которых она не умеет дать себе отчета, привычка, которая, раз установившись, является надежным руководителем ее, так что она может уже не вспоминать суждений, заставивших ее усвоить ее. Так или иначе, она приобрела идеи, но раз эти идеи научили ее вести себя, то она больше о них не думает и действует по привычке. Для приобретения теоретических знаний необходимо обладать языком, ибо необходимо классифицировать и определять идеи, а это предполагает методически употребляемые знаки (см. первую часть моей «Грамматики» или мою «Логику»).

Глава IX

СООБРАЖЕНИЕ, СПОСОБНОЕ ОБЛЕГЧИТЬ ПОНИМАНИЕ ТОГО, ЧТО БУДЕТ СКАЗАНО О ЗРЕНИИ

§ 1. Предмет этой главы

После всего вышеприведенного настоящая глава может показаться совершенно бесполезной, и, признаюсь, это было бы так, если бы она не подготовляла читателя к пониманию соображений, которые я собираюсь высказать относительно зрения. Способ, каким руки составляют себе суждения о предметах при помощи одной палки, двух палок или боль-

шего числа их, так похож на то, как глаза составляют себе суждения о них при помощи лучей, что, начиная с Декарта, обыкновенно объясняют одну из этих проблем посредством другой. Предметом этой главы будет первая из них.

Когда статуя в первый раз скрывает палку, то она знает лишь ту часть ее, которую она держит в руке. Сюда именно она относит все ощущения, вызываемые ею палкой.

Таким образом она еще не знает, что палка протяжена, и следовательно она не может судить о расстоянии тел, которые она ощущает ею.

Палка эта может быть различным образом наклонена, вызывая благодаря этому различные впечатления в ее руке. Но впечатления эти не говорят ей, что палка наклонена, пока она не знает, что палка протяжена. Следовательно, они не могут еще дать ей сведения о различных положениях предметов.

Чтобы судить при помощи ее о расстояниях, статуя должна ощупать ее по всей ее длине, а чтобы судить на основании получаемых от нее впечатлений о положениях, она должна, держа ее одной рукой, изучить направление ее другой.

До тех пор пока она не сможет судить о направлении двух палок, длина которых ей известна и которые она держит одну правой рукой, другую левой, она не сможет узнать, скрещиваются ли они между собой где-нибудь, ни даже того, удаляются ли друг от друга или сближаются между собою их концы. Часто ей будет казаться, что она дотрогивается до двух тел, в то время как она будет дотрогиваться лишь до одного; она будет считать находящимся сверху то, что внизу, и находящимся внизу то, что сверху. Но когда она научится замечать различие направлений в зависимости от различия впечатлений, она сумеет знать положение палок и благодаря этому сможет судить о положении тел.

Суждение это будет первоначально носить характер очень медленного рассуждения. Она как бы скажет себе: если эти палки скрещиваются между собой, то

§ 2. Как статуя может судить о расстояниях и положениях при помощи одной палки

§ 3. При помощи двух палок

конец той, которую я держу левой рукой, находится по правую мою сторону. Следовательно тела, которых они касаются, находятся в положении, противоположном положению моих рук, и я должен считать находящимся направо то, что я ощущаю левой рукой, и находящимся налево то, что я ощущаю правой рукой. Впоследствии это рассуждение станет столь привычным для нее и будет происходить так быстро, что она станет судить о положении тел, не обращая как будто никакого внимания на положение своих рук.

§ 4. Она относит свои ощущения к концу, противоположному тому, который она держит в руке

Сообщаемое ей палкой ощущение она относит к концу ее, действующему на ее руку; наоборот, она ощущает твердость или мягкость тел, которые она ощупывает палкой, на противоположном конце ее, и эта привычка научает ее различать ощущения, которых она раньше не различала.

Предположим, что она опирается ладонью руки на три трости одинаковой длины и соединенные так, точно они образуют одну трость; в этом случае она будет испытывать какое-то смутное ощущение, в котором она не сможет отличить действие каждой трости в отдельности. Раздвинем эти трости внизу; тотчас же она заметит отчетливо три точки сопротивления и отличит благодаря этому впечатление, производимое на нее каждой тростью.

Следует однако указать, что она замечает эту разницу лишь потому, что она научилась судить с помощью ощущения о наклоне. Если бы она не произвела опытов, необходимых для вынесения этого суждения, то она ощущала бы в своей руке только одну точку сопротивления, независимо от того, были ли бы соединены между собою внизу или были бы раздвинуты трости.

Этот опыт подтверждает взгляды, высказанные мною о чувстве зрения. Действительно, вполне возможно, что глаз, подобно руке, смешивает сходные ощущения, когда он считает их находящимися только в нем самом, и что он начинает различать их лишь тогда, когда он привыкает относить их во вне. Достаточно обратить внимание на то, что лучи

производят такое же действие на глаз, какое трости производят на руку.

Чтобы определить расстояние между концами двух скрещивающихся палок, геометру достаточно определить величину углов и величину сторон. § 5. Она создает себе своего рода геометрию

Статуя не может пользоваться таким точным методом, но она приблизительно знает, какова величина палок, насколько они наклонены, знает точку скрещивания их и делает тот вывод, что концы палок, касающиеся предметов, удаляются друг от друга или сближаются между собой в том же отношении, что и концы их, которые она держит в руке. Поэтому легко представить себе, как путем ощупывания она создаст себе своего рода геометрию и станет судить при помощи двух палок о величине двух тел.

Если бы она имела четыре руки, то она могла бы таким же образом составить себе суждения о высоте и ширине какого-нибудь предмета; а если бы она имела большее число рук, то она могла бы рассматривать этот предмет под углом зрения большего количества отношений. Для этого достаточно было бы, чтобы она приобрела привычку составлять себе суждения на основании впечатлений, доставляемых ей десятью или более пальцами.

Так, не обладая никакими знаниями по геометрии, она вела бы себя инстинктивно согласно принципам этой науки; можно вообще сказать, что таким же образом в истории развития наших способностей имеются принципы, ускользающие от нас в тот самый момент, когда они нами руководят. Мы их не замечаем, а между тем делаем все лишь по их указанию.

Поэтому знание принципов геометрии совершенно бесполезно для нашей статуи. Она сможет лишь инстинктивно, путем ощупывания применить их к пальцам, которыми она пользуется. Но когда она ощупывает предметы, то она неизбежно составляет те же самые суждения, как если бы она рассуждала на основании этих принципов. Поэтому совершенно лишнее предположить наличие у нее врожденных идей о величинах и положениях; достаточно, что она обладает руками.

ОБ ОТДЫХЕ, СНЕ И ПРОБУЖДЕНИИ У ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОСЯЗАНИЯ

- § 1. Отдых статуи* Движение кажется нашей статуе столь естественным состоянием, ей так любопытно двигаться повсюду и всяческим образом, что она, разумеется, не предвидит бездействия, в которое она должна неминуемо впасть. Но мало-по-малу силы покидают ее; начиная чувствовать усталость, она борется с ней некоторое время под влиянием желания двигаться еще; наконец отдых становится самой настоятельной ее потребностью. Она чувствует, что против ее воли ее любопытство слабеет; она вытягивает руки и остается неподвижной.
- § 2. Ее сон* Однако активность ее памяти еще сохраняется, и ей кажется, что она живет лишь воспоминанием того, чем она была; но и память в свою очередь начинает требовать отдыха; вызываемые ею идеи незаметно ослабевают и как будто теряются в отдалении, откуда они бросают еле мерцающий свет, скоро гасящий. Наконец все способности статуи задремали, и для нее начинается состояние сна.
- § 3. Ее пробуждение* По истечении нескольких часов отдых возвращается ей силы. К ней медленно возвращаются ее идеи; они появляются как будто для того только, чтобы снова исчезнуть, и душа ее, пребывая между сном и бодрствованием, как бы похожа на легкие испарения, которые то рассеиваются, то снова образуются. Но мало-по-малу во всех частях ее тела возрождается движение; ее идеи фиксируются, ее привычки возрождаются, вся душа ее воскресает, и она начинает воображать, будто живет второй раз.
- Пробуждение это кажется ей восхитительным. С удивлением она ощупывает себя руками, она ощущает ими все окружающее ее, в восторге от того, что она находит себя и находит снова привычные ей предметы: ее любопытство и все ее желания воскресают с большей силой. Она вся отдается им, передвигается в разные стороны, узнает то, что она уже знала, и приобретает новые знания. Благодаря это-

му она вторично устает и, уступая этой усталости, снова предается сну.

Проходя несколько раз через эти различные состояния, она привыкнет предвидеть их, и они сделаются столь привычными для нее, что она станет через эти состояния спать и просыпаться без всякого удивления.

Она отличает их друг от друга благодаря воспоминанию о том, что она переходила от одного к другому. Она почувствовала сперва, как ее силы, незаметно покидают ее, она затем почувствовала, как они сразу возродились. Этот крутой переход от абсолютного бездействия к функционированию всех ее способностей поражает ее, удивляет ее и поэтому кажется ей второю жизнью. Достаточно таким образом контраста между мгновением слабости, предшествовавшим непосредственно сну, и мгновением силы, которой она просыпается, чтобы она почувствовала себя так, точно она перестала существовать. Если же при пробуждении она стала бы пользоваться своими способностями постепенно, то она не заметила бы ничего подобного

Однако она не представляет себе того состояния, из которого она выходит по пробуждении. Она не знает, какова была длительность его, она не знает даже, длилось ли оно, ибо ничто не может заставить ее предположить, что в ней или вне ее происходила какая-нибудь смена. Поэтому она не имеет никакого понятия о состоянии сна, и она отличает от него состояние бодрствования лишь благодаря встряске, заставляемой ей всеми ее способностями в тот момент, когда к ней возвращаются ее силы.

Г л а в а XI

О ПАМЯТИ, ВООБРАЖЕНИИ И СНОВИДЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА, ОГРАНИЧЕННОГО ЧУВСТВОМ ОСЯЗАНИЯ

Ощущения, получаемые посредством чувства осязания, бывают двух родов. К первому относятся пространство, фигура, пространство, твердое состояние, жидкое состояние, твердость, мягкость, движение, покой; ко второму—теплота и холод и различные

§ 4. Она предвидит, что она будет проходить через эти состояния

§ 5. Как она отличает их друг от друга

§ 6. Она не составляет себе идей о состоянии сна

§ 1. Наконец образы идей связываются между собой в памяти статуи

виды удовольствий и страданий. Отношения последних, разумеется, неопределены. Поэтому они сохраняются в памяти лишь в силу того, что органы сообщали их несколько раз мозгу. Что касается первых, то их отношения можно узнать более точно. Наша статуя измеряет размеры тел своими руками; пространство она измеряет, передвигаясь с одного места на другое; вид фигур она определяет, пересчитывая их стороны и следуя за контуром их: она составляет себе суждение о сопротивлении, оказываемом твердыми и жидкими телами, о твердости и мягкости, наконец она находит заметную разницу между движением и покоем, рассматривая, изменяется ли или не изменяется какое-нибудь тело по отношению к другим телам. Таковы те идеи, которые связываются между собою самым прочным и легким образом в ее памяти.

§ 2. Все они связываются с идеей протяжения

С одной стороны, она усвоила привычку относить все свои ощущения к протяжению, ибо она их считает качествами ощупываемых ею предметов. Все ее идеи представляют лишь теплое или холодное, твердое или жидкое протяжение и т. д. Благодаря этому как идеи, отношения которых крайне неопределены, так и те идеи, отношения которых определяются самым точным образом, связываются все с одной и той же идеей. Одним словом, все ее ощущения оказываются по отношению к ней лишь модификациями протяжения.

§ 3. Воспоминание о ней сильнее и длительнее

С другой стороны, ощущение протяжения носит такой характер, что наша статуя может потерять его лишь в глубоком сне. Пробуждаясь, она постоянно чувствует, что она протяжена, ибо она ощущает все части своего тела, давящие на место, на котором они покоятся, и измеряющие его. Таким образом в случае чувства осязания она, в отличие от других чувств, не может быть совершенно лишена каких бы то ни было ощущений. У нее всегда остается одно ощущение, с которым связаны все другие и которые я поэтому рассматриваю как основание всех идей, о коих у нее сохраняется воспоминание. Таким образом все доказывает, что память об

идеях, обязанных своим происхождением чувству осязания, должна быть сильнее и значительно длильнее, чем память об идеях, имеющих своим источником другие чувства.

Идеи могут воскресать с большей или меньшей яркостью. Когда они пробуждаются слабо, то статуя вспоминает только, что она дотрогивалась до такого-то или такого-то предмета, но когда они испытывают в памяти ярко, то она вспоминает предметы так, точно она до них еще дотрогивается в данный момент. Я назвал воображением ту яркую память, которая заставляет казаться данным налицо то, что в действительности отсутствует.

Если мы присоединим к этой способности размытие или операцию комбинирования идей, то мы поймем, как статуя может представить себе в каком-нибудь предмете качества, которые она заметила в других предметах. Допустим, что она желает наслаждаться одновременно несколькими качествами, которых до сих пор она не встречала еще вместе; она вообразит их себе сеоединенными вместе, ее воображение доставит ей наслаждение, которого она не могла получить при помощи чувства осязания.

Наиболее широкое значение слова *воображение* заключается в следующем: воображение — это название способности комбинирования качеств предметов, чтобы составлять из них совокупности, для которых мы не имеем в природе моделей. Благодаря этому оно может доставлять наслаждения, которые в известных отношениях превосходят саму действительность, ибо оно предполагает в предметах, наслаждение которыми оно доставляет, все желаемые нами качества.

Но наслаждение, связанное с чувством осязания, может соединяться с наслаждением, доставляемым воображением; тогда наша статуя переживает величайшие удовольствия, которые только она может знать. Когда она трогает какой-нибудь предмет, то ничто не мешает воображению представить его сей иногда с приятными качествами, которых он не имеет, и удалить из него неприятные ей качества.

§ 4. В чем заключается воображение статуи

§ 5. К воображению присоединяется размытие

§ 6. О наиболее широком смысле, в котором можно брать слово «воображение»

§ 7. Наслаждение, получаемое от чувства осязания и воображения, связанных вместе

Для этого достаточно сильного желания встретить в нем первые и не встретить вторых.

Воображение, доставляя ей столько удовольствия со стороны предметов, не может не заставить ее часто находить удовольствие в движении даже тогда, когда ее усталые члены начинают оказывать сопротивление ее желаниям. Иногда даже оно рисует ей это удовольствие с такой яркостью, что заставляет ее забывать усталость ее органов. Тогда только чрезмерное утомление может побудить ее подумать об отдыхе. Результатом желания, которому она отдалась с такой неумеренностью, является боль и страдание, и когда она часто проделает этот опыт, то она научится не доверять приманкам удовольствия и будет более считаться со своими силами.

8 9. Состояние сновидения

Между бодрствованием и глубоким сном мы можем заметить два промежуточных состояния: одно, когда память вызывает идеи лишь слабым образом, и другое, когда воображение вызывает их с такой интенсивностью и составляет из них столь яркие комбинации, что кажется, будто трогаешь предметы, которые в действительности только воображаешь.

Уснув в таком месте, в котором она привыкла к безопасности, наша статуя может вообразить себе, что оно усеяно колючками, кремнями, что она ходит и что на каждом шагу она укальвается, падает, ушибается и чувствует боль. Хотя эта перемена удивляет ее, но она не может усомниться в ней, и состояние ее точно такое, как если бы она проснулась и это место было в действительности таким, каким оно ей кажется.

Чтобы найти причину такого сновидения, достаточно обратить внимание на то, что до сна она имела идеи места, в котором она могла прогуливаться без всякого страха, имела далее идеи колючек, кремней, уколов, падений, боли и наконец имела идеи места, в котором она испытала все эти вещи. Но что же происходит во сне? А то, что эта последняя идея совсем не возникает. Идеи колючек, кремней, уколов, падения, боли и места, в котором она не испытала ничего подобного, вырисовываются с такой яркостью,

8 10. Причина сновидений и беспорядка, в котором они представляют идеи

как если бы все эти вещи имелись налицо; а соединение их между собой должно заставить статую думать, что место это стало таким, каким его ей рисует во воображение. Если бы она вспомнила то место, где она укололась или упала, то она не поддалась бы этому заблуждению. Таким образом в сновидениях происходят столь странные и столь противоречивые истины ассоциации лишь потому, что идеи, которые могли бы восстановить порядок, оказываются устремленными.

Неудивительно после этого, что идеи воскресают в беспорядке, сближающем и соединяющем между собой самые посторонние друг другу идеи. Будучи отдыхом тела, сон есть также отдых памяти, воображения и всех душевных способностей, причем отдых этот представляет различные степени. Если способности эти окончательно заснули, то мы имеем глубокий сон, если же не окончательно, то состояние полубдения памяти и воображения, будучи достаточным для воскрешения известных идей, не будет достаточным для воскрешения других идей; поэтому идеи, появляющиеся в сновидениях, образуют самые необычайные совокупности.

Ударив статую во время ее сна, я заставляю ее ^{§ 11. Чувства статуи при пробуждении} пробудиться. Первое испытываемое ею при этом чувство—это страх; едва осмеливаясь двигаться, она недоверчиво вытягивает руки и, пораженная тем, что она не находит предметов, причинивших ей, как ей кажется, ушибы, она поднимается и решается начать ходить. Мало-по-малу она успокаивается; она не знает, заблуждается ли она в настоящий момент или она заблуждалась раньше. Доверие ее увеличивается, и она забывает состояние, в котором она находилась в сновидении, наслаждаясь полностью тем, в котором она находится при пробуждении.

Однако она снова испытывает непреодолимую потребность во сне. Она засыпает и переживает новые сновидения, сопровождаемые при пробуждении тем же самым удивлением.

Действительно, эти иллюзии должны ей казаться очень странными. Она не способна догадаться, что

^{§ 12. Ее замешательство относительно состояния сновидений и состояния бодрствования}

они возникли у нее во время сна, ибо она не имеет никакого представления о продолжительности его. Наоборот, она не сомневается в том, что она находилась в состоянии бодрствования, ибо для нее бодрствовать значит осознать и размышлять над тем, что она осознает. Поэтому ее сновидения не могут казаться ей сновидениями, и они только вызывают у нее большую тревогу. Она не понимает, почему она составляет столь различные суждения об одних и тех же предметах; она не знает, где кроется ошибка, и она переходит по очереди от недоверия, вызываемого в ней ее сновидениями, к доверчивости, которую возвращает ей состояние бодрствования.

§ 13. Почему она имеет одни сновидения, которые она вспоминает, и другие сновидения, которые она забывает?

Для нее невозможно помнить все идеи, которые она имела в состоянии бодрствования. То же самое можно сказать об идеях, которые она имела во сне.

Что касается причины, напоминающей ей некоторые ее сновидения, то вот что я думаю об этом.

Если впечатления от сновидений были сильны и если они представляли идеи в беспорядке, резко противоречащем суждениям, имевшимся у нее до того момента, когда она заснула, то ее удивление связывает эти идеи со всей совокупностью ее знаний. При пробуждении то же самое удивление, продолжаясь еще, заставляет ее сделать усилие, чтобы вспомнить их со всеми подробностями, и она их вспоминает. Наоборот, у нее не возникнет никакого воспоминания, если промежуток между пробуждением и сновидением был достаточно велик и занят сном, достаточно глубоким, чтобы уничтожить всякое впечатление от удивления, в котором она раньше находилась. Наконец, если по пробуждении ее удивление невелико, то иногда она будет вспоминать лишь часть своего сновидения, иногда же она вспомнит только, что имела какие-то очень странные идеи.

Таким образом ее сновидения запечатлеваются в ее памяти лишь потому, что они связываются с привычными суждениями, которым они противоречат,

и вспоминает она их под влиянием удивления, в котором она находится еще при пробуждении.

Г л а в а XII

О ГЛАВНОМ ОРГАНЕ ЧУВСТВА ОСЯЗАНИЯ

В предыдущих главах было достаточно подробно доказано, что кисть руки есть главный орган осязания. Действительно, это тот орган, который лучше всего приспособляется ко всякого рода поверхностям. Легкость, с какой мы вытягиваем, сокращаем, сгибаем, отделяем, соединяем пальцы, заставляет кисть руки принимать различные формы. Если бы этот орган не был столь подвижен и гибок, то нашей статуе понадобилось бы гораздо больше времени для приобретения идей фигур; и насколько были бы ограничены ее познания, если бы она была лишена их!

Если бы например ее руки заканчивались у запястья, то она могла бы открыть, что она обладает телом и что существуют другие тела вне ее. Обнимая их, она могла бы составить себе некоторую идею об их величине и их форме, но она составила бы лишь неточное суждение о правильности или неправильности их фигур.

Еще скучнее были бы ее знания, если бы мы не оставили ни одного сустава в ее членах. Обладая только основным ощущением, она бы чувствовала себя как бы в одной точке, если бы оно было однообразно, а если бы оно было разнообразным, то она испытывала бы одновременно только несколько модификаций.

Если органы осязания тем менее совершенны, тем менее способны передавать идеи, чем менее они подвижны и гибки, то нельзя ли отсюда сделать тот вывод, что кисть руки была бы еще более полезна, если бы она состояла из двадцати пальцев, у каждого из которых было бы множество суставов? А если бы она была разделена на бесчисленное множество одинаково подвижных и гибких частей¹, то не являлся

§ 1. Для приобретения идей с помощью чувства осязания необходима подвижность и гибкость органов

§ 2. Но большая подвижность и гибкость, чем эти имеются у нас, быль бы бесполезна и даже вредна

¹ «Если бы кисть руки,—говорит г. де Бюффон,—обладала большим количеством частей, если бы например она была раз-

ли бы подобный орган своего рода универсальной геометрией?

Но дело в том, что частям кисти руки недостаточно быть гибкими и подвижными; нужно еще, чтобы статуя могла их заметить одну за другой и составить себе о них точные идеи. Какие она могла бы приобрести с помощью осязания познания о телах, если бы она знала лишь несовершенным образом орган, которым она касается их? А какую идею она могла бы составить себе об этом органе, если бы число его частей было бесконечно? Она приложила бы кисть руки к бесконечному множеству поверхностей; но что получилось бы от этого? Столь сложное ощущение, что она не могла бы ничего разобрать в нем. Изучение ее рук превосходило бы ее силы; она пользовалась бы ими, не будучи никогда в состоянии хорошо узнать их, и она приобрела бы лишь смутные понятия.

Мало того, я утверждаю, что двадцать пальцев не были бы может быть так хороши для нее, как пять пальцев. Орган, сообщающий ей знания о самых сложных фигурах, должен сам быть несложным; в противном случае статуе было бы трудно составить себе о нем отчетливое понятие, и он был бы, следовательно, препятствием для роста ее знаний; для последнего она нуждается в более простом органе, который она могла бы узнать легче и который дал бы ей возможность составить себе идею о более сложном предмете.

делена на 20 пальцев, которые обладали бы большим количеством суставов и движений, то чувство осязания было бы несомненно бесконечно более совершенено, чем теперь, ибо подобная рука могла бы прикладываться более непосредственно и более точно к различным поверхностям тел; а если предположить, что она была бы разделена на бесконечное множество подвижных и гибких частей, которые могли бы прикладываться одновременно ко всем точкам поверхности тел, по подобный орган был бы (если осмелюсь так выразиться) своего рода универсальной геометрией, благодаря которой мы могли бы иметь в самый момент прикосновения точные идеи о фигурах всех этих тел и даже о бесконечно малой разнице между этими фигурами» (*Histoire naturelle et générale*, t. III, p. 359).

Я думаю таким образом, что ей нечего желать в этом отношении.

Действительно, чего нехватает ее рукам? Если имеются идеи, которых они ей не дают непосредственно, то они указывают ей путь для приобретения их. Если бы даже предположить невозможное—именно, что, обладая большим количеством очень тонких и очень подвижных пальцев, она сумела бы различить все впечатления, передаваемые ими ей одновременно, то она от этого не узнала бы лучшие величин, составляющих предмет математики. Она заметила бы только на поверхности тел шероховатости, ускользающие от нее в настоящее время, но которые уже не ускользнут от нее, когда она станет пользоваться чувством зрения.

§ 3. Таким образом у нашей статуи в этом отношении имеется вся необходимое

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

КАК ЧУВСТВО ОСЯЗАНИЯ НАУЧАЕТ ДРУГИЕ ЧУВСТВА СУДИТЬ О ВНЕШНИХ ПРЕДМЕТАХ

Глава I

О ЧУВСТВЕ ОСЯЗАНИЯ В СОЕДИНЕНИИ С ЧУВСТВОМ ОБОНИЯНИЯ

Присоединим чувство обоняния к чувству осязания и, вернув нашей статуе воспоминание о тех суждениях, которые она составляла себе, когда обладала только первым из этих чувств, поведем ее в цветник с цветами. Здесь все ее привычки воскресают, и она считает себя всеми теми запахами, которые она ощущает.

§ 1. Суждения статуи о запахах

Оказавшись к своему удивлению тем, чем она перестала быть уже так давно, она не может однако догадаться о причине этого. Она не знает, что получила только что новый орган, и если осязание сообщило ей, что существуют доступные ощупыванию предметы, то оно не научило ее еще тому, что они являются источником тех ощущений, которые мы ей только что вернули.

§ 2. Она не представляет себе, что может быть причиной этих ощущений

Наоборот, она судит о них на основании своей привычки рассматривать их как свои собственные модификации. Ей кажется вполне естественным быть то одним запахом, то другим; она не представляет себе, что тела играют здесь какую-нибудь роль; она знает у них лишь те качества, которые открывает ей в них одно только осязание.

§ 3. Она стала двумя различными существами

Таким образом она стала одновременно двумя весьма различными существами: одним, которого она не может схватить и которое как будто ускользает от нее в каждое мгновенье, и другим, которое она осязает и которое она может всегда снова найти.

§ 4. Она начинает догадываться, что получает запахи от тел

Коснувшись случайно кистью руки окружающих ее предметов, она схватывает цветок, остающийся затем в ее пальцах. Рука ее, двигаясь без умысла, по очереди то приближает его, то удаляет от ее лица; она испытывает с большей или меньшей интенсивностью некоторые модификации.

Удивленная, она повторяет тот же опыт, но уже умышленно. Она несколько раз хватает и бросает этот цветок. Она убеждается в том, что она испытывает или перестает испытывать известную модификацию в зависимости от того, приближает ли она или удаляет цветок. Наконец она начинает догадываться, что она обязана ему ощущением, которое ее модифицирует.

Она обращает все свое внимание на это ощущение, она наблюдает, с какой силой оно увеличивается, она следит за интенсивностью его, сравнивает ее с различными расстояниями, на которых находится цветок от ее лица; и в связи с тем, что орган обоняния испытывает большее воздействие, когда его касается издающее запах тело, она открывает в себе новое чувство.

§ 5. Она открывает в себе орган обоняния

Она начинает съезжать эти опыты; она приближает цветок к этому новому органу, она удаляет его от него; она сравнивает наличие цветка с произведенным ощущением, отсутствие цветка с изчезнувшим ощущением; она убеждается в том, что получает это ощущение от цветка, она заключает, что оно находится в нем.

Повторяя часто это суждение, она так привыкает § 7. Она ощущает к нему, что составляет его себе в тот же самый момент, когда испытывает ощущение. Благодаря этому суждение это настолько сливается с ощущением, что она не может найти разницы между ними. Она уже не только думает, что запах находится в цветке, она ощущает его в нем.

Она привыкает составлять себе те же самые суждения по поводу всех предметов, вызывающих у нее ощущения этого рода; и запахи уже не являются больше ее собственными модификациями, это—впечатления, вызываемые издающими запах телами в органе обоняния или, правильнее, это—качества самих этих тел.

Не без изумления она замечает, что вынуждена составлять суждения, столь отличные от тех, к которым она раньше привыкла; и требуются повторные опыты, чтобы чувство осязания уничтожило привычки, усвоенные благодаря чувству обоняния. Ей так же трудно отнести запахи к числу качеств предметов, как нам трудно видеть в них наши собственные модификации.

Но, привыкнув мало-по-малу к суждениям этого § 10. Она различает два вида тел рода, она начинает наконец отличать тела, которым, по ее мнению, принадлежат запахи, от тел, которым, по ее мнению, они не принадлежат. Таким образом чувство обоняния в соединении с чувством осязания подсказывает ей существование нового класса доступных ощупыванию предметов.

Заметив далее один и тот же запах у нескольких цветов, она не рассматривает его больше как некоторую частную идею; наоборот, она рассматривает его как качество, свойственное некоторым телам.

В результате она различает столько классов издающих запах тел, сколько она открывает различных запахов, и она составляет себе большее количество абстрактных или общих понятий, чем она составляла их, когда обладала только чувством обоняния.

Стремясь изучить лучше эти новые идеи, она начинает нюхать цветы то поодинокие, то по несколько сразу. Она замечает ощущение, производимое ими

§ 8. Запахи становятся качествами тел

§ 9. Насколько ей трудно привыкнуть к этим суждениям

§ 11. И несколько видов издающих запах тел

§ 12. Способность различения, приобретаемая чувством обоняния

порознь, и ощущение, производимое ими, взятыми вместе. Она различает несколько запахов в букете, и ее обоняние приобретает способность различения, которым она не обладала бы без помощи осязания.

Но у этой способности различения имеются свои границы: если запахи доносятся до нее с известного расстояния, если они многочисленны, то она не сможет узнать ни одного из них. Однако мы можем предположить, что ее способность различения в этом отношении тоньше, чем наша; действительно, так как запахи более привлекательны для нее, чем для нас, имеющих возможность наслаждаться всеми другими чувствами, то она приобретет больший опыт в нахождении разницы между запахами.

Таким образом оба эти чувства доставляют ей, будучи соединенными благодаря помощи, оказываемой ими друг другу, такие знания и удовольствия, которых они не доставляли, взятые каждое в отдельности.

Чтобы выяснить, каким образом суждения обособляются от ощущений или сливаются с ними, надувшим тела, простая фигура которых знакома нашей статуе, и поднесем их к ней в тот самый первый момент, когда мы ей сообщаем чувство обоняния. Если известный запах чувствуется например всегда в треугольнике, а другой запах — в квадрате, то каждый из них окажется связанным с соответствующей фигурой, и статуя в этом случае не сможет больше испытывать того или иного запаха, не представив себе треугольника или квадрата; ей будет казаться, что она обоняет фигуру в запахе и осязает запах в фигуре.

Она заметит, что если существуют фигуры, не имеющие запаха, то не существует запаха, не предполагающего всегда наличия известной фигуры, и она станет приписывать обонянию идеи, принадлежащие только осязанию. Чтобы затем спутать все ее понятия, достаточно надуть различными запахами тела, имеющие одну и ту же фигуру, и надуть одним и тем же запахом тела, имеющие различные фигуры.

Суждение, связывающее треугольную фигуру с некоторым запахом, может быстро повторяться всякий раз, когда представится к этому случай, ибо предметом его являются несложные идеи. Вот почему оно может легко сливаться с ощущением. Но если бы рассматриваемая фигура была сложной, то, чтобы связать ее с запахом, потребовалось бы большее число суждений. Статуя не смогла бы представить ее себе с той же легкостью: она не могла бы более заключить, что фигура и запах известны ей благодаря одному и тому же чувству.

Изучая например розу при помощи осознания, она связывает запах с совокупностью листьев, с их тканью и со всеми теми качествами, благодаря которым чувство осознания отличает розу от других известных ей цветов.

Таким образом она составляет себе о розе сложное понятие, предполагающее столько суждений, сколько она замечает в ней качеств, способных помочь ей узнать ее.

Иногда, правда, она станет судить о ней по первому впечатлению, которое она почувствует, дотронувшись до нее рукой. Но при этом она будет часто ошибаться и заметит скоро, что, во избежание таких ошибок, она должна вспомнить самую отчетливую идею о ней, полученную ею от осознания, и сказать себе: *роза отличается от гвоздики тем, что она обладает такой-то формой, такой-то тканью и т. д.* Но так как этих суждений много, то она не может повторить их все, когда она вдыхает запах этого цветка. Поэтому, вместо того чтобы ощущать доступные осознанию качества в запахе, она замечает, что она мало-по-малу вспоминает их, и она не будет больше ошибочно приписывать чувству обобщения идеи, которыми она обязана только чувству осознания.

Ее ошибки очень велики, когда по поводу запахов она повторяет, не замечая этого, привычные ей суждения. Не так сильно будет она ошибаться в своих суждениях, когда мы сообщим ей чувство пренятия.

О ЧУВСТВАХ СЛУХА, ОБОНИЯНИЯ И ОСЯЗАНИЯ, ВЗЯТЫХ ВМЕСТЕ

§ 1. Состояние статуи в тот момент, когда мы ей сообщаем чувство слуха

Наша статуя, как и в предыдущей главе, почувствует удивление, оказавшись тем, чем она была, если в тот момент, когда мы придадим чувство слуха к чувствам обонятия и осязания, она получит снова все привычки, усвоенные ею в случае первого из этих чувств. То она—пение птиц, то она—шум водопада или шум шевелящихся деревьев, а через мгновенье она—шум грома или страшной грозы.

Так как она вся поглощена этими ощущениями, то ее осязание и обоняние бездействуют. Если затем последует вдруг глубокое молчание, то ей покажется, что она перестала быть самой собой. Некоторое время она не в состоянии начать пользоваться своими первыми чувствами. Наконец, прияя мало-по-малу в себя, она начинает заниматься доступными осязанию и издающими запахи предметами.

§ 2. Она открывает в себе орган слуха

Она находит то, чего она не искала. Действительно, схватив какое-нибудь звучащее тело, она начинает двигать им без всякого умысла; случайно она по очереди то приближает его, то удаляет от своего уха; этого достаточно, чтобы побудить ее несколько раз приблизить и удалить его. Руководясь различной интенсивностью ощущения, она прикладывает рассматриваемое тело к органу слуха, и, повторив этот опыт, она умозаключает, что звуки находятся в этой части тела, подобно тому как она умозаключала, что запахи находятся в другой части тела.

§ 3. Она думает, что звуки находятся в телах

Однако она замечает, что ее ухо модифицируется лишь под влиянием этого тела. Она слышит звуки, когда она приводит его в движение, она не слышит ничего, когда она перестает приводить его в движение. Поэтому она заключает, что эти звуки происходят от него.

§ 4. Она слышит звуки в них

Она повторяет это суждение, она приучается составлять его с такой быстротой, что уже не замечает промежутка между моментом, когда эти звуки поражают ее ухо, и моментом, когда она думает, что

они находятся в этом теле. Услышание этих звуков и суждение, что они находятся вне ее, становятся двумя операциями, которых она уже не отличает друг от друга. Поэтому, вместо того чтобы воспринимать их как свои собственные модификации, она начинает воспринимать их как модификации звучащего тела. Одним словом, она слышит их в этом теле.

§ 5. Она создает себе привычку из этого способа слышать

Если мы заставим ее произвести этот же опыт на других звуках, то она составит себе опять-таки те же самые суждения и станет сливать их с ощущениями. В дальнейшем она так привыкнет к этому способу ощущения, что ухо ее перестанет нуждаться в уроках осознания. Всякий звук будет казаться ей приходящим извне, даже в тех случаях, когда она не сможет осязать издающих его тел. Действительно, если под влиянием привычки суждение слилось с некоторым ощущением то оно должно будет сливаться со всеми ощущениями того же вида.

Если вместе раздается несколько изученных статуей звуков, то она станет различать их не только потому, что ее ухо способно улавливать до известной степени их разницу, но особенно потому, что она усвоила привычку считать их находящимися в телах, которые она отличает друг от друга. Так осознание усиливает тонкость различия слуха.

§ 6. Способность различения ее уха

Следовательно, чем более она станет пользоваться помощью осознания, чтобы улавливать разницу между звуками, тем более она научится различать их друг от друга. Но она станет сливать их всякий раз, когда чувство осознания перестанет различать вызывающие их тела.

Таким образом у способности различения слуха есть свои границы, ибо бывают случаи, когда даже осознание отказывается находить разницу. Я не говорю здесь о границах, объясняющихся недостатком в устройстве органа слуха.

Статуя начинает производить свои опыты на предметах, доступных ее руке. Поэтому ей кажется сперва при каждом поражающем ее ухо шуме, будто ей достаточно вытянуть руку, чтобы схватить издающее его тело, ибо она еще не научилась считать по-

§ 7. Она судит по слуху о расположениях и положениях

следнее находящимся дальше. Но, ошибившись в этом, она делает один шаг, делает другой шаг, и по мере продвижения вперед она замечает, что шум усиливается, пока производящее его тело не окажется так близко около нее, как только можно.

Опыты эти научают ее мало-по-малу составлять себе суждения о различных удалениях этого тела. Суждения эти, став привычными, повторяются так быстро, что, когда они сольются с самим ощущением, она начинает наконец узнавать расстояния по слуху. Таким же образом она научится узнавать, находится ли какое-нибудь тело по правую ее сторону или по левую. Одним словом, она станет различать расстояние и положение какого-нибудь предмета по слуху всякий раз, когда и то и другое будут такими же, как и в случаях, относительно которых она произвела многочисленные опыты. Обладая, за невозможностью обратиться к чувству осязания, только этим средством убедиться в этом, она станет так часто пользоваться им, что начнет высказывать иногда суждения с такой же уверенностью, с какой мы сами составляем суждения с помощью глаз.

Но она рискует ошибиться всякий раз, когда она услышит тела, разнообразия положений и расстояний, которых она еще не изучила. Она должна поэтому приучиться составлять столько же различных суждений, сколько имеется видов звучащих тел и обстоятельств, при которых их можно слышать.

Если бы она слышала всегда один и тот же звук лишь тогда, когда она дотронулась до одной и той же фигуры, и обратно, то она стала бы думать, что фигуры обусловливают собою идеи звуков и что звуки обусловливают собою идеи фигур, и она не сумела бы распределить между осязанием и слухом идеи, принадлежащие каждому из этих чувств. Точно так же, если бы каждый звук сопровождался постоянно определенным запахом, а каждый запах определенным звуком, она не могла бы отличить идей, которыми она обязана обонянию, от идей, которыми она обязана слуху. Эти ошибки похожи на те, в которые мы заставили ее впасть в предыдущей

иные, и они подготавливают читателя к соображениям, которые мы собираемся высказать на счет зрения.

Глава III

КАК ГЛАЗ НАУЧАЕТСЯ ВИДЕТЬ РАССТОЯНИЕ, ПОЛОЖЕНИЕ, ФИГУРУ, ВЕЛИЧИНУ И ДВИЖЕНИЕ ТЕЛ

Первой же вещью, которую следует заметить в тот момент, когда мы сообщаем нашей статуе зрение, является ее изумление. Но вероятно опыты, проделанные ею с ощущениями обоняния, слуха и осязания,ставят ее вскоре догадаться, что то, что ей кажется еще ее собственными модификациями, может быть особыми качествами, которые некоторое новое чувство откроет ей в тела.

Мы видели, что когда наша статуя обладала только чувством осязания, то она не могла составлять суждения о величинах, положениях и расстояниях при помощи двух палок, длины и направления которых она не знала. Но световые лучи относятся к ее глазам так, как палки относятся к ее рукам, и на глаз можно смотреть как на орган, как бы обладающий бесконечным множеством рук, способных схватывать бесконечное множество палок. Если бы он был способен знать сам по себе длину и направление лучей, то он смог бы, подобно руке, отнести к одному концу их то, что он чувствовал бы в другом, и составлять суждения о величинах, расстояниях и положениях. Но испытываемое им ощущение не сообщает ему длины и направления лучей и даже не сообщает, существуют ли они. Глаз ощущает впечатление от них точно так, как рука ощущает впечатление от первой палки, к одному концу которой она притрогивается.

Если бы даже мы предположили, что наша статуя и совершенстве знает оптику, то это немногим бы помогло ей. Она знала бы, что вообще лучи света образуют более или менее большие углы в соответствии с величиной и расстоянием предметов, но она не могла бы измерить этих углов. Если принципы оптики недостаточны, чтобы объяснить процесс зре-

§ 1. Состояние статуи, когда ей сообщают зрение

§ 2. Почему глаз может научиться лишь у осязания

ния, а это повидимому так, то они тем более недостаточны, чтобы научить нас видеть.

Кроме того эта наука не показывает, как следует двигать глазами. Она предполагает только, что они способны к различным движениям и что в зависимости от обстоятельств они должны менять форму.

Таким образом глаз нуждается в помощи осязания, чтобы привыкнуть к движениям, необходимым для зрения, чтобы приучиться относить свои ощущения к концу лучей или приблизительно так и чтобы на основании этого составлять суждения о расстояниях, величинах, положениях и фигурах. Нам остается установить теперь, какие опыты особенно годятся для того, чтобы научить его этому.

Случайно или под влиянием боли, вызванной слишком ярким светом, статуя подносит руку к глазам; в тот же момент все цвета исчезают. Она отнимает руку, цвета появляются снова. После этого она перестает считать их своими собственными модификациями. Они кажутся ей чем-то неосозаемым, что она ощущает на конце своих глаз, подобно тому как она ощущает на конце своих пальцев предметы, к которым она прикасается.

Но, как мы видели, каждый цвет есть простая модификация, не дающая сама по себе никакой отчетливой идеи протяжения, ибо подобная идея должна бы быть идеей обладающего фигурой или ограниченного контуром протяжения и следовательно должна бы быть идеей, которой была абсолютно лишена статуя, обладая только чувством зрения. Поэтому никакой цвет неспособен указать размеров глазам, не научившимся относить его ко всем частям некоторой поверхности; глаза будут ощущать только собственные модификации и не увидят ничего за ними.

Но, хотя ощущения тепла и холода не содержат в себе вовсе идеи протяжения (*étendue*), они распространяются (*s'étendent*) однако на все размеры тел, к которым мы научились относить их. Таким же образом станут распространяться на предметы и цвета: осязание сообщит глазам привычку считать их на-

ходящимися на некоторой поверхности, подобно тому как оно же относит к такой поверхности тепло или холод.

Так как статуя перестает видеть цвета, когда она подносит руку к внешней поверхности органа чувства зрения, и так как они появляются у нее всякий раз, когда она убирает руку, то она неизбежно должна видеть их появление или исчезновение, как если бы они находились на самой этой поверхности, и вот тогда-то она начинает сообщать им протяжение.

Таким образом в случае удаления или приближения тел она не может еще судить ни об их расстоянии, ни об их движении. Она замечает только большее или меньшее появление цветов или полное исчезновение их.

Эта светлая поверхность равна внешней поверхности глаза: вот все, что видит статуя; ее глаза не замечают ничего за этим, и следовательно она не находит границ у этой поверхности: она видит ее бесконечной.

Если мы покажем ей значительную часть горизонта, то поверхность, которую она увидит на своих глазах, сможет представлять обширную равнину, испещренную цветами и формами бесчисленного множества предметов. Таким образом статуя видит все эти вещи; она, повторяю, видит их, но она не имеет никакой идеи о них, да она и не может иметь никакой идеи о них.

Это утверждение покажется без сомнения парадоксом лицам, думающим, что одно только зрение, независимо от осязания, сообщает нам идею протяжения, ибо протяжение есть необходимый объект зрения, и что разница между цветами неизбежно даст нам заметить границы или пределы, отделяющие два цвета, и, следовательно, сообщает нам идею фигуры.

Бесспорно, сами мы замечаем все это, и я готов признать, что статуя видит все то, что мы замечаем, и даже более того. Но способна ли она замечать, подобно нам, эти вещи, пока она не научилась у осяза-

§ 4. Она видит, как они образуют некоторую поверхность

§ 5. Эта поверхность кажется ей бесконечной

§ 6. Статуя не нужно научиться видеть, но нужно научиться смотреть

ния направлять свои взоры? И имеет ли она идеи их, если она их не замечает?

Недостаточно повторять вслед за Локком, что все наши знания происходят из чувств; если я не знаю, каким образом они происходят от них, то я стану думать, будто тотчас же по получении от предметов впечатлений мы оказываемся обладателями всех тех идей, которые могут содержать в себе наши ощущения. Думая так, я ошибусь. В свое время я впал в эту ошибку, и в нее продолжают впадать все те, кто пишет по этому вопросу. Люди не знают повидимому, что существует разница между тем, чтобы видеть, и тем, чтобы смотреть; а между тем мы вовсе не обращаем идей тотчас же, как только мы видим; мы обращаем их лишь тогда, когда мы смотрим планомерно, методически. Одним словом, нужно, чтобы наши глаза стали анализировать, ибо они не смогут схватить даже наипростейшей фигуры в целом, если они не наблюдали всех частей ее порознь, одну за другой, и в том порядке, в котором они находятся между собой. Но разве способны анализировать глаза статуи, когда они все еще видят цвета в себе самих или в лучшем случае на своем зрачке? Вот собственно к чему сводится весь вопрос. Я убежден, что математик, которому предложили бы этот вопрос, ответил бы, пользуясь, подобно мне, словом *анализировать*, не колеблясь, что глаза статуи не анализируют, ибо он помнит, какого труда ему лично стоило изучить анализ. Но если бы ему предложили этот вопрос, заменив слово *анализировать* словом *смотреть*, что по существу не меняет ровно ничего, то, думаю я, он ответил бы, тоже не колеблясь: ее глаза смотрят, ибо они видят.

Он даст конечно этот ответ, если он думает, что одни только глаза, *независимо от осозания*, сообщают нам идею фигуры, лишь только они видят цвета. Но каким образом смогут смотреть глаза, зрение которых не простирается далее зрачка? Действительно, чтобы смотреть, глаза должны уметь устремляться, направляться на один только из предметов, которые они видят. А чтобы составить себе идею фигуры этого

предмета, как бы проста она ни была, они должны уметь направляться на каждую из ее частей по очереди и в том порядке, в котором они находятся между собой. Но как станут они направляться в том порядке, которого они вовсе не знают? И как вообще они станут направляться на какой-нибудь предмет? Разве это действие с их стороны не предполагает существование некоторого пространства, в котором они воспринимали предметы на различных расстояниях от ярчака и на различных расстояниях друг от друга, — пространства, которого они еще не знают? Таким образом я не стану утверждать, как это говорит весь свет и как это я сам говорил до сих пор, очень неточным образом, что наши глаза должны научиться видеть, ибо они видят необходимым образом все, что производит впечатление на нас, а я скажу, что они должны научиться смотреть, ибо недостаточно видеть, чтобы составить себе идеи.

От разницы между этими двумя словами зависело состояние вопроса. Почему же эта разница, явственная для ничтожнейших грамматиков, скрыта от философов? Вот, следовательно, каким образом мы рассуждаем; мы плохо ставим какой-нибудь вопрос, мы не умеем ставить его, а между тем мы собираемся решить его¹. Я поймал себя на этом и, признаюсь, я часто себя ловил, но еще чаще я ловлю на этом других.

Но, как бы то ни было, наш вопрос наконец сведен к очень простому вопросу: мы доказали, что глаза статуи должны научиться смотреть. Посмотрим же, как осязание учит их этому.

Из любопытства или беспокойства статуя подносит руку к своим глазам. Она удаляет ее, приближает ее и замечает, что от этого поверхность, которую она видит, становится более светлой или более темной. Тотчас же она заключает, что причиной этих изменений является движение ее руки, и так как она

§ 7. Статуя заключает, что эта поверхность находится далеко от нее

¹ В своей «Логике» я доказал, что всеми своими идеями мы обязаны анализу и что всякий правильно поставленный вопрос решается как бы сам собой.

знает, что она двигает ею на известном расстоянии, то она догадывается, что эта поверхность находится не так близко от нее, как она это думала.

§ 8. Она видит цвета на телах

Если затем она дотронется до тела, находящегося перед ее глазами, то, закрыв его рукой, она подставит на место одного цвета другой; если же она уберет руку, то снова появится первый цвет. Поэтому ей начинает казаться, что ее рука вызывает на известном расстоянии смену двух цветов.

В другой раз она проводит рукой по какой-нибудь поверхности; заметив цвет, движущийся по другому цвету, части которого по очереди появляются и исчезают, она заключает, что цвет, находящийся на этом теле, неподвижен, а цвет, находящийся на ее руке, движется. Суждение это становится привычным для нее, и вот цвета покидают ее глаза и переходят на ее руку и на предметы, до которых она дотрогивается.

Изумленная эдем открытием, она предпринимает поиски вокруг себя, желая убедиться в том, может ли она дотронуться до всего, что она видит. Ее рука встречает тело нового цвета, ее глаз замечает другую поверхность, и те же самые опыты, что и раньше, заставляют ее составить те же самые суждения.

Желая узнать, относится ли это ко всем ощущениям данного вида, она дотрогивается рукой до всего окружающего ее; после прикосновения к телу, окрашенному в несколько цветов, ее глаз приобретает привычку различать их на удаленной, по его мнению, поверхности.

Взор ее блуждает по этому хаосу из света и цветов под влиянием, без сомнения, смены очень приятных для нее ощущений. Побуждаемая удовольствием, она неутомимо повторяет те же самые опыты и производит новые. Она постепенно приучает свои глаза останавливаться на предметах, до которых она дотрогивается. Они привыкают к известным движениям, и вскоре они как бы пронизывают облако, чтобы увидеть в отдалении предметы, которые схватывает ее рука и на которые она как бы распределяет свет и цвета.

§ 9. Окончательные опыты, заставляющие ее усвоить эту привычку

Переводя по очереди свою руку от глаз к телам и от тел к глазам, она измеряет расстояния. Она ватом приближает и удаляет по очереди эти самые тела. Она изучает различные впечатления, получаемые при этом каждый раз ее глазом, и, привыкнув связывать эти впечатления с расстояниями, сообщающими ей осязанием, видит предметы то ближе, то дальше, ибо видит их там, где до них дотрогивается.

§ 10. Она видит предметы на расстояниях, на которых она до них дотрогивается

Когда она в первый раз устремила свой взор на шар, то полученное ею от него впечатление представляло лишь плоский круг, в котором свет был перемешан с тенью. Следовательно, она не видела еще шара, ибо ее глаз не приучился приписывать реальность поверхности, на которой свет и тень распределены в известном отношении. Но вот она дотронулась до шара, и так как она приучилась составлять с помощью зрения те же самые суждения, которые она составляет с помощью осязания, то тело это приняло для ее глаз ту реальность, которую оно имеет для ее рук.

§ 11. Она приучается видеть шар

Она возобновляет этот опыт и повторяет то же самое суждение. Благодаря этому она связывает идею кругости и выпуклости с впечатлением, производимым на нее некоторой смесью света и тени. Она пытается затем составить себе суждение о шаре, до которого она еще не дотронулась. Вначале несомненно она испытывает иногда при этом затруднения, но осязание рассеивает их, и под влиянием усвоенной ею привычки думать, что она видит шар, она образует это суждение с такой быстротой и уверенностью и связывает так прочно идею этой фигуры с поверхностью, на которой свет и тень распределены в известном отношении, что под конец она видит лишь то, что она так часто повторяла себе, что должна видеть.

Она научится также видеть куб, если глаза ее изучат впечатления, получаемые ими в тот момент, когда рука ощущает углы и грани этой фигуры, и если она приобретет привычку замечать при различном освещении те же самые углы и те же самые грани. Лишь тогда она начнет отличать шар от куба.

§ 12. Она отличает его от куба

Таким образом глаз начинает видеть отчетливо какую-нибудь фигуру лишь благодаря тому, что рука научает глаз схватывать ее в целом. Направляя глаз на различные части какого-нибудь тела, рука должна научить его обращать свое внимание сперва на одну часть, затем на две, потом постепенно на большее число их и обращать в то же время внимание на различие световых впечатлений. Если бы глаз не изучил в отдельности каждой части, то он никогда не увидел бы фигуры в целом, а если бы он не изучил разнообразных воздействий света на него, то он видел бы только плоские поверхности. Таким образом наша статуя приучается видеть такое множество вещей одновременно лишь потому, что, рассмотрев их раньше в отдельности, она вспоминает в одно мгновение все суждения, составленные ею одно за другим.

Наш опыт может убедить нас в том, насколько необходима помощь памяти, чтобы научиться схватывать какой-нибудь очень сложный предмет в его целом. При первом взгляде на картину мы видим ее очень несовершенным образом: но мы переводим взор с одной фигуры на другую и даже не рассматриваем одной фигуры в целом. Чем сосредоточнее мы смотрим на нее, тем более внимание ограничивается одной какой-нибудь ее частью. Мы замечаем например только рот.

Благодаря этому мы усваиваем привычку обозревать быстро все детали картины и мы видим ее в целом потому, что память преподносит нам одновременно все те суждения, которые мы составили себе последовательно.

Но этого еще очень недостаточно по отношению к нам. Если например я вхожу в помещение, где собралось большое общество, то первоначально я получаю неопределенную идею множества людей. Я узнаю, что я нахожусь среди десяти или двенадцати лиц лишь после того, как я их пересчитал, т. е. после того как я их оглядел одно за другим настолько медленно, что я могу заметить последовательный ряд своих суждений. Если бы их было только трое, то я бы тоже

их оглядел одно за другим, но это произошло бы с такой быстротой, что я даже не заметил бы этого.

Если наши глаза могут охватить множество предметов лишь при помощи памяти, то глаза нашей статуи потребуют ее помощи для того, чтобы схватить хотя бы самую простую фигуру в целом. Действительно, так как ее глаза еще недостаточно опытны, то фигура эта слишком сложна для них. Следовательно статуя приобретет идею треугольника, лишь проанализировав его.

Рука, направляя последовательно взор на различные части какой-нибудь фигуры, запечатлевает их все в памяти; рука водит, так сказать, кистью, когда глаза начинают выносить наружу свет и цвета, ощущавшиеся ими первоначально в самих себе. Они начинают их видеть там, где они должны находиться по указанию осязания; они видят наверху то, что осязание приказывает им видеть наверху, а внизу то, что оно приказывает им видеть внизу. Одним словом, они видят предметы в том самом положении, в котором их представляет осязание.

Этому несколько не мешает перевернутость изображения на сетчатке, ибо до тех пор, пока глаза не научены осязанием, для них не существует собственно ни верха, ни низа. Только осязание, одно лишь способное открыть такого рода отношения, может также научить их составлять себе об этом суждение.

Кроме того, так как они видят наружу лишь потому, что они относят цвета к предметам, до которых дотрогивается рука, то они должны необходимым образом начать составлять себе такие же самые суждения о положениях, какие составляет осязание.

Каждый глаз фиксирует предмет, схватываемый рукой, каждый глаз относит цвета на одно и то же расстояние, к одному и тому же месту; и подобно тому как перевернутость изображения не мешает им видеть предмет в его истинном положении, так и двойственность изображения не мешает им видеть предмет простым. Рука приуждает их составлять

§ 15. Они составляют суждения о положениях

§ 16. Они не видят вдвойне

суждения на основании того, что она ощущает в самой себе. Заставляя их относить наружу ощущения, испытываемые ими в себе, она заставляет каждый из них относить их к единственному предмету, до которого она дотрогивается, и даже к единственному месту, в котором она до него дотрогивается. Таким образом они не могут видеть вдвойне.

§ 17. Они составляют суждения о величинах

Таким же образом рука приучает их в то же самое мгновение составлять себе суждение о величинах. Научив их видеть цвета на том, до чего она дотрогивается, она приучает их расстилать (*étendre*) каждый такой цвет на всех частях, посылающих ей его; она рисует перед ними поверхность, границы которой она намечает.

Таким образом независимо от того, станет ли она удалять или приближать к глазам какой-нибудь предмет, он начинает казаться им одной и той же величины, хотя изображение его при этом увеличивается или уменьшается, подобно тому как он кажется им простым и находящимся в своем нормальном положении, хотя изображение его двойное и перевернутое.

§ 18. И о движении

Наконец она заставляет их видеть движение тела, ибо она приучает их следить за предметами, которые она перемещает из одной точки пространства в другую.

§ 19. Они не видят еще далее того места, до которого простирается рука

До сих пор статуя изучала при помощи зрения лишь предметы, до которых простирается ее рука, ибо с этого она должна необходимым образом начать. Она следовательно не научилась еще видеть далее этого, и она оказывается как бы заключенной в тесном пространстве. Правда, благодаря передвижениям своего тела она узнала, что пространство должно быть значительно больше, но она не представляет себе, каким образом это может стать явным для ее глаз. Напрасно она сказала бы себе, что за тем претяжением, которое она видит, существует еще другое: подобное суждение не может сделать его видимым ей. Она видит то, до чего простирается ее рука, потому, что, разглядывая и касаясь в одно и то же время несколько раз предметов, находящихся в этом

пространстве, она так прочно связала осязательные суждения с световыми ощущениями, что операции видения и суждения стали совершаться у нее одновременно и слились между собой. Точно так же она начнет видеть далее этого лишь тогда, когда новые опыты приучат ее сливать с этими самыми ощущениями суждения, составляемые ею о других расстояниях.

Следовательно, она замечает пространство, простирающееся вокруг нее приблизительно на два фута. Ее глаз, приученный осязанием, измеряет части его, определяет фигуру и величину заключенных в нем предметов, размещает их на различных расстояниях, составляет суждения об их положении, их движении, их покое.

Что касается более далеких предметов, то она все их видит на краю этой ограничивающей ее зрение ограды. Она замечает их как бы на какой-то светлой, вогнутой и неподвижной поверхности. Они кажутся ей обладающими фигурами, ибо ее опыт над^{*} предметами, до которых простирается ее рука, достаточен для этого. Если они движутся горизонтально, то она видит, как они переходят из одной части поверхности в другую; если они приближаются или удаляются от нее, то она видит только, как они очень заметным образом увеличиваются или уменьшаются. Но она не может составить себе суждения об их настоящей величине, ибо она научилась распознавать с помощью зрения предметы, заключенные в единственно видимом ей тесном пространстве, лишь потому, что осязание заставило ее связать различные идеи величины с различными впечатлениями, испытываемыми ее глазами. Но впечатления эти изменяются в соответствии с расстоянием, ибо изображения предметов уменьшаются или увеличиваются в том же самом отношении. Не имея никакого опыта, чтобы связать эти впечатления с величинами, находящимися в нескольких шагах от нее, она может составлять себе суждения о далеких предметах лишь на основании приобретенных ею привычек. Следовательно, впечатление, вызываемое небольшими изо-

§ 20. Какими ри-
суются им предметы,
расположен-
ные далее этого

бражениями, должно заставить предметы казаться ей небольшими, а впечатление, вызываемое большими изображениями, должно заставить их казаться ей большими, ибо таким образом она судит о предметах, которые осязание делает доступными глазам. Следовательно, связи, образованные ею, чтобы судить с помощью зрения о величинах, находящихся на одном или двух футах расстояния от нее, недостаточны, чтобы судить о величинах, находящихся далее этого. В этом случае они могли бы только ввести ее в заблуждение.

Эта, ограничивающая ее зрение, поверхность похожа в точности на небесный свод, к которому кажутся прикрепленными все светила и который как бы опирается со всех сторон на края земли, до которых простирается зрение. Она видит эту поверхность неподвижной, пока она остается сама неподвижной. Она видит, как она уходит от нее или следует за ней, когда она меняет место. Так нам кажется, что небо движется у горизонта.

§ 21. Они приучаются видеть далее того места, до которого простирается рука

Между тем она простирает руки, чтобы схватить то, что она видит. Удивляясь тому, что она ничего не осязает, она подвигается вперед. Наконец она натыкается на какое-то тело; тотчас же зрительные суждения приходят в согласие с осязательными. Мгновение спустя она отступает назад; сперва ей кажется, что предмет не стал от этого дальше от нее. Но, попытавшись дотронуться до него рукой и оказавшись не в состоянии достигнуть его, она снова направляется к нему. Приближаясь и удаляясь от него таким образом несколько раз, она мало-по-малу привыкает видеть его далее того места, до которого простирается ее рука.

Движение, произведенное ею, чтобы удалиться от него, дает ей приблизительно идею пространства, заключающегося между ним и ею. Она знает, какова была величина его, когда она касалась его, и если осязание научило ее видеть его на расстоянии двух футов имеющим определенную величину, то оно наставляет ее сохранять за ним эту величину и на большем расстоянии.

Тогда она начинает судить на глаз, удаляется ли он или приближается, или же движется в каком-нибудь другом направлении, ибо она видит движения его в происходящих изменениях, в впечатлениях, испытываемых ее глазами. Правда, изменения эти одинаковы независимо от того, идет ли она ему навстречу или он ей, независимо от того, движется ли она перед ним в известном направлении, или же он движется перед ней в противоположном направлении, но ее ощущение собственного движения или покоя не позволяет ей ошибаться в этом отношении.

Таким образом она привыкает связывать различные идеи расстояния, величины и движения с различными световыми впечатлениями. Конечно она не знает, что образующиеся в глубине глаза изображения уменьшаются в соответствии с увеличением расстояния. Она не знает даже, существуют ли подобные изображения. Но она испытывает различные ощущения, и так как соответствующие суждения, к которым она приобрела привычку, сливаются с этими ощущениями, то свет и цвета она ощущает уже не в своих глазах, она ощущает их на другом конце световых лучей, подобно тому как она ощущает твердое и жидкое состояние и т. д. на конце палки, которой она дотрогивается до тел.

Таким образом, чем более ее глаза приучаются регулировать ее суждения согласно урокам осознания, тем более пространство приобретает для них глубину. Она замечает свет и цвета, которые, распространяясь на предметы, показывают их величину, фигуру, движение в пространстве. Одним словом, она их видит там, где, как она заключает, они должны быть.

Однако, какое бы воспоминание о величине некоторого предмета ни сохранилось у нее, она не может помешать ему уменьшаться на ее глазах по мере удаления его. Объяснение этого явления заключается в следующем.

Предмет виден лишь постольку, поскольку угол, определяющий размеры его изображения на сет-

9 22. Почему удалющиеся предметы должны казаться им незаметно уменьшающимися

чатке, имеет известную величину. Предположим, что угол этот равняется минимум одной минуте; предположение это мы делаем только для того, чтобы иметь какой-нибудь исходный пункт для наших рассуждений, ибо само явление должно изменяться в зависимости от глаз наблюдателя.

Исходя из этого предположения, легко понять, что если какой-нибудь предмет, видимый отчетливо на известном расстоянии, начинает удаляться, то с каждым мгновением углы, показывавшие мельчайшие части его, будут становиться все меньше, а некоторые из них окажутся даже меньше угловой минуты. У некоторых стороны даже сблизятся настолько, что сольются в одну линию. Таким образом из нескольких углов образуется один, стороны которого тоже сольются между собой, если предмет будет продолжать удаляться. Следовательно, будут иметься части, которые перестанут изображаться на сетчатке. Они станут стягиваться между собой, взаимно проникать друг друга, они сольются с теми частями, которые дают еще изображения, и края предметов сблизятся между собой. Так например изображение головы человека получится, но на нем нельзя будет различать никаких черт.

Но осязание приучает глаз видеть предметы в их натуральную величину лишь потому, что оно приучает его различать части их и замечать их друг вне друга. А это оно может делать лишь тогда, когда они изображаются отчетливо на сетчатке, ибо глаза не могли бы заметить в своих ощущениях того, чего не было бы в них. Поэтому они должны считать какой-нибудь предмет меньших размеров, когда он находится на таком расстоянии, что многие из черт его изображения сливаются между собой. Следовательно, на каком бы расстоянии ни находился предмет, он продолжает казаться той же самой величины до тех пор, пока уменьшение углов не изменит заметным образом изображения на сетчатке. Так как это изменение происходит незаметным образом, то и удаляющийся предмет кажется уменьшающимся незаметно.

Глава нашей статуи разбираются не только в тех предметах, до которых она больше не дотрогивается, но они начинают разбираться и в тех, до которых она не дотронулась, если только они получают от них сходные или приблизительно сходные ощущения; действительно, после того как осязание связало различные суждения с различными световыми впечатлениями, при всяком повторении этих впечатлений повторяются и сливаются с ними также и суждения. Так она привыкает постепенно видеть без помощи осязания.

Однако опыта, научившего ее видеть расстояние, величину и фигуру какого-нибудь тела, не всегда будет достаточно, чтобы научить ее видеть расстояние, величину и фигуру всякого другого тела. Она должна произвести столько наблюдений, сколько имеется предметов, по-разному отражающих свет; она должна даже произвести многочисленные наблюдения над каждым предметом в соответствии с различными расстояниями; и все же, несмотря на все эти предосторожности, она будет часто ошибаться насчет величин, расстояний и фигур.

Следовательно, лишь после множества проб она станет более уверенной в своих зрительных суждениях, но она не сможет избавиться абсолютно от ошибок. Часто она будет обманута даже теми опытами, которым, как ей кажется, она должна бы более всего доверять. Так например в силу привычки связывать идею близости с ярким светом, а идею удаления с потемнением его светлые тела будут иногда казаться ей более близкими, чем это имеет место в действительности, а, наоборот, слабо освещенные тела будут казаться ей более далекими.

Может даже случиться, что ее глаза окажутся в противоречии с чувством осязания и дадут повод к отличным от составляемых им суждений. Например они примут за выпуклое тело нарисованный рельеф, который руке представится лишь плоской поверхностью. В изумлении от этого нового явления она несомненно не будет знать, какому из обоих своих чувств доверять. Тщетно осязание станет указы-

§ 23. Как они на-
учаются обхо-
диться без помо-
щи осязания

§ 24. Почему они
будут ошибаться

§ 25. Они ока-
жутся в противо-
речии с чувством
осязания

бать на ошибку зрения; глаза, привыкнув судить сами по себе, не станут слушать более своего учителя. Научившись от него видеть определенным способом, они не могут уже научиться видеть по-иному.

Действительно, они усвоили привычку, которой нельзя отнять у них, ибо суждения, заставляющие их видеть выпуклое тело в известном впечатлении света и тени, стали для них естественными. Неоднократно составленные, суждения эти повторяются быстро и сливаются с ощущением всякий раз, когда имеет место то же самое впечатление света и тени.

Если бы расположить вещи таким образом, что среди предметов, до которых нашей статуе придется дотронуться, будет столько же нарисованных на плоских поверхностях рельефов, сколько имеется действительно выпуклых тел, то статуя окажется в большом затруднении, пытаясь отличить глазом выпуклые тела от невыпуклых. Она будет так часто ошибаться в этом, что она уже не решится более доверять своим глазам, она будет доверять лишь осязанию.

Зеркало тоже приведет оба эти чувства во взаимное противоречие. Статуя не будет сомневаться, что позади зеркала имеется еще большое пространство. Она придет в сильное изумление, будучи остановлена твердым телом, и она будет еще более удивлена, начав распознавать отражающиеся в нем предметы. Она не понимает, каким образом они раздваиваются для зрения, и она не знает, не станут ли они раздваиваться также для осязания.

Зрение окажется не только в противоречии с осязанием, но и с самим собой. Рассматривая какую-нибудь башню на известном расстоянии, статуя считает ее круглой и очень маленькой. Она приближается, и она начинает видеть, как выступают ее углы, как она увеличивается на ее глазах. Ошибается ли она теперь или она ошибалась раньше? Решить это она сможет лишь тогда, когда сумеет дотронуться до башни. Таким образом осязание, единственный учитель глаз, одно только может помочь им различать случаи, когда можно рассчитывать на их свидетельство.

Но если статуя лишена этой помощи, то она прибегнет ко всем приобретенным ею знаниям. В одних случаях она станет судить о расстоянии по величине. Если какой-нибудь предмет кажется ей столь же большим на глаз, как на осязание, то она видит его вблизи; если он кажется ей меньшим, то она видит его вдали: действительно, она заметила, что величины изменяются в зависимости от расстояния.

В других случаях она определяет расстояние § 27. Они судят о расстоянии по величине по четкости фигур, рисующихся ее глазам. Наблюдая часто, что она видит более смутным образом далекие предметы и более отчетливо близкие предметы, она начинает связывать идею удаления со смутным видом какой-нибудь фигуры, а идею близости — с отчетливым видом ее. Благодаря этому она приобретает привычку видеть какой-нибудь предмет очень далеким, если она его видит неотчетливо, и видеть его близким, если она лучше различает части его.

Начав тогда судить о величине по расстоянию, подобно тому как в других случаях она судит о расстоянии по величине, она увидит большим то, что ей кажется находящимся дальше. Так например два дерева, дающие на сетчатке изображения одинаковых размеров, не покажутся ей ни равновеликими, ни находящимися на одном расстоянии, если изображение одного из них более смутно, чем изображение другого: она увидит большим и более далеким то дерево, у которого она различит меньше деталей. Муха покажется ей птицей на далеком расстоянии, если, пронесясь быстро перед ее глазами, она оставляет после себя лишь смутный образ, похожий на изображение далекой птицы.

Принципы эти известны всему свету, и живопись подтверждает их. Лошадь, занимающая на полотне такое же пространство, что баран, покажется больших размеров и находящейся в глубине картины, если она нарисована более смутным образом.

Так, идеи расстояния, величины и фигуры, приобретенные сперва при помощи осязания, оказывают затем друг другу помощь, делая суждения зрения более надежными.

§ 28. По четкости изображения

§ 29. Они судят о величинах по расстоянию

Наша статуя, заметив, как пространство приобретает в ее глазах глубину, приобретает еще одно средство узнавать точнее расстояния, а, следовательно, и величины — именно переводить взор на предметы, находящиеся между нею и тем предметом, на который она смотрит. Она видит его дальше и большим, если она отделена от него полями, лесами, ручьями. Действительно, так как размеры полей, лесов и ручьев ей известны, то они являются мерилом, показывающим, насколько она удалена от этого предмета. Но если какое-нибудь возвышение скрывает от нее промежуточные предметы, то она сможет судить о его расстоянии лишь в том случае, если какое-нибудь обстоятельство напомнит ей его величину. Так например неподвижная лошадь может показаться ей довольно маленькой и близкой. Но вот она начинает двигаться; по ее движениям она узнает ее и тотчас же определяет ее нормальную величину и начинает видеть ее в отдалении.

Она считает ее сначала довольно маленькой и близкой, потому что никакой промежуточный предмет не показывает ей ее расстояния и никакое обстоятельство не сообщает ей, что это такое. Но лишь только она узнала ее по движению, как она начинает видеть ее приблизительно той величины, которая, как она знает, свойственна этому животному, и она видит ее вдали от себя, ибо она думает, что удаление есть единственная причина, способная сделать ее столь неясной для ее глаз.

Таким образом при помощи всех этих средств она станет различать довольно недурно на-глаз расстояния, но она потерпит неудачу, лишь только она лишится их; ее зрение изменяет ей там, где она перестает видеть промежуточные предметы и где она замечает лишь тела, величину которых не сообщило ей осязание. Небо кажется ей образующим свод, который не выше гор и не простирается дальше края земли, охватываемого ее глазом. Покажите ей другие предметы, которые выше этих гор и находятся за этим краем; небесный свод окажется и выше и обширнее. Но дело обстояло бы наоборот, если

бы мы предположили, что горы ниже и края земли более близки. Статуе показалось бы, что верхушка дерева касается неба.

Словом, явление это, как мы уже сказали, тождественно с тем, которое ограничивало ее зрение двумя футами расстояния от нее; и подобно тому как, не имея никакого средства, чтобы судить об удалении, она видит все светила на одном и том же расстоянии, так при сделанном нами выше предположении все предметы должны были казаться ей находящимися на расстоянии, до которого простирается ее рука.

Между тем, привыкнув к величинам, она начинает сравнивать их, и сравнение это оказывает влияние на составляемые себе ею о них суждения. Вначале она не считает ни одного предмета ни абсолютно большим, ни абсолютно маленьким. Она судит о нем по сравнению с величинами, которые, будучи привычны ей, являются для нее мерилом всех других величин. Так например она считает большим все то, что выше ее роста, и маленьким все то, что ниже его. Сравнения эти происходят затем с такой быстротой, что она их больше не замечает, и тогда величина и малость становятся для нее абсолютными. Двадцатифутовую пирамиду, которую она нашла бы абсолютно большой рядом с десятифутовой, она будет считать абсолютно маленькой рядом с сорокагодовой, и она не догадается даже, что это та же самая пирамида.

Впрочем для этих опытов нет необходимости, чтобы предметы их принадлежали к одному и тому же виду. Достаточно, чтобы глаз имел случай сравнивать между собой различные величины. Вот почему на обширной гладкой равнине одни и те же предметы покажутся ей меньшими, чем в случае пересеченной местности.

Этот способ сравнения величин является также одной из причин, способствующих уменьшению предметов для глаз, если они расположены дальше и особенно если они выше. Действительно, глаз не может следить за предметом, удаляющимся от него или

§ 32. Результаты
сравнения величин

поднимающимся в воздух, не сравнивая его с большим пространством в соответствии с тем, что он видит его на большем расстоянии.

§ 33. Полное использование зрения предает тонкости других чувств

Таковы средства, с помощью которых статуя научится судить о пространстве, расстояниях, положениях, фигурах, величинах и движении. Чем более она пользуется своими глазами, тем легче становится для нее пользование ими. Они обогащают память прекраснейшими идеями, возмещают несовершенство других чувств, составляют суждения о недоступных им предметах и устремляются в пространство, размеры которого может расширить одно лишь воображение. Поэтому их идеи связываются столь прочно со всеми другими идеями, что нашей статуе становится почти невозможно больше думать об испускающих запах, издающих звуки или доступных осязанию предметах, не облекая их тотчас же в свет и цвета. Благодаря усвоенной ими привычке схватывать целую картину, даже несколько их и судить об их отношениях, они приобретают такую тонкую способность различения, что статуя затем обращается к ним охотнее всего. Таким образом она менее старается узнавать по звуку положения и расстояния, различать тела по оттенкам испускаемых ими запахов или по различиям их поверхностей, замечаемым рукой. В силу этого она менее упражняет свои чувства слуха, обоняния и осязания. Став мало-по-малу более ленивыми, эти чувства перестают замечать в телах все те различия, которые они находили в них прежде, и они утрачивают свою тонкость параллельно тому, как ее все больше приобретает зрение.

Г л а в а IV

ПОЧЕМУ МЫ СКЛОНЫ ПРИПИСЫВАТЬ ЗРЕНИЮ ИДЕИ, КОТОРЫМИ МЫ ОБЯЗАНЫ ТОЛЬКО ОСЯЗАНИЮ; ПРИ ПОМОЩИ КАКОГО РЯДА РАССУЖДЕНИЙ УДАЛОСЬ УНИЧТОЖИТЬ ЭТОТ ПРЕДРАССУДОК

§ 1. Почему так трудно принять, что глаз нуждается в выучке

Для нас стало столь естественным судить на-глаз о величинах, фигурах, расстояниях и положениях, что может быть будет нелегко признать, что это

простая привычка, имеющая своим источником опыт. Все эти идеи кажутся столь интимно связанными с цветовыми ощущениями, что мы не представляем себе, чтобы они когда-нибудь были отделены от них. Вот, думаю я, единственная причина, удерживающая нас во власти этого предрассудка; чтобы окончательно уничтожить его, достаточно сделать некоторые предположения, сходные с теми, которые мы уже сделали раньше.

Наша статуя непременно думала бы, что запахи и звуки получаются ею при помощи глаз, если бы, сообщив ей одновременно зрение, слух и запах, мы предположили, что все эти чувства функционируют всегда вместе, так что при всяком цвете, который она видела бы, она обоняла бы известный запах и слышала бы известный звук и что она переставала бы обонять и слышать, если бы она ничего не видела.

Таким образом она различает так хорошо то, что относится к слуху и запаху, лишь потому, что запахи и звуки передаются, не смешиваясь с цветами. Но так как чувства зрения и осязания действуют одновременно, причем первое дает нам идеи света и цвета, а второе — идеи величины, фигуры, расстояния и положения, то мы лишь с трудом различаем то, что принадлежит каждому из этих чувств в отдельности, и мы приписываем только одному из них то, что мы должны были бы разделить между ними обоими.

Таким образом зрение обогащается на счет осязания, ибо оно действует или вместе с ним или по получении уроков от него, благодаря чему его ощущения смешиваются с идеями, которыми оно ему обязано. Наборот, осязание часто действует одно и не позволяет нам вообразить себе, что световые и цветовые ощущения принадлежат ему.

Но если бы статуя видела всегда лишь те тела, до которых она дотрогивается, и дотрогивалась лишь до тех тел, которые она видит, то она не была бы в состоянии отличить зрительных ощущений от осязательных, она даже не догадывалась бы, что обладает глазами. Ей бы казалось, что ее руки одновременно видят и осягают.

§ 2. Предположения, окончательно уничтожающие этот предрассудок

Таким образом лишь коренящиеся в привычке суждения заставляют нас приписывать времени идеи, которыми мы обязаны только осязанию.

Мне кажется, что когда сделано какое-нибудь открытие, то интересно познакомиться с первыми догадками философов и особенно с соображениями тех мыслителей, которые были на пороге того, чтобы открыть истину.

§ 3. Предположение и соображения, повлекшие за собой это открытие

О Мальбранше

Мальбранш, думаю я, первый указал, что к нашим ощущениям примешиваются суждения. Он замечает, что немало читателей будет удивлено этим взглядом; но особенно должны их удивить объяснения, даваемые этим философом названным явлениям, ибо он избегает некоторого предрассудка только для того, чтобы с своей стороны впасть в другое заблуждение. Не будучи в состоянии понять, каким образом мы сами образуем эти суждения, он приписывает их богу, что представляет очень легкий способ рассуждения и является постоянным убежищем философов.

«Я должен, думаю я, предупредить,—говорит он,— что не наша душа образует суждения о расстоянии, величине и т. д. предметов,... а бог вследствие законов связи души с телом. Поэтому я назвал суждения этого рода естественными, желая этим указать, что они совершаются в нас без нас и вопреки нам... Один только бог может сообщить нам в одно мгновение величину, фигуру, движение и цвета окружающих нас предметов».

Он объясняет затем подробно в «Дополнении к оптике», каким образом, по его мнению, бог образует для нас эти суждения.

Локк неспособен был сочинять подобные теории. Он признает, что мы видим выпуклые фигуры лишь в результате суждения, которое мы образовали сами и к которому мы привыкли, но приводимое им объяснение этого неудовлетворительно.

«Так как,—говорит он,— мы привыкли благодаря опыту различать, какого рода изображения порождают в нас обыкновенно выпуклые тела и какие происходят изменения в отражении света в зави-

«Разыскание истины», кн. I, гл. 9

№ № 26 и 43

О Локке

«Опыт», кн. 2,
гл. 9, § 8

смости от фигуры тел, то мы ставим тотчас же на место того, что нам кажется, саму причину видимого нами изображения, поступая так под влиянием ставшего для нас привычным суждения; и таким образом, соединяя со зрением суждение, которое мы смешиваем с ним, мы составляем себе идею выпуклой фигуры...»

Неужели можно предположить, что люди знают изображения, порождаемые в них выпуклыми телами, и изменения, происходящие в отражении света в зависимости от фигуры тел?

Молинэ, выдвинувший одну проблему, которая стала поводом разработать все вопросы, касающиеся зрения, уловил, как кажется, только часть истины.

«Предположите, — говорит он согласно Локку, — слепорожденного, ставшего взрослым, которого научили отличать с помощью осязания шар от куба из того же металла и приблизительно той же величины... Спрашивается, сумеет ли он, увидя их, отличить их друг от друга?»

Условия насчет того, что тела должны быть из одного и того же металла и одной и той же величины, излишни, а последнее повидимому предполагает, что зрение способно без помощи осязания порождать различные идеи величины. Если это так, то непонятно, почему Локк и Молинэ отрицают, что зрение способно одно различать фигуры.

Кроме того они должны были бы применить к расстояниям, положениям и величинам те же рассуждения, что и к фигурам и притти к тому выводу, что в тот момент, когда глаза слепорожденного откроются для света, он не сможет судить ни об одной из этих вещей, ибо все они находятся в малом виде и восприятии различных частей шара и куба. Предположение, что глаз, который мог бы различить положения, величины и расстояния, неспособен был бы различить фигуры, внутренне противоречиво.

Доктор Барклай первый высказал мысль, что само по себе зрение неспособно судить ни об одной из этих вещей.

О Молинэ

Там же

О Барклай

Другое следствие, которое не должно было бы ускользнуть от внимания Локка, заключается в том, что глаза, лишенные опыта, видели бы свет и цвета лишь в себе самих и что только осязание может научить их видеть во-вне.

Кн. 2, гл. 9, § 9

Наконец Локк должен был бы заметить, что ко всем нашим ощущениям, независимо от того, посредством какого органа они передаются душе, примешиваются суждения. Но он говорит как раз противоположное.

Все это доказывает, что требуется немало времени, ошибок и полуистин, прежде чем притти к истине. Часто мы находимся рядом с нею и не умеем схватить ее.

Г л а в а V

ОБ ОДНОМ СЛЕПОРОЖДЕННОМ, У КОТОРОГО СНЯЛИ КАТАРАКТ

§ 1. Этот слепорожденный не жела-
лал подвергнуться
операции

Знаменитый лондонский хирург Чезельден имел случай наблюдать несколько раз слепорожденных, у которых он снял катаракт. Так как он заметил, что все сообщали ему приблизительно одно и то же, то он ограничился описанием того пациента, от которого он получил больше всего подробностей.

«Transactions
Philos.», № 402,
1728 г.

Это был юноша 13—14 лет. Он неохотно согласился на операцию; он не представлял себе, чего ему не хватает. Неужели, говорил он, я после этого буду лучше знать свой сад или буду более свободно прогуливаться в нем? Кроме того разве я не имею того преимущества перед другими людьми, что я могу ночью ходить с большей уверенностью? Таким образом преимущества, которые он находил в своем состоянии, заставляли его думать, что он совсем не обделен по сравнению с нами. Действительно, он не мог сожалеть о благе, которого он совершенно не знал.

Когда ему предложили снять катаракт, чтобы он мог разнообразить свои прогулки, то он отказался от этого, предпочитая оставаться в тех местах, которые он знал в совершенстве, ибо он не представлял себе, что он сможет гулять благодаря глазам

столь же легко в тех местах, где он еще не был. Словом, он не согласился бы на операцию, если бы он не захотел читать и писать. Только это соображение побудило его принять сделанное ему предложение. Сначала ему сняли катаракт на одном глазу.

Следует заметить, что он не был настолько слеп, чтобы не отличать дня от ночи. Он различал даже при сильном освещении белый, красный и черный цвета. Но ощущения эти были так отличны от тех, которые он испытал впоследствии, что он не мог их узнать.

Когда он начал видеть, то предметы казались ему касающимися наружной поверхности его глаза. Нетрудно понять причину этого.

До того, как у него удалили катаракт, он неоднократно замечал, что он переставал видеть свет, лишь только он подносил руку к глазам. Поэтому он усвоил привычку считать его находящимся во-вне. Но так как это было какое-то слабое и неясное свечение, то он не различал настолько отчетливо цветов, чтобы обнаружить тела, служившие их источником. Таким образом он не считал их находящимися на известном расстоянии и не мог обнаружить здесь глубины, благодаря чему они должны были казаться ему непосредственно касающимися его глаз. Но операция не могла иметь иного действия, как сделать свет более ярким и отчетливым. Поэтому пациент Чезельдена должен был продолжать видеть свет там, куда он его относил до тех пор, т. е. напротив своего глаза.

Следовательно, он воспринимал лишь поверхность, равную по величине его глазу.

Но его опыт подтверждает правильность сделанных нами указаний, ибо все, что он видел, казалось ему огромной величины. Так как его глаз не сравнивал еще между собою различных величин, то он не мог иметь по этому вопросу относительных идей. Таким образом он не умел еще различать границ предметов, и поверхность, касавшаяся его, должна была ему казаться, как и нашей статуе, необъятной. Поэтому,

§ 2. Состояние его зрения до операции

§ 3. После операции предметы казались ему находящимися на конце глаза

§ 4. И очень большими
Часть 2, гл. 3.
§ 5.

как нас уверяют, он некоторое время не знал, что существует еще нечто за тем, что он видит.

§ 5. Он не различал их ни по форме, ни по величине

Он воспринимал все предметы в хаотическом беспорядке и не отличал их друг от друга, как бы различные ни были их форма и величина. Объясняется это тем, что он не научился еще схватывать зрением нескольких предметов. Да и как мог он научиться этому? Глаза его, никогда ничего не анализировавшие, не умели глядеть, а следовательно замечать различные предметы и составлять себе о каждом из них отчетливые идеи.

Но, по мере того как он приучался придавать глубину свету и создавать, так сказать, пространство перед своими глазами, он стал помещать предметы на различных расстояниях, отводя каждому из них то место, которое он должен занимать, и начал судить на глаз об их форме и относительной величине.

§ 6. Он не представлял себе, каким образом один предмет может быть на глаза меньше другого

Пока он не освоился еще с этими идеями, он сравнивал их лишь с трудом, и он совершенно не представлял себе, каким образом глаза могут быть судьями отношения величины. Вот почему, когда он еще не вышел из своей комнаты, он говорил, что хотя он знает, что она меньше дома, но он не понимает, каким образом она может казаться ему такой для глаза. Действительно, его глаз до тех пор не производил еще такого рода сравнений. Поэтому же предмет величиной в дюйм, помещенный перед его глазом, казался ему столь же большим, как дом.

§ 7. Он научился видеть лишь благодаря упражнению

Столь новые ощущения, сопровождавшиеся каждую минуту открытиями, не могли не пробудить у него любопытства и желания изучить все глазом. Поэтому, когда ему показывали предметы, которые он узнавал с помощью осязания, он старательно разглядывал их, чтобы узнать их в другой раз с помощью зрения. Он делал это тем тщательнее, что сначала он их не узнавал ни по их форме, ни по их величине. Но ему приходилось запоминать столько вещей, что, по мере того как он научился видеть некоторые предметы, он забывал, как надо видеть другие.

И учу, говорил он, тысячи вещей в один день и я забываю такое же количество их.

При таком положении вещей предметы, лучше отражающие свет и лучше схватываемые в целом, должны были ему нравиться больше других предметов. Таковы гладкие и правильные тела. Поэтому, как нас уверяют, они казались ему особенно приятными, но он не мог объяснить причины этого. Они нравились ему больше даже в то время, когда он не умел еще правильно сказать, какова их форма¹.

Так как рельеф предметов не так заметен в живописи как в действительности, то этот юноша некоторое время смотрел на картины как на различно окрашенные плоскости. Лишь через два месяца они стали казаться ему представляющими тела с объемом, и это открытие он сделал повидимому внезапно. Удивленный этим явлением, он смотрел на картины, опускал их и спрашивал, какое из чувств обманывает его — зрение или осязание?

Но настоящим чудом для него был небольшой портрет его отца. Это казалось ему столь же необычайным, как возможность, по его выражению, поместить бочку в бутылку. Причиной его удивления была усвоенная его глазом привычка связывать форму какого-либо предмета с его величиной. Он

§ 8. Предметы, которые он видел с особенным удовольствием

§ 9. Его удивление при виде нарисованного рельефа

§ 10. При виде небольшого портрета

¹ Я должен предупредить читателя, что мое изложение отличается собственно от того, что сообщает Чезельден. Действительно, одновременно с утверждением, что этот юноша не мог различать предметов, как бы различны ни были их формы и величина, он говорит, что он находил гораздо более приятными правильные тела. Мне это кажется совершенно противоречивым, и я нахожу, что Чезельден не высказался по этому вопросу достаточно ясно. Вполне естественно, что этот юноша не различал ни формы, ни величины в первый момент, когда он увидел свет; но он не мог бы находить большего удовольствия в том, чтобы видеть правильные предметы, если бы зрение его оставалось столь же смутным. Следовательно, он мог начать считать их более приятными лишь тогда, когда он начал различать формы и величины. Ему несомненно было трудно объяснить наблюдавшим его лицам различия, которые он замечал тогда, и может быть это заставило думать, будто они ускользнули от него до этого момента.

не привык еще понимать, что обе эти вещи могут быть раздельными.

§ 11. Об одном его предубеждении

У нас имеется склонность к предубеждениям, и мы охотно думаем, будто в предмете, понравившемся нам с одной стороны, все хорошо. Точно так же этот юноша казался удивленным, что лица, которых он больше всего любил, не самые красивые и что блюда, которые ему особенно нравились, не самые приятные на вид.

§ 12. Он обладал несколькими способами видеть

Чем больше он упражнял свое зрение, тем больше он радовался, что согласился на операцию, и он говорил, что каждый новый предмет был для него новым наслаждением. Он был кажется особенно восхищен, когда его повезли в Эпсом, где открывается очень красивый и обширный вид; он называл это зрелице «способом видеть». Он не ошибался, ибо действительно имеется столько же способов видеть, сколько различных суждений входит в зрение, а сколько их должны входить в него при виде очень обширной и представляющей разнообразие равнины! Он чувствовал это лучше нас, ибо он составлял эти суждения с некоторым трудом.

§ 13. Черный цвет был ему неприятен

Нам сообщают, что черный цвет был ему неприятен и что он даже почувствовал ужас, когда увидел в первый раз негра. Объясняется это может быть тем, что этот цвет напоминал ему его первоначальное состояние.

§ 14. Как он стал видеть, когда операция была произведена на обоих глазах

Наконец через год с лишним ему сделали столь же удачную операцию на втором глазу. Он видел этим глазом все большим, но меньше, чем это было в случае первого глаза. Я могу кажется объяснить причину этого. Дело в том, что наш юноша, убежденный, будто он должен видеть недавно оперированным глазом точно так, как первым глазом, примешивал к ощущениям, сообщаемым ему вторым глазом, суждения, к которым он привык при зрении первоначально оперированным глазом; но так как он не мог сразу внести в это ту же самую точность, то он видел этим глазом предметы еще слишком величими. Возможно также, что в силу тех же причин он видел этим глазом менее смутно, чем это было

с первым глазом, но об этом нам ничего не сообщают.

Когда он начал рассматривать какой-то предмет обоями глазами, то однажды, как ему показалось, он его увидел более великим. Действительно, более естественно было, чтобы глаз, видевший предметы малыми, увеличивал замечаемые им величины, чем чтобы глаз, видевший предметы большими, уменьшал их.

Но глаза его не видели вдвойне, ибо осязание, приучив только что оперированный глаз различать предметы, показало их ему там, где оно их показывало первому глазу.

Между прочим Чезельден замечает, что большим затруднением для слепорожденных, у которых он удалял катаракт, было направлять глаза на предметы, на которые они хотели смотреть. Это и должно было быть так: не имея до тех пор потребности двигать глазами, они не могли выработать нужной для этого привычки, что подтверждает сказанное мною выше.

При наблюдениях, производимых впервые над явлениями, в которые входят тысячи трудно уловимых подробностей, неизбежно остается много неудовлетворяющего нас; но они служат во всяком случае опорными точками, чтобы производить более удачные наблюдения в другой раз. Свои соображения по этому вопросу я выскажу в следующей главе.

Глава VI

КАК СЛЕДОВАЛО БЫ НАБЛЮДАТЬ СЛЕПОРОЖДЕННОГО, У КОТОРОГО СНИМАЮТ КАТАРАКТ

До операции следовало бы принять одну предосторожность, а именно заставить слепорожденного подумать над идеями, полученными им благодаря осязанию. Будучи в состоянии разобраться в них, он мог бы сказать, передаются ли они ему зрением, и сообщить сам то, что он видит, так что не нужно было бы почти задавать ему вопросов.

После удаления катаракта необходимо было бы запретить ему пользоваться своими руками, пока не

*§ 16. Трудность
для него направлять свои глаза*

*§ 1. Необходимая
предосторожность*

*§ 2. Какие следует
производить наблюдения*

удалось бы выяснить идей, для которых не нужна помощь осязания. Надо было бы наблюдать, кажется ли воспринимаемый им свет очень обширным; может ли он определить границы его; так ли он смутен, что в нем нельзя различить нескольких модификаций.

Показав ему сперва два цвета порознь, надо было бы затем показать их ему вместе и спросить, не узнает ли он чего-нибудь в том, что он видит. Надо было бы то быстро проводить один за другим довольно большое число цветов перед его глазами, то показывать их ему одновременно и выяснить, сколько он может различить их сразу. Надо было бы в частности исследовать, различает ли он величины, фигуры, положения, расстояния и движение. Но спрашивать его следовало бы умело, избегая всяких вопросов, содержащих в себе ответ. Спрашивать его, видит ли он треугольник или квадрат, было бы все равно, что сказать ему, как он должен видеть, и давать уроки его глазам.

Очень надежное средство произвести опыты, способные рассеять всякие сомнения, заключалось бы в том, чтобы заключить слепого, у которого только что сняли катаракт, в стеклянную камеру. Действительно, либо он увидит предметы, находящиеся за ней, и сумеет судить об их форме и величине, либо он увидит только пространство, ограниченное стенками его камеры, и примет все эти предметы просто за различно окрашенные поверхности, которые, как ему покажется, вытягиваются, по мере того как он станет простирать к ним руки.

В первом случае это будет доказательством того, что глаз составляет суждения без всякой помощи со стороны осязания, а во втором,—что он составляет их, лишь пословетовавшись с осязанием.

Если, как я думаю, этот человек не может видеть дальше своей камеры, то отсюда следует, что открываемое им с помощью глаза пространство будет тем меньше, чем меньше будет его камера: оно будет в один фут, в полфута или даже меньше. Таким путем можно будет убедиться, что он не мог бы

видеть цветов вне своих глаз, если бы осязание не научило его видеть их на стенках его камеры.

Г л а в а VII

ОБ ИДЕЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ, СООБЩАЕМОЙ ЗРЕНИЕМ ВМЕСТЕ С ОСЯЗАНИЕМ

Когда наша статуя начинает наслаждаться светом, то она не знает еще, что источником его является солнце. Чтобы притти к этому выводу, она должна заметить, что день прекращается почти тотчас же, как исчезает это светило. Нет сомнения, что это явление приводит нашу статую в первый раз в сильное удивление. Ей должно казаться, что солнце пропало навсегда. Окруженная густым мраком, она боится, что все освещавшиеся им предметы пропали вместе с ним. Она едва осмеливается переместить место, ей кажется, что земля исчезает под ее ногами. Но в тот момент, когда она желает убедиться в этом с помощью осязания, небо вдруг освещается, луна начинает изливать свой свет, масса звезд загорается на небосклоне. Пораженная этим зрелищем, она не знает, должна ли она верить своим глазам.

Вскоре молчание всей природы призывает ее к отдыху; восхитительное спокойствие охватывает все ее чувства; ее веки тяжелеют, ее идеи улетучиваются, исчезают; она засыпает.

С каким изумлением она находит при пробуждении то светило, которое, как ей казалось, погасло навсегда! Она начинает сомневаться, что оно исчезло, и она не знает, что думать о последовавшем затем зрелище.

Однако эти перемены происходят слишком часто, чтобы не рассеять наконец ее сомнений. Она начинает думать, что солнце появится и исчезнет еще раз, ибо она заметила, что оно появлялось и исчезало несколько раз; и она высказывает это суждение с тем большей уверенностью, что оно всегда подтверждалось фактами. Таким образом смена дней и ночей становится для нее вполне естественной вещью. При

§ 1. Удивление статуи в первый раз, когда она замечает переход от дня к ночи и от ночи к дню

§ 2. Вскоре эти перемены начинают казаться ей естественными

ее неведении ее идеи о возможном основываются только на коренящихся в привычке суждениях. Мы уже отметили это, и это должно заставить ее впасть во множество ошибок. Так например какая-нибудь вещь, невозможная сегодня, ибо нет налицо совокупности причин, которые одни способны вызвать ее, покажется ей возможной, ибо она произошла вчера.

§ 3. Движение солнца становится мерой ее длительности

Круговороты солнца начинают все более и более привлекать к себе ее внимание. Она наблюдает за ним, когда оно восходит, заходит, она следит за ним в его движении, и она умозаключает на основании смены своих идей, что существует некоторый промежуток между восходом и заходом этого светила, а также другой промежуток между его заходом и восходом.

Таким образом движение солнца становится для нее мерой времени, отмечая длительность всех состояний, через которые она проходит. Сколько бы ни длились прежде одна и та же идея, одно и то же неизменное ощущение, они составляли для нее лишь одно неделимое мгновение, и как бы неодинаковы ни были мгновения ее длительности, для нее они все были равными: они составляли ряд, в котором она не могла заметить ни медленности, ни быстроты. Но теперь, судя о своей собственной длительности по пройденному солнцем пространству, она начинает находить ее более медленной или более быстрой. Так, начав с того, чтобы судить о солнечных круговоротах по своей длительности, она теперь судит о своей длительности по солнечным круговоротам. И суждения эти становятся столь естественными для нее, что она даже не догадывается, что знает длительность на основании последовательности своих идей.

§ 4. Благодаря этому она приобретает более отчетливую идею длительности

Чем более она станет относить к различным круговоротам солнца события, о которых у нее остается некоторое воспоминание, а также те, которые она привыкла предвидеть, тем лучше она сумеет охватить весь ряд их; поэтому она станет лучше видеть как в прошедшем, так и в будущем.

Допустим действительно, что нас лишили всех мер времени, что у нас исчезли идеи года, месяца, или, часа, что мы забыли даже названия их; обладая в этом случае только последовательностью своих идей, мы будем представлять себе длительность очень смутно. Таким образом, наиболее отчетливыми идеями о длительности мы обязаны этим мерам.

Так например при изучении истории последовательный ряд фактов дает нам смутную картину времени; деление длительности на века, годы, месяцы дает уже более отчетливую идею его; наконец связь каждого события с его веком, его годом, его месяцем дает нам возможность пробежать их в их порядке. Основной искусственный прием здесь заключается в том, чтобы образовать эпохи; легко понять, что наша статуя может иметь такие эпохи.

Между прочим нет никакой необходимости в том, чтобы круговороты, служащие мерой, обладали одинаковой длительностью; достаточно, чтобы статуя предполагала их такими. Мы сами судим таким же образом.

Таким образом для наших суждений о длительности нужны три вещи: во-первых, последовательная смена наших идей, во-вторых, знание солнечных круговоротов и наконец связь событий с этими круговоротами.

Здесь источник разделеней большинством людей иллюзии длинных дней и коротких годов, а меньшинством—иллюзии коротких дней и длинных годов.

Если наша статуя находится некоторое время в состоянии, однообразие которого наскучивает ей, то благодаря этому она лучше заметит то время, которое солнце находится над горизонтом, и каждый день покажется ей невыносимо длинным. Если она проведет таким образом целый год, то она заметит, что все ее дни были похожи друг на друга, и так как ее память не сможет отметить их последовательного ряда при помощи множества событий, то они будут казаться ей протекшими с поразительной быстротой.

§ 5. Три вещи, нужные для идеи длительности

§ 6. Чем объясняется иллюзия длинных дней и коротких годов, а также коротких дней и длинных годов

Если же, наоборот, она проводила бы дни приятно и они могли бы быть каждый эпохой какого-нибудь события, то она едва бы заметила то время, которое солнце находится над горизонтом, и она нашла бы эти дни удивительно короткими. Но зато год показался бы ей длинным, ибо она стала бы рисовать его себе как последовательную смену множества дней, отличающихся друг от друга рядом событий.

Вот почему в случае безделия мы жалуемся на медлительность дней и на быстроту годов. Наоборот, деятельность заставляет дни казаться короткими, а годы длинными: дни короткими, ибо мы не обращаем внимание на время, мерой которого являются солнечные круговороты; годы длинными, ибо мы вспоминаем их при помощи ряда вещей, предлагающих значительную длительность.

Г л а в а VIII

КАК ПРИБАВЛЕНИЕ ЗРЕНИЯ К ОСЯЗАНИЮ ДАЕТ НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СНА И НАУЧАЕТ РАЗЛИЧАТЬ СОСТОЯНИЕ СНА ОТ СОСТОЯНИЯ БОДРСТВОВАНИЯ

*§ 1. Как зрение
дает знать о про-
должительности
сна*

Если наша статуя, заснув при восходе солнца, проснется при заходе его, то она решит, что ее сон длился некоторое время; а если она не вспомнит никакого сновидения, то она решит, что просуществовала это время, не думая ни о чем. Но это может оказаться ошибкой, ибо ее сон может быть не был настолько глубоким, чтобы окончательно приостановить деятельность душевных способностей.

*§ 2. И как
зрение
дает знать о про-
должительности
сновидений*

Если, наоборот, она вспоминает, что видела сны, то она обладает дополнительным средством определить продолжительность своего сна. Но каким образом она может убедиться в иллюзорности сновидений? По их разительному противоречию с знаниями, которыми она обладала до того, как заснула, и в правильности которых она укрепляется при пробуждении.

Предположим например, что во время сна ей казалось, будто она видела совершенно необыкновенные

и что за минуту до пробуждения ей показалось, будто она находится в таких местах, в которых она еще не была. Пробудившись, она несомненно с удивлением видит, что находится не там, узнавая, наоборот, то место, где она уснула; она с удивлением раскрывает глаза, как если бы они в течение долгого времени не видели света, и наконец начинает пользоваться своими членами, как если бы она покинула полный (*parfait*) отдых. Она не знает еще, обманывалась ли она раньше или обманывается теперь. У нее как будто бы одинаковые основания думать, что она переменила место и не переменила его. Но так как она имеет часто сновидения, то пол конец она замечает в них беспорядок, при котором ее идеи оказываются всегда в противоречии с следующим за ними состоянием бодрствования, а также с предшествующим состоянием. Она приходит к выводу, что сновидения это просто иллюзии, ибо, привыкнув отбросить свои ощущения вне себя, она признает их реальность лишь тогда, когда она находит предметы, в которых она может их отнести.

Глава IX

О СИСТЕМЕ (CHAINE) ЗНАНИЙ, ОБ АБСТРАКЦИЯХ И ЖЕЛАНИЯХ, КОГДА ЗРЕНИЕ ПРИБАВЛЯЕТСЯ К ОСЯЗАНИЮ, СЛУХУ И ОБОНИЯЮ

Мы доказали, что световые и цветовые ощущения связываются с идеями пространства, величины и фигуры при помощи суждений. Первоначально эти суждения составляются по поводу тел, действующих в одно и то же время на зрение и осязание; впоследствии они становятся столь привычными, что статуя повторяет их даже тогда, когда объект воздействует только на ее глаза, и она образует себе те же самые идеи, как если бы зрение и осязание продолжали составлять суждения вместе.

Благодаря этому свет и цвета становятся качествами предметов, и они связываются с понятием протяжения, основой всех идей, из которых образуется память.

§ 1. Главная идея, с которой связываются зрительные ощущения

Система знаний становится от этого обширнее комбинации их — разнообразнее, а выпавшие идеи порождают во сне тысячи различных ассоциаций, хотя в ночных сновидениях статуя увидит предметы освещенными тем же самым светом и окрашенными в те же самые цвета, что и при дневном свете.

§ 2. После соединения зрения с осязанием идея ощущения становится более общей

Она приобретет более общее понятие о том, что мы называем *ощущением*, ибо, зная, что свет и цвета она получает при помощи особого органа, она станет их рассматривать с этой точки зрения и начнет различать четыре вида ощущений.

§ 3. Каждый цвет становится абстрактной идеей

Когда статуя обладала только зрением, то всякий цвет был особенной модификацией ее души. Теперь же каждый цвет становится абстрактной и общей идеей, ибо она замечает его у нескольких тел. Это служит ей дополнительным средством для распределения предметов по различным классам.

§ 4. Зрение становится активным

Зрение, бывшее почти пассивным, когда оно было единственным чувством статуи, становится более активным, после того как оно прибавляется к осязанию, ибо она теперь научилась употреблять данную ей природой силу для фиксирования предметов. Она уже не ожидает, чтобы предметы действовали на нее, она идет навстречу их воздействию. Одним словом, она научилась смотреть.

§ 5. От этого увеличивается его значение как седалища желания

Вместе с увеличением активности зрения увеличивается и его значение как седалища желания. Мы видели, что желание заключается в действии способностей, возбужденных беспокойством, вызванным отсутствием какого-нибудь удовольствия.

§ 6. Деятельность воображения, направленная на воспроизведение цветов, ослабевает

Теперь воображение перестанет воспроизводить цвета с прежней яркостью, ибо, чем легче доставить себе сами ощущения, тем меньше статуя упражняется в том, чтобы воображать их себе.

§ 7. Власть чувств друг над другом

Наконец статуя, обладая вниманием благодаря зрению, а также трем другим чувствам, сумеет отвлечься от звуков и запахов, стараясь упорно рассматривать какой-нибудь раскрашенный предмет. Благодаря этому чувства начинают обладать друг над другом такой же властью, какой обладает воображение над всеми ими.

О ВКУСЕ В СОЕДИНЕНИИ С ОСЯЗАНИЕМ

Чувство вкуса учится с такой быстротой, что с трудом можно заметить, что оно нуждается в выучке, § 1. Это чувство не нуждается почти в выучке Это вполне естественно, ибо оно необходимо для нашего самосохранения с первых моментов нашего существования.

Когда статуя испытывает в первый раз чувство голода, то он не может быть еще направлен на какой-нибудь определенный предмет, ибо ей совершенно неизвестны средства, способные удовлетворить его. Таким образом она тогда еще не желает никакой определенной пищи, она желает только избавиться от некоторого неприятного состояния. С этой целью она обращается ко всем известным ей приятным ощущениям. Таково единственное средство, которым она может воспользоваться и которое несколько отвлекает ее от переживаемых ею неприятных ощущений.

§ 2. Испытываемый в первый раз голод не направляется на какой-нибудь определенный предмет

Однако тревожащее ее беспокойство усиливается, распространяется во всех частях ее тела, сосредоточиваясь особенно в губах, во рту. Тогда она накидывается на все, что заметает, грызет камни, землю, жует траву, пытаясь первоначально питаться веществами, оказывающими ей наименьшее сопротивление. Довольная пищей, облегчившей ее голод, она не старается искать лучшей. Она в этот момент не знает другого удовольствия от еды кроме удовольствия, доставляемого удовлетворением голода.

§ 3. Она хватает без разбора все, что ей представляется

Но заметив как-то плоды, краски и запахи которых ласкают ее чувства, она подносит к ним руку. Испытываемое ею при каждом возобновлении голода беспокойство заставляет ее, разумеется, схватывать все те предметы, которые могут ей понравиться. Этот плод остается в ее руке, она пристально смотрит на него, она обнюхивает его со все большим вниманием. Голод ее усиливается, она отведывает плод, не ожидая от него ничего другого кроме избавления от неприятных ощущений. Но с каким восторгом, с каким удовольствием она вкушает этот восхититель-

§ 4. Статуя опыскивает подходящую ей пищу

ный сок! И может ли она сопротивляться желанию поесть еще и еще этих плодов?

§ 3. Она делает из нее предмет своих желаний

Проделав несколько раз этот опыт¹, она находит у себя новую потребность, открывает орган, с помощью которого она может удовлетворить ее, и узнает, какие предметы годятся для этого. Тогда голод перестает уже быть, как раньше, ощущением, не направленным ни на какой определенный предмет; он теперь направляет все ее способности на поиски всего того, что может удовлетворить его.

Г л а в а XI

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ О СОЕДИНЕНИИ ВСЕХ ПЯТИ ЧУВСТВ

Вместе с потребностью в пище наша статуя становится предметом многочисленных наблюдений. Но, прежде чем приступить к рассмотрению всех относящихся сюда обстоятельств, мы должны разобрать, что обще соединению каждого чувства с осязанием.

§ 1. Общая идея, составляемая себе статуей о своих ощущениях

Если статуя пользуется одновременно осязанием и обонянием, то она замечает качества тел по их отношениям к обоим этим чувствам, и она составляет себе общие идеи о двух видах ощущений: осязательных ощущениях и обонятельных ощущениях, ибо она не может в этом случае смешать в одном классе впечатления, получаемые столь различными органами.

То же самое произойдет, если мы прибавим к обоим этим чувствам слух, зрение и вкус. Таким образом она находит у себя вообще пять видов ощущений.

Если теперь мы предположим, что, размышляя над

¹ Такова уловка, к которой прибегает природа, чтобы заставить нас добывать удовлетворяющие наши потребности предметы, действие которых мы еще не можем винить. Она обнаруживается изумительным образом у новорожденного ребенка. Тревожащее его беспокойство, переходя из желудка в щеки, рот, заставляет его схватить сосок точно так, как он схватил бы всякую другую вещь, заставляет его всячески двигать губами, пока они не найдут способа выжать питательное молоко. Тогда ребенок под влиянием испытываемого им удовольствия повторяет те же самые движения, делая все то, что необходимо для его самосохранения.

телами, она станет рассматривать их качества безотносительно к пяти различным способам, какими они воздействуют на ее органы, то она получит общее понятие ощущения, т. е. она образует лишь один класс из всех впечатлений, производимых на нее телами. Идея эта более обща, когда она обладает тремя чувствами, чем тогда, когда она обладала только двумя, еще более обща, когда она обладает четырьмя чувствами, чем тогда, когда она обладала только тремя, и т. д.

Лишеннная осязания, она не была в состоянии вы-
звать самочинно деятельность какого-нибудь из других чувств, и она могла доставить себе наслаждение чистым-нибудь запахом, звуком, цветом и вкусом чинь постольку, поскольку сила ее воображения могла представить их ей. Но теперь знакомство с издающими запах, звучащими, осязаемыми и обладающими вкус телами, а также легкость схватывать их доставляют ей столь удобный способ получить то, чего она желает, что ее воображение не нуждается в прежних усилиях. Таким образом, чем доступнее будут для нее эти тела, тем менее ее воображению придется работать над ощущениями, которые она узнала благодаря им. Поэтому активность воображения уменьшится; но так как в связи с этим усиливается деятельность обоняния, слуха, зрения и вкуса, то их способность различения станет более тонкой и обширной. Таким образом то, что эти чувства выигрывают благодаря своему соединению с осязанием, с избытком вознаграждает статую за то, что она потеряла со стороны воображения.

После того как ее ощущения стали для нее качествами самих предметов, она не может больше вспоминать, воображать или испытывать их, не представив себе тел. Благодаря этому они все входят в некоторые из тех совокупностей, которые она создала себе под влиянием осязания, они становятся свойствами протяжения, тесно связываются со всей совокупностью познания при посредстве той же самой основной идеи, что и осязательные ощущения; от этого как память, так и воображение становятся

§ 2. Как слабеет
активность ее во-
ображения

§ 3. Связь всех си-
дов ощущений с
памятью

богаче, чем они были, когда она не пользовалась всеми своими чувствами.

§ 4. Активность, приобретаемая статуей благодаря соединению осязания с другими чувствами

Рассматривая обоняние, слух, зрение и вкус каждое в отдельности, мы заметили, что наша статуя была совершенно пассивной по отношению к сообщаемым ей впечатлениям. Но теперь она может быть активной в этом отношении во многих случаях, ибо она обладает средствами, чтобы либо отдаваться воздействию тел, либо уклоняться от него.

§ 5. Как ее желание охватывает деятельность всех ее способностей

Мы заметили также, что желание заключалось раньше в деятельности душевных способностей, направлявшихся на какой-нибудь запах, от которого оставалось некоторое воспоминание. Но после соединения обоняния с осязанием оно может также включать деятельность всех способностей, могущих доставить ей наслаждение издающим запах телом. Теперь, когда она желает какой-нибудь цветок, то движение переходит из органа обоняния во все части тела, и ее желание становится деятельностью всех ее способностей.

То же самое следует сказать относительно других чувств. Действительно, осязание, их учитель, продолжает действовать вместе с ними всякий раз, когда оно может им оказать какуюнибудь помощь. Оно принимает участие во всем, что их интересует, оно учит их помогать взаимно друг другу, и ему же все наши органы, все наши способности обязаны привычкой направляться на предметы, годные для нашего самосохранения.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

О ПОТРЕБНОСТЯХ, ЛОВКОСТИ (INDUSTRIE) И ИДЕЯХ ИЗОЛИРОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА, ПОЛЬЗУЮЩЕГОСЯ ВСЕМИ СВОИМИ ЧУВСТВАМИ

Если читатель вспомнит, что я доказал, насколько необходимы знаки для составления отчетливых идей всякого рода, то он склонен будет думать, что я часто предполагаю у нашей статуи больше знаний, чем она может их приобрести.

Но следует отличать, как я это уже сделал выше, теоретические знания от знаний практических. В языке мы нуждаемся лишь для первых, потому что они состоят в последовательном ряде отчетливых идей и что следовательно нужны знаки для методического классификации и определения их.

Наоборот, практические знания представляют собой смутные идеи, руководящие нашими поступками, хотя мы и не можем заметить, как они заставляют нас действовать. Дело в том, что они состоят скорее в привычках, являющихся результатом наших суждений, чем в самих наших суждениях. Действительно, усвоив раз эти привычки, мы действуем, не будучи в состоянии наблюдать сопровождающих их суждений, и вот почему мы не можем отдать себе отчет в них. В этом случае мы, хотя и поступаем правильно, но бессознательно, не зная почему; мы подчиняемся какому-то импульсу, какому-то неведомому нам инстинкту, ибо слова *импульс* и *инстинкт* по существу синонимичны.

Уже давно мыслители должны были заметить, что в процессе использования нами наших чувств неизбежно входят суждения. Поэтому, если бы я даже плохо объяснил, каким образом статуя научается пользоваться своими чувствами, то это нисколько не меняло бы того факта, что она составляет суждения. Но эти незамечаемые ею суждения составляют руководящий ею инстинкт; а усвоенные ею на основании этих суждений привычки составляют то, что я называю *практическими знаниями*. Если, желая выявить эти суждения, я вынужден развить их, то это вовсе не значит, что и статуя их развивает. Она неспособна сделать этого, ибо, не обладая языком, она лишена средств произвести анализ их. Но для усвоения привычек с нее достаточно составлять эти суждения, причем она не обязана вовсе замечать их. Неужели ребенок начинает составлять суждения лишь тогда, когда он начинает говорить? Конечно он не чувствовал бы потребности научиться языку, если бы он не чувствовал потребности произносить суждения. Таким образом он уже составлял себе су-

ждения, когда он начинает говорить, т. е. когда он начинает производить при помощи слов анализ своей мысли; он говорит лишь то, что он делал раньше, не будучи в состоянии сказать этого.

Г л а в а I

КАК ЭТОТ ЧЕЛОВЕК НАУЧИТСЯ УДОВЛЕТВОРЯТЬ СВОИ ПОТРЕБНОСТИ С ВЫБОРОМ

§ 1. Статуя, лишенная потребностей

Если мы вообразим себе, что природа устроила бы вещи так, чтобы предупредить все потребности нашей статуи и, обращаясь с ней, как осторожная мать, боящаяся причинить боль своим детям, удалила бы от нее даже малейшие неприятности, беря на себя одну заботу о ее сохранении, то такое состояние может быть показалось бы нам завидным. Тем не менее, чем был бы подобного рода человек? Животным, погруженным в глубокую летаргию. Он существовал бы, но и только, и вряд ли даже он ощущал бы свое существование. Так как он неспособен был бы замечать окружающих его предметов, а также наблюдать то, что происходит в нем самом, душа его отнеслась бы безразлично ко всем восприятиям, доставляемым ему его чувствами. Похожий до некоторой степени на зеркало, он непрерывно воспринимал бы новые образы, не сохраняя ни одного из них.

Действительно, что могло бы побудить этого человека заняться собою или тем, что находится вне его? Природа взяла на себя все заботы, она настолько предупредила все его потребности, что ему ничего не остается желать. Она захотела удалить от него всякое беспокойство, всякое страдание, но из страха сделать его несчастным, она ограничила его ощущениями, цены которых он не может знать и которые проносятся, подобно теням.

§ 2. С легко удовлетворяемыми потребностями

Я предположу поэтому, что природа не так сильно позабочилась об устраниении бедствий, могущих угрожать ему, что она до известной степени положилась на него и удовольствовалась тем, чтоб сделать доступными для него все необходимые для его потребности вещи.

При такой благоприятной обстановке статуя испытывает желания, но она тотчас же имеет все необходимое для удовлетворения их. Вся природа как будто продолжает еще заботиться о ней. Едва она позволила малейшей неприятности нарушить ее покой, как она как будто раскаивается в этом и старается изо всех сил предупредить какую-нибудь более крупную неприятность. Благодаря этой заботливости природа избавляет ее от множества бедствий, но и лишает одновременно множества удовольствий. Испытываемая статуей неприятность невелика, следующее за ней желание ничтожно, быстрота удовлетворения не допускает значительного увеличения ни одной потребности и удовольствие, составляющее всю прелест потребности, пропорционально слабости ее.

Так как покой нашей статуи тоже мало нарушается, то во всех частях ее тела почти всегда устанавливается одинаковое равновесие, и ее темперамент не претерпевает почти никаких изменений. Благодаря этому она должна жить долго, но ее жизнь протекает на минимально низком уровне.

Переменим обстановку и предположим, что статуе придется преодолеть ряд препятствий для получения того, что она желает. В этом случае потребности существуют долгое время до того, как они вызывают удовлетворены. Неприятное ощущение, сперва слабое, становится мало-по-малу более сильным; оно превращается в беспокойство, а иногда заканчивается страданием.

Пока беспокойство невелико, желание — слабо, статуя не торопится наслаждаться; какое-нибудь яркое ощущение может развлечь ее и заставить забыть свои неприятности. Но вместе с беспокойством увеличивается и желание; наступает момент, когда оно обнаруживается с такой силой, что спасение от него можно найти лишь в наслаждении; оно превращается в страсть.

Удовлетворяя в первый раз какую-нибудь потребность, статуя не догадывается еще, что ей придется испытать ее в будущем. По удовлетворе-

§ 3. С трудно удовлетворяемыми потребностями

§ 4. Статуя, еще лишенная предвидения

ции потребности она возвращается к своему прежнему спокойствию.

Таким образом, не заботясь никак о будущем, она думает только о настоящем, думает только о том, чтобы устраниТЬ страдание, причиняющее ей потребностью в данный момент.

§ 5. Как она становится способной к предвидению

Она остается приблизительно в этом состоянии до тех пор, пока ее потребности слабы, немногочисленны, и пока ей приходится преодолевать для их удовлетворения немного препятствий. Так как она привыкла управлять своими желаниями на основании интереса, возникающего из контраста между удовольствиями и страданиями, то только опыт от испытанных ею из-за отсутствия предвидения бедствий может заставить ее не ограничиваться только мыслями о настоящем. Одно лишь прошлое может научить ее читать в будущем.

Поэтому, заметив повторность своих потребностей и муки, испытанные ею всякий раз, когда она не могла достаточно скоро удовлетворить их, она должна вскоре приобрести привычку предвидеть их и принимать меры, чтобы предупредить их или заблаговременно удовлетворить. Даже тогда, когда она не испытывает ни малейшей неприятности, воображение напоминает ей все бедствия, которым она подвергалась, и рисует их ей так ярко, точно они готовы сейчас обрушиться на нее. Немедленно она начинает чувствовать беспокойство того самого рода, что и беспокойство, вызываемое потребностью; она заранее испытывает нечто подобное тому, что она испытала бы, если бы в ней заговорил голос потребности.

Сколько несчастной сделало бы ее воображение, если бы этим ограничивались его действия! Но вскоре оно начинает рисовать ей предметы, с помощью которых она неоднократно удовлетворяла свою потребность, давая ей испытывать почти те же самые удовольствия, как и удовольствия, доставляемые самим наслаждением; и можно было бы сказать, что оно вызвало у нее беспокойство по поводу далекого бедствия лишь для того, чтобы доставить ей наслаждение, предвосхищающее будущее.

Таким образом, в то время как страх угрожает ей бедствиями, подобными испытанным ею уже раньше, надежда обещает предупредить их или помочь против них; они соперничают между собой, стараясь заставить ее забыть настоящее и занять ее мысли временем, которое еще не наступило или может быть никогда не наступит. Из этих двух страстей возникает потребность в предосторожностях и умение принимать их. Таким образом статуя переходит поочереди от страха к надежде и обратно в зависимости от периодического повторения опасностей и большей или меньшей трудности избежать их, и страсти эти с каждым днем все усиливаются: по всякому поводу наша статуя либо пугается, либо надеется. Когда она переживает надежды, то воображение устраивает все препятствия с ее пути, рисует предметы с самой прекрасной стороны и сулит ей наслаждение ими—иллюзия, делающая ее часто более счастливой, чем само наслаждение. Когда она переживает страх, то она видит перед собой сразу все бедствия, они угрожают ей, она видит перед собой минуту, когда они обрушатся на нее, она не знает никакого средства избегнуть их, и может быть она была бы менее несчастной, испытывая их в действительности.

Так воображение рисует ей все предметы, имеющие какое-нибудь отношение к надежде или страху. Верх берет то одна из этих страстей, то другая, а иногда они так точно уравновешивают друг друга, что нельзя сказать, какая из них сильнее. Имел задачей сделать статую более заботливой насчет мер, необходимых для ее самосохранения, они как будто заботятся о том, чтобы она не была ни слишком счастливой, ни слишком несчастной.

Узнав из опыта средства, способные удовлетворить или предупредить ее потребности, она размышляет о предстоящем ей выборе; она исследует выгоды или невыгоды предметов, которых она до сих пор избегала или к которым она стремилась; она вспоминает ошибки, в которые она часто впадала, когда второпях она слепо повиновалась первым движением своих страстей; она жалеет, что не вела себя

§ 6. Достижения
ее разума в этом отношении

лучше; она понимает, что отныне от нее только зависит вести себя согласно приобретенным ею знаниям и, привыкая пользоваться ими, она мало-помалу приучается сопротивляться своим желаниям и даже побеждать их. Так, стремясь избегнуть страдания, она ослабляет власть страстей, чтобы усилить власть разума над своей волей и чтобы стать свободной¹.

§ 7. Порядок того,
что она изучает,
определяется ее
потребностями

При таком положении вещей она изучает предметы, способные содействовать ее удовольствиям или страданиям, с особенным рвением, так как она знает, что она страдала от того, что не была достаточно с ними знакома, и так как опыт доказывает ей, что от нее зависит познакомиться с ними лучше. Таким образом порядок того, что она изучает, определяется ее потребностями: на путь первых исследований ее толкают самые настойчивые и частые из них.

§ 8. И главным
образом потребно-
стью в пищи

Такова потребность в пище как самая необходимая для ее самосохранения потребность. Удовлетворив свой голод, она восстанавливает свои силы, и она понимает, что ей важно восстановить их, чтобы пользоваться всеми своими способностями. Все ее другие потребности уступают по значению названной. Зрение, осязание, слух и обоняние как будто бы созданы только для того, чтобы находить и доставлять ей то, что может удовлетворить чувство вкуса. Благодаря этому она загорается новым интересом к тому, что показывает ей природа. Ее любопытство не ограничивается более различием цвета, запаха, фигуры и т. п. предметов. Если она их изучает со стороны этих качеств, то главным образом для того, чтобы научиться распознавать те предметы, которые могут служить ей пищей. Таким образом она не может видеть плод, который она отведала, она не может дотронуться до него, понюхать его, не составляя суждения о том, хорош он или плох на вкус. Это суждение увеличивает удовольствие, доставляемое ею тем, что она видит его, осязает,нюхает; чувство вкуса придает для нее еще большую

¹ См. приложенное в конце данного труда «Рассуждение».

ценность другим чувствам. Особенно близко оно к обонянию. Аромат плодов интересовал ее значительно меньше тогда, когда она не имела еще органа вкуса, и чувство вкуса потеряло бы всю свою тонкость, если бы она была лишена обоняния. Но при наличии обоих этих чувств их ощущения сливаются между собой, становясь от этого еще более восхитительными.

Она придает своим идеям порядок, резко отличный от того, который они имели раньше, ибо потребность, определяющая ее способности, сама резко отличается от потребностей, руководивших ею до сих пор. Она с интересом устремляется к предметам, на которые до сих пор она не обращала никакого внимания, и те из них, которые способны служить ей пищей, разбиваются ею на большее число классов. Она составляет себе из них сложные идеи, рассматривая их как обладающие одновременно таким-то цветом, таким-то запахом, такой-то формой и таким-то вкусом, и она образует себе в связи с ними абстрактные и общие идеи, рассматривая качества, общие некоторым предметам.

Она сравнивает их друг с другом и сперва она же г. 9. Суждения, лает питаться главным образом теми плодами, вкус которых, как она помнит, ей особенно понравился. Впоследствии она мало-по-малу привыкает к этой пище, и привычка эта становится иногда столь повелительной, что она оказывает такое же влияние на ее выбор, как само удовольствие.

усиливающие эту потребность

Таким образом к удовольствию от них она примишивает вскоре суждения. Если бы она не примешивала их, то она склонна была бы есть лишь для того, чтобы питаться. Но суждение: он хороши, он великолепен, он лучше, чем всякий другой, превращает для нее ощущение, вызываемое плодом, в потребность. В этом случае то, что достаточно для ее пропитания, недостаточно для ее удовольствия. Она испытывает две потребности: одну потребность, вызываемую отсутствием пищи, и другую, вызываемую отсутствием излюбленного вкуса, и эта последняя потребность представляет собою своего рода алкалие,

обманывающее ее иногда и заставляющее ее есть больше того, что необходимо.

§ 10. Излишества,
в которые впадает
статуя

Между тем она начинает испытывать пресыщение от некоторых плодов; тогда она либо начинает питать полное отвращение к ним, либо же, если она все еще желает отведать их, то делает это только по привычке. В этом последнем случае она питается ими, надеясь получить такие же вкусовые ощущения, как и раньше. Она так сильно привыкла к ним, что она все еще воображает, будто получит от них удовольствие, для которого она уже не годится, и эта идея продолжает поддерживать ее желание.

Хотя надежды ее не оправдываются, но это только усиливает ее желание. Она делает новые попытки, продолжая их до тех пор, пока она уже не сможет больше повторять этого. Так, излишства, в которые она впадает, вызываются часто усвоенной ею привычкой и призраком удовольствия, которое не перестает рисовать ей воображение и которое однако всегда ускользает от нее.

§ 11. За это она
получает нака-
зание

За это она получает наказание. Вскоре страдание предупреждает ее, что цель удовольствия заключается не только в том, чтобы сделать ее на мгновение счастливой, но и в том, чтобы содействовать ее самосохранению или, вернее—восстановить ее силы и дать ей возможность воспользоваться своими способностями, ибо она не знает еще, что такое самосохранение.

Если бы природа из любви к ней соединила с этими явлениями только приятные ощущения, то она обманула бы ее и обманулась бы сама; статуя в поисках своего счастья шла бы навстречу верной гибели.

Но так как эти предостережения повторяются, то под конец она начинает понимать, что она должна обуздануть свои желания, ибо вполне естественно считать следствием какой-нибудь вещи то, что постоянно следует за ней.

Теперь, всякий раз когда она начнет испытывать подобные желания, воображение станет немедленно рисовать ей все перенесенные ею раньше страдания. Зрелище этого заставляет ее пугаться даже самых

приятных ей предметов, и она становится жертвой двух диаметрально противоположных тревог.

Если впыхнувшая в ней идея о страданиях будет недостаточно интенсивна, то переживаемый ею страх будет слабым и окажет ничтожное сопротивление ее желанию; если же она будет достаточно интенсивна, то страх будет сильным и будет сдерживать ее дольше. Наконец идея эта может стать столь интенсивной, что окончательно заглушит всякое желание, вызывая отвращение к предмету, к которому статуя прежде стремилась так пылко.

Так, находя одновременно удовольствие и опасность в стремлении к излюбленным ею плодам, она научится выбирать более тщательно свою пищу, а встречая больше препятствий при удовлетворении своих желаний, она будет испытывать более сильные потребности, ибо ей придется не только утишить тревогу, вызываемую потребностью в пище, но и успокоить тревогу, вызываемую лишением известного удовольствия, притом успокоить ее без всякой опасности для себя.

Г л а с а II

О СОСТОЯНИИ ЧЕЛОВЕКА, ПРЕДОСТАВЛЕННОГО САМОМУ СЕБЕ; КАКИМ ОБРАЗОМ СЛУЧАЙНОСТИ, КОТОРЫМ ОН ПОДВЕРГАЕТСЯ, СПОСОБСТВУЮТ ПРОСВЕЩЕНИЮ ЕГО

Статуя, познакомившись с предметами, пригодными для пропитания ее, будет более или менее озабочена вопросом о своей пище в зависимости от стоящих перед ней препятствий. Так, мы можем предположить ее находящейся в обстановке, где, будучи, целиком поглощена этой потребностью, она не сможет приобрести никаких других познаний.

Если мы уменьшим стоящие перед ней препятствия, то ее начнут тотчас же привлекать к себе удовольствия, представляющиеся каждому из ее чувств. Она станет интересоваться всем, что поражает их. Следовательно, все будет поддерживать ее любопытство, будет возвращать и усиливать его, и она будет

§ 1. Обстоятельства, при которых статуя не ограничивается изучением предметов, пригодных для пропитания ее

по очереди переходить от изучения предметов, пригодных для пропитания ее, к изучению всего окружающего ее.

§ 2. Она изучает себя

Иногда любопытство побудит ее изучать саму себя. Она начнет наблюдать свои чувства, получаемые ею от них впечатления, свои удовольствия, свои страдания, свои потребности, средства удовлетворения их, и она составит себе своего рода план всего того, чего она должна избегать или к чему она должна стремиться.

§ 3. Она изучает предметы

В других случаях она станет изучать особенно тщательно предметы, привлекающие к себе ее внимание. Она группирует их в различные классы в зависимости от находимых ею в них различий, и число ее абстрактных понятий увеличивается пропорционально тому, как ее любопытство возбуждается удовольствием видеть, обонять, вкушать, слышать, осязать.

Если любопытство заставит ее обратить внимание на животных, то она заметит, что они движутся и питаются, подобно ей; что они обладают органами, чтобы хватать то, что им нужно, глазами, чтобы руководиться их указаниями, оружием, чтобы нападать или защищаться, проворством или ловкостью, чтобы избегать опасности, ловкостью, чтобы устраивать западни, и она начнет их различать по фигуре, цветам и в особенности по свойствам, более всего поражающим ее.

Если ее удивляют драки между ними, то еще больше ее поражает зрелище того, что более слабые из них, растерзываемые более сильными, теряют свою кровь и перестают двигаться. Это дает ей наглядную картину перехода от жизни к смерти, но она не думает о том, что ей предстоит такой же конец. Жизнь кажется ей столь естественной вещью, что она не представляет себе, чтобы она могла лишиться ее. Она знает только, что она подвержена страданию, что существуют тела, которые могут причинить ей боль. Но опыт научил ее узнавать их и избегать.

И так она живет самым спокойным образом среди дерущихся между собою животных. Всепен-

она является для нее театром, где она лишь зритель, и она не предвидит того, что она должна будет в свою очередь когда-нибудь залить своей кровью свою сцену.

Но вот к ней приближается какой-то враг. Не ^{§ 4. Случайности, которым она подвергена} представляя себе угрожающей ей опасности, она не думает о том, чтобы избегнуть его и дорого платится за это. Она защищается. Будучи к счастью достаточно сильной, чтобы избавиться от части смылающихся на нее ударов, она остается в живых, получив только малоопасную рану. Но в ее памяти запечатлевается идея этого животного, соединяющаяся со всеми обстоятельствами, при которых наша статуя подверглась нападению. Если это произошло в лесу, то вид какого-нибудь дерева, шелест листьев представит ее глазам образ опасности. Она переживает сильный страх, ибо она слаба, она чувствует, как страх этот возобновляется, ибо она не знает еще предосторожностей, требуемых ее положением. Все становится для нее предметом ужаса, ибо идея опасности так тесно связана со всем тем, что она встречает, что она перестает различать то, чего она должна бояться. Вид какой-нибудь овцы приводит ее в трепет, и чтобы осмелиться ожидать ее приближения, от нее потребовалось бы мужество, которым она еще не может обладать.

Оправившись от своего первого испуга, она почти испытывает изумление, видя, как животные убегают от нее. Она наблюдает это вторично, она наблюдает, как они постоянно убегают от нее, и под конец она убеждается в том, что ей ничего бояться с их стороны.

Едва избавилась она от своей тревоги, как снова появляется ее первый враг или же на нее нападает какой-то другой враг. Она спасается и на этот раз — но не без урона — от опасности.

Эти случайности беспокоят ее, тревожат тем больше, чем они становятся чаще и чем тяжелее последствия их. Ее страх перед ними вызывает во всех частях ее тела сильную дрожь. Опасности проходят, но дрожь остается или же возобновляется каждую

^{§ 5. Как она начинает оберегаться от них}

минуту, вызывая в ее воображении образ их. Не умея отличать обстановки, отличать большей или меньшей вероятности того, что ей угрожают подобные случайности, она испытывает одинаковое беспокойство как от отдаленной опасности, так и от близкой и часто даже она тревожится больше в первом случае. Она избегает их одинаково, ибо она чувствует всю свою слабость, если она не успеет во время обезопасить себя. Так как ее страх становится благодаря этому более активным, чем ее надежда, то она более прислушивается ко всем его нашептываниям и принимает большие предосторожностей против случайностей, которым она подвержена, чем мер для получения благ, которыми она может пользоваться. Поэтому она страстно распознает нападающих на нее животных. Она избегает мест, где они повидимому живут. Она судит о том, чем они ей угрожают, на основании ударов, наносимых ею животным, столь же слабым, как она. Испуг этих последних усиливает ее собственный страх; их бегство, их крики предупреждают ее о грозящей ей опасности. То она старается избежнуть ее при помощи разных уловок, то она схватывает для своей защиты все, что подвергается ей под руку, заменяя хитростью, но довольно медленно, оружие, в котором ей отказалась природа. Она научается мало-по-малу защищаться, выходит победительницей из борьбы и, обрадованная победой, начинает чувствовать в себе мужество, которое помогает ей иногда справиться с опасностью, а иногда даже внушает ей безрассудство. Тогда все принимает для нее новый оборот, она приобретает новые взгляды, новые интересы; ее любопытство обращается на новые предметы, и, интересуясь часто больше защитой себя, чем потребностью в пище, она думает лишь об одном: о том, чтобы успешнее бороться.

Вскоре она подвергается новым испытаниям. Потом внезапно изменяется время года, растения высыхают, почва становится сухой, на нее обрушаются со всех сторон бедствия непогоды, она приучается одеваться во все, что способно сохранить ее телес-

ную теплоту, и укрываться в местах, где она более защищена от дурной погоды.

Вынужденная часто страдать продолжительное время от отсутствия пищи, она прибегает к преимуществу, которым она обладает над некоторыми животными благодаря своей ловкости или силе. Она нападает на них, хватает, пожирает. Не имея другого средства прокормиться, она придумывает различные хитрости, изобретает оружие, и она тем более преуспевает в этом искусстве, что борьба становится для нее столь же необходимой, как и пища. И вот она оказывается в постоянной войне со всеми животными, то нападая на них, то защищаясь от них.

Так опыт преподает ей уроки, за которые она часто платит своей кровью. Но могла ли бы эта наука обойтись ей дешевле?

Все естественные потребности нашей статуи сводятся к тому, чтобы питаться, остерегаться всяких случайностей или защищаться от них и удовлетворять свое любопытство. Они по очереди определяют ее способности и являются источником приобретаемых ею знаний. Будучи в одних случаях сильнее обстоятельств, она дает полный простор своим желаниям; в других случаях, побужденная обстоятельствами, она сама является кузнецом своего несчастья. Если удачи сопровождаются неудачами, то в других случаях за неудачами следуют удачи, предметы как будто по очереди доставляют ей то удовольствие, то страдание. Поэтому она не перестает колебаться между доверчивостью и недоверчивостью и, увлекаемая своими надеждами и своими опасениями, она видит перед собой то счастье, то гибель. Только опыт избавляет ее мало-по-малу от опасностей, дает ей необходимые ей для самосохранения знания и заставляет ее усвоить все те привычки, которыми она должна руководиться. Но подобно тому как не было бы знаний без опыта, так не было бы опыта без потребностей, которых в свою очередь не было бы без смены удовольствия и страдания. Таким образом все является результатом принципа, установленного нами в самом начале предлагаемого труда.

§ 7. Заключение

Мы перейдем теперь к рассмотрению суждений, составляемых нашей статуей о предметах в зависимости от роли, которую они играют в ее удовольствиях или страданиях.

Г л а в а III

О СУЖДЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ПРЕДОСТАВЛЕННЫЙ САМОМУ СЕБЕ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ СОСТАВЛЯТЬ НАСЧЕТ ХОРОШЕСТИ (BONTÉ) И КРАСОТЫ ВЕЩЕЙ

§ 1. Определение слов *хорошество* и *красота*

Слова *хорошество* и *красота* выражают качества, благодаря которым вещи содействуют нашим удовольствиям. Следовательно, всякое чувствующее существо обладает относительными, соответствующими ему идеями *хорошести* и *красоты*.

Действительно, мы называем *хорошим* все то, что нравится запаху или вкусу, и *красивым*—все то, что нравится зрению, слуху или осязанию.

Хорошее и красивое соотносительны также со страстями или с духом. То, что льстит страстям, хорошо; то, что нравится духу, красиво, а то, что нравится одновременно страстям и духу, и хорошо и красиво.

Наша статуя знакома с приятными запахами и вкусами и с предметами, льстящими ее страстям; следовательно, она обладает идеей *хорошего*. Она знакома также с предметами, которые она видит, слышит, осязает и которые ее дух воспринимает с удовольствием; следовательно, она обладает также идеей *красивого*.

Отсюда следует, что хорошее и красивое не абсолютны; они относительны, соответствуя характеру того, кто судит о них, и способу его организации¹.

Хорошее и красивое поддерживают взаимно друг друга. Статуя замечает персик, нравящийся ей яркостью своей окраски; он в ее глазах красив. Тот-

¹ Не следует упускать из вида заголовка этой главы. Мы рассматриваем человека, живущего в одиночестве, и мы не исследуем *хорошести* и *красоты* вещей, мы исследуем только его суждения о них. Не все то, что он будет считать *хорошим*, окажется морально *хорошим*, и точно так же не все то, что он будет считать *красивым*, окажется действительно *красивым*.

чье же в ее воображении всплывает вкус его, и она начинает глядеть на него с большим удовольствием; персик от этого становится красивее.

Статуя отведывает персик, и тотчас же удовольствие от вида его примешивается к удовольствию от вкуса, и он становится от этого лучше.

Польза усиливает хорошесть и красоту вещей. § 6. Польза усиливает и ту и другую
Плоды, которые мы находим хорошими и красивыми и силу одного только удовольствия видеть и вкушать их, становятся лучшими и более красивыми, когда мы думаем о том, что они могут восстановить наши силы.

Новизна и редкость тоже усиливают их, ибо удивление, вызываемое хорошим и красивым самим по себе предметом, в соединении с трудностью обладать им увеличивает удовольствие от него.

Хорошесть и красота вещей заключаются или в одной только идее или во множестве идей, имеющих между собой известные взаимоотношения. Один вкус, один запах могут быть хорошими; свет красив, один отдельный звук может быть красив.

Но когда имеется множество идей, то предмет тем лучше или красивее, чем отчетливее мы различаем эти идеи и чем лучше мы замечаем их взаимоотношения, ибо тогда мы наслаждаемся с большим удовольствием. Плод, в котором мы различаем несколько одинаково приятных вкусов, лучше, чем плод, обладающий только одним из этих вкусов; предмет, различные цвета которого взаимно усиливают блеск друг друга, красивее простого света.

Органы могут схватывать отчетливо лишь определенное число ощущений; дух может сравнивать одновременно лишь определенное число идей; слишком большое количество их порождает хаос. Оно вредит удовольствию, а следовательно, хорошести и красоте вещей.

Небольшое количество ощущений или идей сливаются между собою, если одна из них чрезмерно господствует над другими. Поэтому для большей хорошести и красоты необходимо, чтобы смесь их проходила в известной пропорции.

§ 6. Новизна и редкость тоже усиливают их

§ 7. Два sorta хорошести и красоты

Преимуществом охватывать большее количество идей и отношений наша статуя обязана деятельности своих органов и своего духа. Таким образом хорошее и красивое соотносительны также с тем, как она научилась пользоваться своими способностями. Какая-нибудь вещь, бывшая в свое время очень хорошей или очень красивой, перестанет быть таковой, между тем как другая вещь, на которую она не обращала никакого внимания, станет очень хорошей или очень красивой.

В этом случае, как и во всех других, статуя будет судить лишь по отношению к себе. Сперва она выбирает свои модели среди предметов, особенно непосредственно способствующих ее благополучию, затем она начинает судить о других предметах по этим моделям, и они кажутся ей более красивыми, когда они особенно похожи на эти модели, ибо после этого сравнения она находит в них удовольствие, которого она не испытывала до тех пор. Так например отягощенное плодами дерево нравится ей и делает для нее приятным вид другого дерева, которое не имеет плодов, но несколько похоже на первое.

Невозможно представить себе всего разнообразия суждений, которые она составит себе в зависимости от обстоятельств; впрочем заниматься этим было бы довольно бесполезно. Достаточно указать, что для нее, как и для нас, существуют реальная хорошесть и реальная красота, и что если у нее по этому вопросу меньше идей, то наряду с этим и меньше потребностей, меньше знаний и меньше страстей, чем у нас.

Глава IV

О СУЖДЕНИЯХ, СОСТАВЛЯЕМЫХ ПРЕДСТАВЛЕННЫМ САМОМУ СЕБЕ ЧЕЛОВЕКОМ НАСЧЕТ ПРЕДМЕТОВ, ОТ КОТОРЫХ ОН ЗАВИСИТ

Статуя чувствует каждую минуту свою зависимость от всего окружающего ее. Если вещи часто отвечают ее желаниям, то почти столь же часто они идут вразрез с ее планами; они делают ее несчастной

или же доставляют ей частицу того счастья, которое она желает.

Убежденная, что все, что она делает, она делает умышленно, она видит умысел повсюду, где находит какое-нибудь действие. Действительно, она может судить лишь на основании того, что замечает в самой себе, и нуждается в многочисленных наблюдениях, чтобы исправить свои суждения. Поэтому она думает, что то, что ей нравится, имеет целью нравиться ей, а то, что неприятно ей, имеет целью быть неприятным ей. В результате ее любовь и ее ненависть становятся страстями тем более бурными, чем резче обнаруживается во всем, что действует на нее, умысел содействовать ее благополучию или злополучию.

Теперь она уже не ограничивается желанием наслаждаться удовольствиями, которые могут ей доставить предметы, и удалять неприятности, которыми они ей угрожают; она желает, чтобы они имели намерение осыпать ее благами и отвращать от нее всякого рода бедствия, одним словом, она желает, чтобы они благоприятствовали ей, и это желание представляет своего рода молитву.

Она как бы обращается к солнцу; и так как она думает, что, освещая и согревая ее, оно имеет умысел освещать и согревать ее, то она молит его продолжать освещать и согревать ее. Она обращается к деревьям и просит у них плодов, не сомневаясь в том, что от них зависит носить или не носить плоды; одним словом, она обращается ко всем вещам, от которых, как ей кажется, она зависит.

Если она терпит страдания, не находя причины их в действующих на ее чувства вещах, то она обращается к страданию как к невидимому врагу, с которым нужно заключить мир. Таким образом вселенная заполняется видимыми и невидимыми существами, которых она молит заботиться о ее благополучии.

Таковы ее первые идеи, когда она начинает размышлять о своей зависимости. При других обстоятельствах она составит себе аналогичные другие суждения, впадая при этом в новые ошибки. В другом месте я показал, к каким заблуждениям приводит

§ 2. Суеверия, вытекающие из этого предрассудка

«Traité des Systèmes», глава о гаданиях.

суеверие; но я предпочитаю отослать читателя к трудам просвещенных философов, где он сможет узнать, к каким открытиям способно привести по этому вопросу разумное исследование.

Глава V

О НЕДОСТОВЕРНОСТИ НАШИХ СУЖДЕНИЙ НАСЧЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧУВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ

§ 1. *Наши суждения о существовании чувственных качеств могут быть ассолютно ложными*

Предположим, что наша статуя начинает вспоминать, что она сама была звуком, вкусом, запахом, цветом; она знает, сколько труда ей стоило привыкнуть относить эти ощущения во-вне. Но существуют ли звуки, вкусы, запахи, цвета в предметах? Кто может убедить ее в этом? Разумеется, ни слух, ни обоняние, ни чувство вкуса, ни зрение. Сама по себе эти чувства могут сообщить ей лишь сведения об испытываемых ею модификациях. Первоначально она ощущала в испытываемых ими впечатлениях лишь свое собственное существо, и если теперь они дают ей ощущать их в тела, то потому, что они усвоили привычку судить на основании свидетельства осязания. Существует ли по крайней мере протяжение? Но что воспринимает наша статуя, испытывая ощущение осязания, если опять-таки не свои собственные модификации? Таким образом на осязание нельзя полагаться более, чем на другие чувства, и так как мы знаем, что звуки, вкусы, запахи и цвета не существуют в предметах, то возможно, что и протяжение не существует в них¹.

¹ Может быть скажут, что если не существует протяжения, то не существует и тел. Но я не утверждаю, что протяжения не существует, я говорю только, что мы воспринимаем его лишь в наших собственных ощущениях, откуда следует, что мы не видим тел в них самих. Возможно, что они протяженные и даже обладают вкусами, звуками, цветами, запахами, но возможно, что в них нет ничего подобного. Я не защищаю ни одного из этих тезисов, и я ожидаю, чтобы доказали, что тела суть то, чем они нам кажутся, или что они суть нечто другое.

Поэтому если бы не существовало протяжения, то это не было бы основанием отрицать существование тел. Все, что можно и что следует логически заключить,—это то, что тела,

Статуя не ограничится вероятно этими сомнениями. Возможно, что суждения, к которым она привыкла, не допускают возникновения их у нее. Однако она должна быть более склонна к ним, чем мы, ибо она знает лучше нас, как она научилась видеть, слышать, обонять, вкушать, осязать. Как бы то ни было, для нее нет никакой пользы обладать по этому вопросу большей достоверностью. Видимости чувственных качеств достаточно, чтобы вызвать у нее желания руководить ее поведением, способствовать ее счастью или несчастью, а ее зависимость от предметов, к которым она должна относить эти качества, не позволяет ей сомневаться в том, что вне нее существуют вещи (*êtres*). Но какова природа этих вещей? Она не знает этого, да и мы тоже не знаем этого. Все, что мы знаем, это что мы называем их телами.

Г л а в а VI

СООБРАЖЕНИЯ ОБ АБСТРАКТНЫХ И ОБЩИХ ИДЕЯХ, КОТОРЫЕ МОЖЕТ ПРИОБРЕСТИ ЧЕЛОВЕК, ЖИВУЩИЙ ВНЕ ВСЯКОГО ОБЩЕСТВА

Изложенная нами история образования знаний у нашей статуи убедительно показывает, как она распределяет вещи по различным классам в зависимости от их отношений к ее потребностям и следовательно каким образом она составляет себе абстрактные и

суть вещи, вызывающие в нас ощущения и обладающие свойствами, относительно которых мы ничего не можем сказать.

Но, возразит настойчивый читатель, Писание говорит, что тела протяженны, а с вашей точки зрения вещь эта по меньшей мере сомнительна.

Если принять это, то значит Писание делает достоверным то, что сомнительно с точки зрения философии, и всякое противоречие тем самым устраивается. В подобных случаях философ должен сомневаться, когда он вопрошают свой разум, и должен верить, когда откровение просвещает его. Но Писание не говорит решительно ничего по этому вопросу. Оно предполагает тела протяженными, подобно тому как оно предполагает их обладающими цветами, звуками и т. д., и несомненно это один из тех вопросов, которые бог пожелал представить философам для препирательств.

общие понятия. Но чтобы лучше понять природу ее идей, важно остановиться еще на некоторых подробностях.

У нее нет ни одной общей идеи, которая не была бы раньше частной. Так например общая идея апельсина была первоначально просто идеей такого-то определенного апельсина.

Частная идея об имеющемся налицо предмете сводится к совокупности нескольких показывающихся одновременно качеств. Идея такого-то определенного апельсина сводится к цвету, форме, вкусу, запаху, твердости, весу и т. д.

Эта частная идея в случае отсутствующего предмета заключается в воспоминании, остающемся от того, что мы узнали при помощи зрения, вкуса, обоняния и т. д. Закройте глаза; идея света есть воспоминание о впечатлении, которое вы раньше испытали. Не касайтесь ничего; идея твердости есть воспоминание о сопротивлении, испытанном вами раньше при обращении с телами и т. д.

Станем последовательно, один за другим, заменять наш первый апельсин несколькими другими, похожими на него. Наша статуя будет думать, что она видит тот же самый апельсин, и она будет иметь по этому вопросу лишь частную идею.

Если она увидит одновременно два апельсина, то она тотчас же узнает в каждом из них ту же самую частную идею, и эта идея станет моделью, с которой она будет их сравнивать и которой, как ей кажется, они оба соответствуют. Таким образом она найдет, что эта идея свойственна трем, четырем апельсинам, и она сделает ее столь общей, сколь она может быть для нее.

Частная идея лошади и частная идея птицы тоже станут общими, если обстоятельства побудят ее сравнить несколько лошадей и несколько птиц. То же самое относится ко всем материальным предметам.

Так как статуя не пользуется никакими знаками, то она не в состоянии методически классифицировать своих идей и следовательно сделать их столь общими, как мы делаем свои идеи. Но, с другой сто-

§ 1. У статуи нет ни одной общей идеи, которая не была бы раньше частной

§ 2. В чем заключается ее идея об имеющемся налицо предмете

§ 3. Об отсутствующем предмете

§ 4. Как ее идеи становятся из частных общими

роны, она не может не иметь абсолютно никаких общих идей. Если бы не умеющий еще говорить ребенок не имел идей, достаточно общих, чтобы быть свойственными по крайней мере двум или трем особям, то его никогда нельзя было бы научить говорить, ибо начать говорить на каком-нибудь языке можно лишь потому, что до этого мы имеем нечто сказать, имеем общие идеи; всякое предложение содержит в себе необходимым образом такие общие идеи.

Обладая общими понятиями апельсина, лошади, птицы, наша статуя станет отличать их друг от друга на том же основании, на котором она отличает апельсин от птицы, а птицу от лошади. Поэтому она отнесет каждую из этих особей к общей модели, идею которой она себе составила, т. е. к классу, к виду, к которому относится эта модель.

Но подобно тому как модель, соответствующая нескольким особям, представляет общую идею, так и две, три модели, к которым мы относим совершенно различные особи, представляют различные классы, или, выражаясь языком философов, различные виды общих понятий.

Взглянув на какую-нибудь равнину, наша статуя замечает множество деревьев, между которыми она не находит еще никакого различия. Она видит лишь то, что у них есть общего; она видит, что каждое из них имеет ветви, листья и что они не двигаются с места, где они растут. Такова модель общей идеи дерева.

Затем она переходит от одних деревьев к другим: она наблюдает различие плодов их; она составляет себе модели, на основании которых она станет различать столько же сортов деревьев, сколько она заметит видов плодов; и все это идеи менее общие, чем первая.

Таким же образом она составит себе общую идею животного, если она заметит в отдалении несколько животных, разница между которыми ускользает еще от нее: и она разобьет их на несколько видов, когда она сможет увидеть, в чем они отличаются друг от друга.

§ 5. Как она спускается от какой-нибудь общей идеи к менее общим идеям

§ 6. Она тем более обобщает, чем смутнее она видит

Таким образом она тем более обобщает, чем смутнее она видит; и она составляет себе тем менее общие понятия, чем больше различий она открывает в вещах. Это объясняет, почему ей так легко составлять себе общие идеи¹.

Так например сперва все яблоки кажутся ей соответствующими одной и той же модели. Но в дальнейшем она замечает, что не у всех их одинаково приятный вкус. Тогда желание получить удовольствие и боязнь испытать неприятное чувство заставляют ее сравнивать их под углом зрения тех отношений, которые она может открыть в них. Она привыкает отличать их по виду, запаху, осязанию; она составляет себе из них различные модели, способные руководить ее выбором, и она разбивает их на столько классов, сколько она замечает в них различий.

Что касается предметов, которые не интересуют ее ни с точки зрения удовольствия, ни с точки зрения неприятных ощущений, то они остаются слитыми в одной массе, и она не приобретает о них никаких познаний.

Достаточно поразмыслить о себе самих, чтобы убедиться в истинности этого. Все люди обладают одними и теми же ощущениями, но человек из простонародья, занятый тяжелым трудом, светский человек, весь отдавшийся пустым вещам, и философ, с его потребностью изучения природы, различно реагируют на одни и те же удовольствия и на одни и те же неприятности. Поэтому из одних и тех же ощущений они извлекают совершенно различные знания.

Вот в каком порядке наша статуя составляет себе идеи вида. Сперва она замечает лишь наиболее бросающиеся в глаза различия, приобретая таким образом очень общие, но немногочисленные идеи.

¹ Таким образом в основе деления вещей на различные виды лежит несовершенство нашего способа видеть. Следовательно, оно не коренится в природе вещей, и философы заблуждались, желая определить сущность каждого вида вещей. Между тем это было во все времена предметом их исследований. Это заблуждение объясняется их убеждением, будто наши идеи были запечатлены в нас богом, который до того, как дать их нам, несомненно должен был считаться с природой вещей.

§ 7. Предметы, о которых она не приобретает никаких познаний

§ 8. В каком порядке она составляет себе идеи вида

Если ее внимание особенно поражает ощущение цвета, то он составит лишь один класс из нескольких видов цветков; если же размеры вещей, то небольшой заяц и кошка составят для нее лишь один вид животных.

Если затем под влиянием потребностей ей представится случай рассматривать предметы со стороны других качеств, то она образует виды, подчиненные первым. Из одного общего понятия образуется несколько других, менее общих.

Таким образом она переходит сразу от частных идей к более общим, с которых она спускается к менее общим, по мере того как она замечает различия между вещами. Так, ребенок, назвав золотом все, что желто, приобретает затем идеи меди, томпака и образует из одной общей идеи несколько других, менее общих.

Генезис этих идей показывает, что они представляют нашей статус лишь различным образом комбинированные качества. Так например она замечает соединенными во всем, до чего она дотрогивается, твердость, протяжение, делимость, фигуру, подвижность и т. д. и благодаря этому приобретает идею тела. Но если бы у нее спросили, что такое тело, то в виде ответа она показала бы на какое-нибудь тело и сказала: *вот это*, т. е. то, где вы найдете одновременно твердость, протяжение, делимость, фигуру и т. д.

Какой-нибудь философ мог бы ответить таким образом: *это—существо, протяженная, твердая и т. д. субстанция*. Если сравнить эти два ответа, то легко убедиться, что философ знает природу тела не лучше ее. Его единственное преимущество, если только это преимущество, заключается в том, что он сочинил себе язык, кажущийся ученым лишь потому, что он недоступен всем людям, ибо по сути дела слова: *существо, субстанция* не означают ничего другого, чем слово *это*.

Отсюда следует, что ее идеи о чувственно-материальных предметах смутны, ибо я называю смутной всякую идею, не представляющую отчетливым обра-

§ 9. Ее познание природы вещей

§ 10. Общее ей с философами

§ 11. Ее идеи о предметах смутны

зом все качества своего предмета. Но не существует ни одного тела, относительно которого она обладала бы столь совершенными знаниями; она видит в них лишь те свойства, которые она имеет случай заметить в них под влиянием своих потребностей. При большей проницательности она могла бы открыть в них большее число свойств, а если бы она могла проникнуть до природы вещей, то она не нашла бы двух вполне сходных предметов. Если же она находит, что некоторые из них не отличаются друг от друга, то лишь потому, что она видит их смутным образом.

Что касается ее абстрактных понятий, то они бывают либо смутными, либо отчетливыми

Она знает например достаточно хорошо какой-нибудь звук, чтобы уметь отличить его от запаха, вкуса или всякого другого звука, но он кажется ей простым, хотя в действительности он множествен¹. Несколько цветов, смешанных между собою, производят на нее впечатление одного цвета. То же самое относится ко всем чувственным впечатлениям. Таким образом она не различает всего того, что они заключают в себе; еще тем менее она способна найти все причины, порождающие какое-нибудь ощущение. Словом, она обладает по этому вопросу лишь очень смутными понятиями.

Но эти самые ощущения вызывают в ней идеи величины и фигуры, и если она не может сказать, каковы в точности величина и фигура тел, ни определить в точности их взаимные отношения, то все же она знает, каким образом какая-нибудь величина может быть вдвое больше или меньше другой величины, и она отлично знает, что такое линия, треугольник, квадрат. Таким образом в этих случаях она обладает отчетливыми идеями. Для этого достаточно, чтобы она рассматривала величины, отвлекаясь от предметов.

¹ Это очевидно по отношению к шуму и не менее достоверно по отношению к гармоническим звукам, ибо замечено, что нет ни одного гармонического звука, который не был бы тройным.

§ 12. Абстрактные идеи бывают двух видов.

Одни смутные

Другие отчетливые

Из этих двух сортов идей получаются два сорта истин. Когда наша статуя утверждает, что некоторое тело треугольно, то она высказывает суждение, которое может стать ложным, ибо это тело может изменить свою форму; но когда она утверждает, что треугольник имеет три стороны, то ее суждение истинно и будет всегда таковым, ибо три стороны определяют идею треугольника. Таким образом она обладает истинами, изменяющимися или способными изменяться всякий раз, когда она захочет судить о том, что суть вещи в самих себе; наоборот, она обладает неизменными истинами, всякий раз, когда она ограничивается суждением об отчетливых и абстрактных истинах, составляемых ею о величинах.

Таким образом благодаря одним лишь чувствам она обладает познаниями всякого рода.

Глава VII

ОБ ОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ, НАЙДЕННОМ В ЛИТОВСКИХ ЛЕСАХ

Как мы сказали, наша статуя могла бы оказаться столь занятой заботой о своем пропитании, что она неспособна была бы уделить ни минуты времени для изучения предметов, вызывавших в ней любопытство до того, как она получила орган вкуса. Так как она жила бы лишь для того, чтобы удовлетворить эту настоятельную потребность, то удовольствия, порождаемые другими чувствами, не привлекали бы к себе ее внимания, она не замечала бы больше предметов, которые могли бы вызвать их. Потеряв способность удивляться, утратив любопытство, она перестала бы размышлять над тем, что она узнала, она вскоре потеряла бы часть своих знаний, она забыла бы, каким образом она научилась тому, что она еще знает, и она не сомневалась бы в том, что она всегда обоняла, слышала, видела и осязала так, как она обоняет, слышит, видит и осязает теперь. Отдавшись целиком поискам пищи, очень редкой, как я это предположу, она вела бы чисто животную жизнь. Если бы она почувствовала голод, то она

§ 13. Она знает двух сортов истины

§ 1. Обстоятельства, при которых потребность в пище усугубляет все душевные потребности

стала бы двигаться и идти туда, где, как она помнит, она находила в прошлом пищу. Если бы голод ее был удовлетворен, то отдых стал бы самой настоящей ее потребностью, и она осталась бы там, где она находилась, она заснула бы.

При подобных обстоятельствах потребность в пище усыпляет в известных отношениях ее душевые способности, привлекая к себе всю активность их. Весьма вероятно даже, что, вместо того чтобы вести себя на основании своих собственных соображений, она стала бы учиться этому у животных, к которым более или менее привыкла бы. Она ходила бы так, как они ходят, она подражала бы их крикам, жевала бы траву или пожирала бы тех из них, для поимки которых у нее хватало бы сил. Мы так склонны к подражанию, что на ее месте даже такой великан мысли, как Декарт, не научился бы ходить на ногах; все, что он видел бы, отвращало бы его от этого.

Такова была вероятно судьба одного десятилетнего ребенка, который жил среди медведей и которого нашли в 1694 г. в лесах на границе между Литвой и Россией. Он не обнаруживал никаких признаков разума, ходил на четвереньках, не умел говорить, а издавал звуки, ни в чем не похожие на человеческие. Прошло немало времени, прежде чем он научился произносить несколько слов, и то каким-то очень варварским образом. Когда он научился говорить, его расспрашивали о его прежнем состоянии, но он помнил об этом так же мало, как мы помним то, что было с нами в колыбели.

Когда утверждают, что этот ребенок не обнаруживал никаких признаков разума, то это не значит вовсе, что он рассуждал недостаточным для своего самосохранения образом; говоря это, имают в виду, что его мысль, обращенная до тех пор необходимым образом к этой единственной цели, не имела случая заинтересоваться теми предметами, которыми занимаемся мы. Он не обладал ни одной из тех идей, которые приобрела наша статуя, когда она познакомилась с другими потребностями, кроме потребности в пищи; он был лишен всех тех знаний, которы-

§ 2. Ребенок, найденный в литовских лесах

§ 3. Почему утверждают, что он не обнаруживал никаких признаков разума

ми люди обязаны взаимному общению. Одним словом, он казался лишенным разума не потому, что он абсолютно не имел его, но потому, что он имел его меньше, чем мы.

Иногда наше самосознание, т. е. чувство того, что происходит в нас, разделяемое между множеством восприятий, действующих на нас с почти одинаковой силой, столь слабо, что у нас не остается никакого воспоминания о том, что мы пережили. Мы тогда едва ощущаем, что мы существуем; дни могут тогда протекать, как минуты, причем мы не замечаем различия между ними, и мы можем испытывать тысячи раз одно и то же ощущение, не замечая того, что мы уже испытывали его. Человек, приобретший множество идей и привыкший к ним, не может оставаться долго в такого рода летаргии. Чем больше запас его идей, тем больше мы имеем оснований думать, что какая-нибудь из них проснется, привлечет к себе особым образом его внимание и выведет его из этого оцепенения. У нашего мальчика не было этого ресурса. Его дремавшие способности могли быть пробуждены лишь потребностью в пище, и его жизнь походила на сон, прерываемый только сновидениями. Неудивительно поэтому, что он забыл свое прежнее состояние.

Впрочем мало вероятно, чтобы он окончательно забыл его. Если бы по истечении нескольких дней его вернули обратно в леса, где его нашли, то он несомненно узнал бы места, где он жил, и вспомнил бы пищу, которой он питался, а также средства, которыми он пользовался для добывания ее; ему не нужно было бы вторично учиться всем этим вещам; но воспоминание о них было стерто новыми идеями и особенно долгим промежутком времени между моментом, когда его нашли, и моментом, когда он оказался в состоянии отвечать на задаваемые ему вопросы. Тем не менее, чтобы лучше убедиться в этом, нужно было бы отвести его обратно в леса, где его нашли. Хотя он не помнил этих мест, когда ему говорили о них, может быть он узнал бы их, если бы он их увидел.

§ 4. Почему он забыл свое прежнее состояние

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ВСПОМНИЛ БЫ, ЧТО ОН СТАЛ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СВОИМИ ЧУВСТВАМИ

Если предположить, что наша статуя помнит, в каком порядке она стала пользоваться своими чувствами, то достаточно было бы заставить ее поразмыслить над самой собою, чтобы выяснить доказанные нами главные истины.

Что я такое, сказала бы она, и чем я была? Что такое эти звуки, запахи, вкусы, цвета, которые я принимала последовательно за свои собственные модификации и которые, как это кажется мне теперь, переходят от меня к предметам? Что такое это протяжение, которое я открываю в себе и далее себя без всяких границ? Неужели все это различные способы ощущать себя? До того, как я получила зрение, я не знала небесного пространства; до того, как я научилась пользоваться своими членами, я не знала, что вне меня существует нечто. Мало того, я не знала, что я протяжна; я была лишь точкой, когда я сводилась к какому-то однообразному ощущению. Что же представляет собой этот последовательный ряд ощущений, сделавший меня тем, что я есть, и создавший может быть то, чем является по отношению ко мне все окружающее меня?

Я ощущаю лишь себя, и именно то, что я ощущаю в себе, я вижу во-вне или, правильнее — я не вижу во-вне, но я составила себе привычку из некоторых суждений, переносящих мои ощущения туда, где они вовсе не находятся.

В первый момент своего существования я не знала вовсе того, что происходит во мне; я не разбирала еще здесь ничего, я не имела никакого самосознания; я существовала, но без всяких желаний, не испытывая никакого страха; я едва наслаждалась собою, и если бы я продолжала существовать таким образом, то я никогда бы не предположила, что мое существование может занимать два мгновения.

Но вот я испытываю последовательно несколько

*§ 1. Статуя сразу
нравит состояние,
в котором она на-
ходится, с состоя-
нием, в котором
она находилась,
когда она не знала
ничего вне себя*

ощущений. Они занимают мою способность ощущения в соответствии с интенсивностью сопровождающих их удовольствий или страданий. Благодаря этому они сохраняются в моей памяти, когда они уже не ощущаются моим органом. Так как мое внимание разделяется между ними, то я начинаю их сравнивать, я сужу об их отношениях, я составляю себе абстрактные идеи, я узнаю общие истины.

Тогда вся та активность, на которую я способна, устремляется на особенно понравившиеся мне модификации; я испытываю потребности, я образую желания, я люблю, я ненавижу, я надеюсь, я боюсь, я имею страсти, и моя послушная память обнаруживает иногда такую яркость, что я воображаю себе, будто испытываю ощущения, которые в действительности я только вспоминаю.

Удивленная тем, что происходит во мне, я начинаю наблюдать себя еще более внимательным образом. Каждое мгновение я чувствую, что я уже не то, чем я была. Мне кажется, что я перестаю быть собою, чтобы стать каким-то другим я. Наслаждаться и страдать — вот к чему сводится по очереди мое существование; и на основании последовательной смены моих модификаций я замечаю, что я длюсь. Таким образом для этого нужно было, чтобы мое я изменилось каждое мгновение с риском превратиться часто в другое я, в котором мне больно очутиться.

Чем более я сравниваю свои модификации, тем более я чувствую удовольствие и страдание от них. Удовольствие и страдание продолжают взапуски привлекать к себе мое внимание; оба они развивают все мои способности; я приобретаю привычки лишь потому, что я подчиняюсь им, и я живу лишь для того, чтобы желать или страшиться.

Но вскоре я начинаю существовать одновременно несколькими способами. Привыкнув замечать их, когда они следуют друг за другом, я начинаю замечать их также тогда, когда я их испытываю одновременно, и мое существование кажется мне умножающимся в одно и то же мгновение.

Но вот я дотрогиваюсь руками до себя самой, я до-

г 2. Она вспоминает, каким образом она открыла свое тело и другие предметы

трягиваюсь ими до того, что окружает меня. Тотчас же новое ощущение как бы придает плотность всем моим модификациям. Под моими руками все приобретает твердость. Удивленная этим новым ощущением, я еще более удивляюсь тому, что не нахожу себя во всем том, до чего я дотрагиваюсь. Я ищу себя там, где меня нет; мне кажется, что лишь одна я имела право существовать и что все то, что я встречаю, образуясь за счет моего существа, открывается мне лишь для того, чтобы ввести меня во все более узкие границы. Действительно, чем становлюсь я, сравнивая точку, в которой я нахожусь, с пространством, заполняемым этой массой предметов, которые я открываю?

С этой минуты мне начинает казаться, что мои модификации перестают принадлежать мне; я составляю из них совокупности вне себя; я образую из них все предметы, с которыми я знакомлюсь. От идей, требующих менее сравнений, я поднимаюсь до идей, которые я приобретаю лишь в результате работы комбинирования. Я перевожу свое внимание с одного предмета на другой и, собирая в понятии, образуемом мной о каждом из них, замечаемые мною в нем идеи и отношения, я начинаю размышлять над ними.

Если первоначально я двигалась из одного лишь желания двигаться, то теперь я вскоре начинаю двигаться в надежде встретить новые удовольствия и, ставши способной к любопытству, я непрерывно переходжу от страха к надежде, от движения к покою. Иногда я забываю то, что я вытерпела, иногда же я принимаю предосторожность против угрожающих мне бедствий. Наконец удовольствие и страдание, единственные принципы моих желаний, научают меня вести себя в пространстве и составлять себе по всякому поводу новые идеи.

Могла ли бы я иметь другие способности, кроме способностей двигаться и манипулировать телами? Я не думала этого, ибо я совершенно забыла, чем я была. И каково же было мое изумление, когда я снова нашла себя звуком, вкусом, запахом, светом и цветом! Вскоре мне начинает казаться, что я под-

§ 3. Она вспоминает, каким образом осязание обувило другие чувства

далась иллюзии, которую, кажется, рассеивает осязание. Я умозаключаю, что все эти модификации получены мною от тел, и я настолько привыкаю ощущать их как бы находящимися в действительности в них, что мне трудно думать, что они не принадлежат им.

Что проще способа, каким я научилась пользоваться своими чувствами!

Я открываю глаза для света и сперва я вижу лишь светлое и окрашенное в цвета облако. Я ощупываю, подвигаюсь вперед, снова ощупываю; незаметно на моих глазах хаос начинает рассеиваться, осязание как бы разлагает свет; оно отделяет друг от друга цвета, распределяет их по предметам, открывает освещенное пространство, а в этом пространстве величины и фигуры, направляет мои глаза до известного расстояния, открывает им путь, по которому они должны устремляться вдаль по земле и подняться затем до неба; словом, оно развертывает перед ними вселенную. Тогда они как будто начинают развиться в бесконечном пространстве; они манипулируют предметами, до которых не может добраться осязание; они измеряют их и, пробегая их с поразительной быстротой, как бы сообщают или отнимают по моему желанию существование у всей природы. Одним движением своих ресниц я творю или уничтожаю все окружающее меня.

В те времена, когда я не пользовалась еще этим чувством, могла ли бы я представить себе, каким образом, не покидая места, я могу узнать то, до чего не простирается моя рука? Какую идею составила бы я себе об органе, схватывающем на таком огромном расстоянии формы и величины. Рука ли это, вытягивающаяся необычайным образом и добирающаяся до них, или же они приближаются к нему? Почему он может переступать известные тела и в то же время останавливается перед другими телами? Каким образом он дотрагивается в зеркале вод до тех самых предметов, до которых он дотрагивается вне их? Иллюзия ли это, или действительно вся природа здесь удваивается?

Мне кажется, что с каждым изучаемым мною предметом я составляю себе новый способ видеть и доставляю себе новое удовольствие. Здесь расстилается передо мной обширная, однообразная равнина, где мое зрение, перешагнув через все находящееся вблизи меня, устремляется на неопределенно далекое расстояние, теряясь в поражающем меня пространстве. Там — пересеченная и более ограниченная местность, где мои глаза, отдохнув на каждом предмете, обнимают более четкую и более разнообразную картину. Ковры из зелени, рощи цветов, лесные массивы, куда едва проникает солнце, медленно текущие или стремительные ручьи украшают этот пейзаж, как будто одушевленный светом, проливающим на него тысячи различных цветов. Я застываю при этом зрелище, где все привлекает мои взоры. Если же я их отворачиваю, то я не знаю, на чем я должна остановить их, — на предметах ли, которые я только что открыла, или снова на тех, которые я только что покинула. Я перевожу их беспокойно с одних на другие, и чем лучше я различаю все испытанные мною ощущения, тем большее удовольствие я испытываю от того, чтобы смотреть.

Охваченная любопытством, я торопливо пробегаю места, первый вид которых меня восхитил, и я с удовольствием узнаю по слуху, по запаху, вкусу и осязанию предметы, поражающие со всех сторон мое зрение. Все мои ощущения как бы боятся отставать одно от другого. Разнообразие и ярость, окраски цветов соперничают с их ароматом; птицы кажутся мне более чудесными по своей форме, своим движениям и оперению, чем по своему пению. И что такое ропот ручьев по сравнению с их течением, их каскадами и их зеркальным блеском!

Таково чувство зрения. Получив только первые уроки у осязания, оно начинает рассеивать сокровища природе; оно расточает их, чтобы украсить места, открываемые ему его руководителем, и оно превращает небеса и землю в волшебное зрелище, все великолепие которого почерпнуто в действительности из его собственных ощущений.

§ 4. Она вспоминает, что удовольствия и страдания были первым движателем ее способностей

Чем же была бы я, если бы, всегда сосредоточенная в себе, я не умела вынести своих модификаций вне себя? Но лишь только осязание приступает к обучению других моих чувств, как я начинаю замечать вне себя предметы, привлекающие мое внимание, благодаря доставляемым ими мне удовольствиям или страданиям. Я сравниваю их между собою, я сужу о них, я испытываю потребность отыскивать их или избегать их; я желаю их, люблю их, ненавижу их, боюсь их; каждый день я приобретаю новые знания, и все окружающее меня становится орудием моей памяти, моего воображения и всех моих душевных операций.

Почему суждено мне встречать препятствия для своих желаний? Почему за моментами счастья должны следовать страдания? Но что за странные вопросы! Разве я могла бы наслаждаться предоставленными мне благами, если бы мне не приходилось никогда одерживать побед? Разве я могла бы наслаждаться ими, если бы я не узнала цены их благодаря тем бедствиям, на которые я жалуюсь? Сами несчастья содействуют моему счастью, и максимальное наслаждение благами имеет своим источником яркое представление о бедствиях, с которыми я их сравниваю. Поочередной смене тех и других я обязана всеми своими знаниями, обязана всем тем, что я есть.

Отсюда вытекают мои потребности, мои желания и различные интересы, являющиеся движущей силой моих поступков. Словом, я изучаю вещи лишь постолку, поскольку, как мне кажется, я нахожу в них удовольствия, к которым надо стремиться, или страдания, которых надо избегать. Вот свет, освещающий все предметы в соответствии с их отношениями ко мне; он освещает их с различных сторон, заставляя меня распределять их по различным классам, а те из них, которые недоступны его лучам, погребены во мраке, где я не могу открыть их.

Я изучаю плоды и все, пригодное для моего пропитания; я отыскиваю средства добить их; я изучаю животных; я наблюдаю тех из них, которые могут

повредить мне; я приучаюсь спасаться от их ударов; наконец я изучаю все, что задевает мое любопытство; в соответствии со своими страстями я составляю себе правила для суждения о хорошести и красоте вещей. Иногда я принимаю предосторожности, которые я считаю необходимыми для своего благополучия, иногда же я призываю сами предметы стараться об этом, и мне кажется, что я окружена одними лишь дружественными или враждебными существами.

Наученная опытом, я анализирую, я обдумываю до того, как действовать. Я уже не повинуюсь слепо своим страстям, я сопротивляюсь им, я веду себя согласно приобретенным мною знаниям, я свободна и я лучше пользуюсь своей свободой, по мере того как я приобретаю больше знаний.

§ 5. Она размышляет над суждениями, к которым она приобрела привычку

Но какова достоверность этих знаний? Ведь я вижу только себя, я наслаждаюсь только собой, ибо я вижу лишь свои модификации, они есть моя единственная собственность, и если привычные суждения понуждают меня думать, что существуют чувственные качества вне меня, то они этого не могут доказать мне. Следовательно, я могла бы быть такой, какова я есть, обладать теми же самыми потребностями, желаниями, страстями, хотя бы предметы, к которым я стремлюсь или которых я избегаю, не обладали ни одним из этих качеств. Действительно, без осязания я считала бы всегда запахи, вкусы, цвета и звуки принадлежащими мне, я никогда не думала бы, что существуют испускающие запах, издающие звуки, окрашенные в цвета, обладающие вкусом тела. Где же могла бы я почерпнуть уверенность в том, что я не ошибаюсь, когда я утверждаю, что существует протяжение?

Но для меня неважно достоверно знать, существуют ли или не существуют эти вещи. Я обладаю приятными или неприятными ощущениями; они действуют на меня так, как если бы они выражали качества самих предметов, которым я склонна приписывать их, и этого достаточно для моего самосохранения. В действительности образуемые мною идеи о чув-

ственных вещах смутны, и я лишь несовершенным образом отмечаю отношение их. Но достаточно мне сделать несколько абстракций, чтобы получить четкие идеи и заметить более точные отношения. Тотчас же я начинаю находить двух сортов истины: одни из них могут перестать существовать, другие же были, суть и будут всегда.

Но если я знаю несовершенным образом внешние предметы, то не лучше я знаю самое себя. Я вижу, что я состою из органов, способных получать различные впечатления, я вижу, что я окружена предметами, действующими каждый по-своему на меня; наконец в удовольствии и страдании, постоянно сопровождающих испытываемые мною ощущения, я, как мне кажется, нахожу принцип своей жизни и всех своих способностей.

Но разве это я, облекающееся в цвета для моих глаз, приобретающее твердость под моими руками, знает себя настолько лучше, что оно может теперь считать принадлежащими ему все части этого тела, которыми оно интересуется и в которых, как ей кажется, она существует? Я знаю, что они принадлежат мне, хотя и не могу понять этого; я вижу себя, я осознаю себя, одним словом, я ощущаю себя, но я не знаю, что я такое, и если я раньше считала себя звуком, вкусом, цветом, запахом, то теперь я уже не знаю, чем я должна считать себя.

Глава IX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не можем применить к себе всех сделанных мною предположений. Но они доказывают во всяком случае, что все наши знания происходят от чувств и в частности от осознания, ибо именно оно обучает другие чувства. Если наша статуя, у которой мы предположили наличие одних только ощущений, приобрела частные и общие идеи и стала способной выполнять все умственные операции; если у нее образовались желания и возникли страсти, которым она повинуется или сопротивляется; наконец если

§ 6. Она размышляет о своем неизвестном себе самой

§ 1. В естественном порядке все происходит от ощущений

удовольствие и страдание являются единственным принципом развития ее способностей, то рационально умозаключить, что и мы первоначально обладали лишь ощущениями и что наши знания и наши страсти являются лишь результатом удовольствий и страданий, сопровождающих чувственные впечатления.

Действительно, чем больше размышляешь над этим, тем больше убеждаешься в том, что это единственный источник нашей умственной жизни и жизни наших чувств. Станем следить за первой, и мы заметим, как мы начинаем наслаждаться новой жизнью, резко отличающейся от той, которую доставляли раньше животные, если я осмелюсь так выразиться, ощущения. Станем следить за жизнью чувств, станем наблюдать ее в особенности тогда, когда она начинает обогащаться всеми суждениями, которые мы привыкли сливать с чувственными впечатлениями, и мы увидим, как из этих ощущений, представлявших первоначально лишь немногочисленные и грубые удовольствия, возникают утонченные удовольствия, сменяющие друг друга с поразительным разнообразием. Таким образом, чем более мы станем удаляться от того, чем были первоначально ощущения, тем более начнет развиваться и разнообразиться жизнь нашего существа; она охватит столько вещей, что нам трудно будет понять, каким образом общим принципом всех наших способностей может быть ощущение.

§ 2. Этот источник неодинаково обижен для всех людей

До тех пор "пока люди продолжают видеть в чувственных впечатлениях лишь ощущения, к которым они сумели примешать только немногие суждения, жизнь каждого из них приблизительно похожа на жизнь всякого другого; разница имеется лишь в степени интенсивности переживаемых ими ощущений. Опыт и размышление станут для них тем, чем является резец в руках ваятеля, извлекающего совершенную статую из бесформенной глыбы; и в зависимости от искусства, с каким они станут пользоваться этим резцом, они увидят как из их ощущений получаются новые знания и новые удовольствия.

Если мы станем наблюдать их, то мы увидим, что эти материалы или обрабатываются, или остаются необработанными, а рассматривая различия между людьми, мы будем поражены тем, насколько интенсивнее за один и тот же промежуток времени живут одни люди, чем другие, ибо жить это значит собственно наслаждаться, и жизнь длиннее для тех, кто умеет умножать предметы своего наслаждения.

Мы видели, что наслаждение может начаться с первого приятного ощущения. Так например наша статуя, получив зрение, наслаждается уже в первый момент, хотя бы глаза ее увидели только черный цвет, ибо не следует судить о ее удовольствиях на основании наших. Некоторые ощущения для нас безразличны или даже неприятны либо потому, что они не представляют ничего нового для нас, либо потому, что мы знаем более яркие ощущения. Но ее положение совершенно иное, и она может переживать восторги, испытывая ощущения, которых мы не удостоиваем внимания или которые даже вызывают в нас отвращение.

Станем наблюдать свет, когда осязание научает глаз наделять красками всю природу. Здесь источник множества новых ощущений, а, значит, и множества новых удовольствий, новых наслаждений.

Это рассуждение применимо ко всем другим чувствам и ко всем душевным операциям, ибо мы наслаждаемся не только благодаря зрению, слуху, вкусу, обонянию, осязанию, мы наслаждаемся также благодаря памяти, воображению размышлению, страстью, надежде, одним словом, благодаря всем нашим способностям. Но эти моменты неодинаково активны у всех людей

Деятельность наших способностей зависит от сравнения нами удовольствий и страданий, т. е. от наших потребностей. Следовательно, последним мы обязаны тем счастьем, которым мы наслаждаемся. Сколько имеется у нас потребностей, столько имеется различных наслаждений, и сколько имеется степеней в потребности, столько же имеется их в наслаждении. Здесь — зародыши всего того, чем мы являемся,

§ 3. Человек не что иное, как то, что он приобрел

источник нашего счастья или злосчастья. Таким образом единственное средство изучить себя самих заключается в том, чтобы наблюдать влияние этого принципа.

История развития способностей нашей статуи объясняет историю развития всех этих вещей. Когда статуя обладала только основным ощущением, то все ее существо, все ее знания, все ее удовольствия сводились к одному однообразному ощущению. Сообщив ей последовательно новые модификации и новые чувства, мы могли наблюдать, как у нее образуются желания, как она учится у опыта управлять ими или удовлетворять их и переходить от потребностей к потребностям, от знаний к знаниям, от удовольствий к удовольствиям. Следовательно, она не что иное, как то, что она приобрела. Почему бы не сказать того же самого и о человеке?

Конец «Трактата об ощущениях»

РАССУЖДЕНИЕ
О
СВОБОДЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наблюдения над человеком, не усвоившим еще никаких привычек, должны считаться начатками истории человеческого духа. Мне кажется, что они уничтожают в корне все метафизические системы, возникшие из предрассудков, и что они избавляют нас от труда заниматься этой грудой взглядов, которые укрывают истину, искажают ее и противоречат ей. В качестве яркой иллюстрации этого я присоединяю здесь *«Рассуждение о свободе»*. Так как нет может быть другого вопроса, по поводу которого было бы написано больше или более остроумных вещей, то он очень годится для доказательства преимуществ метода, которым мы пользовались в *«Трактате об ощущениях»*.

«РАССУЖДЕНИЕ О СВОБОДЕ»

Предположим, что наша статуя не встречает никогда препятствий для своих желаний, что она никогда не испытывает страданий, чтобы удовлетворить их, и что она наслаждается всегда тем, что может доставить ей величайшее удовольствие. В этом случае она не будет знать страха, не будет принимать никаких предосторожностей и будет без всякой тревоги подчиняться всем своим склонностям.

Если она станет испытывать одновременно несколько одинаково настоятельных потребностей, т. е. станет испытывать несколько действующих с одинаковой силой желаний, то ни одно из них не может выйти победителем. Наша статуя колеблется между несколькими предметами, не устремляясь ни к одному из них предпочтительно перед другими.

§ 1. Предположение, при котором статуя не встречает препятствий для своих желаний

§ 2. При котором ее желания находятся в равновесии

§ 3. При котором одни желания сильнее других

Но если произойдет обстоятельство, рисующее ей с особенной яркостью удовольствие от наслаждения одним из этих предметов, то беспокойство, вызываемое отсутствием этого удовольствия, станет сильнее. Это породит желание, встречающее в других желаниях тем меньше сопротивления, чем оно сильнее их, и подчиняющее их иногда с такой быстротой, что начинает казаться, будто ему не приходилось вовсе бороться с ними.

Станем чаще изменять обстановку. При каждой перемене станет брать верх какая-нибудь новая потребность, и наша статуя будет переходить от желания к желанию, не будучи никогда в состоянии остановиться. Если вчера ей нравился вкус каких-нибудь плодов, то сегодня он будет вытеснен страстью к другим плодам, чтобы завтра в свою очередь исчезнуть.

§ 4. При котором они встречают препятствия и вызывают страдания статуи

До сих пор она еще не имела случая обдумывать. Но если, предположив то, что должно случиться естественным образом, мы предоставим ее естественному ходу вещей, то она не только встретит препятствия для своих желаний, но кроме того часто не найдет никакого удовольствия в предметах, к которым стремится, а иногда даже испытает страдания, которых она не ожидала.

§ 5. Она раскаивается

При таком положении вещей она вспоминает обстановку, при которой она чувствовала себя более счастливой. Она вспоминает, что в тот момент, когда она увлекалась предметом, причиняющим ей теперь страдания, имелись другие предметы, которыми она могла наслаждаться и которые, как она знала по опыту, могли дать ей счастье. Она тотчас же умозаключает, что в ее власти было отдать им предпочтение, подобно тому как в действительности она в других случаях отдавала им это предпочтение. Тут она начинает сожалеть о них и страдает не только от бедствий, порожденных ее выбором, но и от отсутствия выгод, связанных с другим выбором. Но испытываемое ею при этом сравнении страдание, зависящее, по ее мнению, от ее неудачного выбора, одним словом, страдание, сопровождающее ее сожаления, и есть то, что мы называем *раскаянием*.

Раскаяние, которое ей приходится часто пережи- § 6. Она чувствует, что для нее важно обдумывать
вать, показывает ей, как для нее важно обдумывать, прежде чем решиться делать что-нибудь.

Таким образом, когда у нее бывает несколько § 7. Она обдумывает
желаний, то она рассматривает их с точки зрения средств для удовлетворения их, стоящих перед ней препятствий, удовольствий от наслаждения ими и страданий, которым она может подвергнуться из-за них. Она сравнивает их между собой с каждой из этих точек зрения. Размышление держит весы, и, вместо того чтобы стремиться к предмету, доставляющему ей наиболее острое удовольствие, она ищет тот предмет, у которого максимальное удовольствие соединяется с минимальным страданием и который, не давая поводов к раскаянию, может способствовать наибольшему счастью ее. Действительно, мотив, которым руководится наша статуя при обдумывании, заключается не в том, чтобы наслаждаться самыми интенсивными ощущениями, а в том, чтобы сделать выбор, не влекущий за собой сожалений.

Поэтому она перестает теперь отдавать предпочтение предмету, сулящему ей самое приятное ощущение, как это она делала тогда, когда опыт не научил ее еще бояться последствий этого. Ее стремление избежать страдания приучает ее сопротивляться своим желаниям: она обдумывает, иногда преодолевает свои страсти, останавливаясь на том, чего она желала меньше всего.

Но обдумывание возможно лишь тогда, когда страсти настолько слабы, что не мешают деятельности душевных способностей. Они могут быть иногда столь бурны, что наша статуя не обратит внимания ни на требуемые ими средства, ни на стоящие перед ней препятствия, ни на страдания, которым она подвергает себя из-за них. Она будет думать лишь об удовольствии, которого она желает, и она захочет наслаждаться им, что бы потом ни случилось. В этом случае она не станет сравнивать своего желания с другими, чтобы найти, не имеются ли иные, заслуживающие предпочтения, желания, и в результате она не станет предаваться обдумыванию.

§ 8. Она сопротивляется своим желаниям

§ 9. Только бурные страсти лишают ее способности обдумывать

§ 10. Во всех других случаях она сохраняет эту способность, полученную ею от приобретенных вида знаний

За исключением этого единственного случая она будет всегда в состоянии обдумывать. Для этого достаточно предположить, что она обладает некоторыми знаниями о предметах, между которыми она должна произвести выбор; достаточно, чтобы опыт показал ей хотя бы часть связанных с ними выгод и невыгод.

Но каковы бы ни были ее знания, она, как мы видели, обладает ими в достаточной мере, чтобы быть способной к раскаянию, иначе говоря, она обладает ими в достаточной мере, чтобы иметь повод обдумывать.

Предположим, что она находится в таком месте, где она может без всякой опасности для себя найти себе пищу. Желая достать плоды, вкус которых ей нравится больше, она переходит в другое место, где она подвергается разным опасностям. Она понимает, что только от нее зависело оставаться там, где она была раньше, как от нее же зависит вернуться туда. По возвращении на это место у нее снова пробуждается желание добыть себе эти плоды. Тогда она начинает взвешивать удовольствие от вкушения их с опасностью, которой она должна для этого подвергнуться. Она начинает обдумывать, и результатом этого обдумывания является часто победа над желанием. Таким образом ее опыт доказывает ей в тысяче случаев, что она может сопротивляться своим желаниям и что если она сделала какой-нибудь выбор, то в ее власти было не сделать его.

§ 11. В результате у нее оказывается потенциальная способность (*rouvoir*) действовать и не действовать

Таким образом нет ни одного из ее поступков, который, если она станет брать их каждый порознь, она не могла бы рассматривать как не произшедший и по отношению к которому она не смогла бы свестись к одной лишь потенциальной способности (*rouvoir*). Действительно, находясь в покое, она остается организованной так, как при ходьбе: ей нехватает ничего из того, что необходимо для ходьбы. Точно так же, когда она находится в движении, ей нехватает ничего из того, что необходимо для покоя. Это и есть потенциальная способность, заключающая в себе две идеи. Одна из них состоит в том, что не делаешь

искоторой вещи, другая — в том, что нехватает ничего необходимого, чтобы сделать ее.

Раз наша статуя сознает себя обладательницей подобной способности, она сознает себя свободной, ибо свобода есть не что иное, как способность делать то, чего не делаешь, или не делать того, что делаешь.

Но было бы нелепостью, если бы она вообразила себе, что может свестись к простой потенциальной способности по отношению к двум диаметрально противоположным поступкам, что она может например в одно и то же мгновение желать и не желать, гулять и не гулять. Выбор между этими поступками есть результат ее свободы, но она необходимым образом либо желает, либо не желает, либо гуляет, либо не гуляет.

Таким образом не следует спрашивать общим образом, обладаем ли мы способностью желать и не желать, а следует спрашивать, обладаем ли мы способностью, когда мы желаем, не желать, или, когда мы не желаем, желать.

Если не обдумываешь, то и не выбираешь, а следуешь только исходящему от предметов впечатлению. В подобном случае свобода не может иметь еще места.

Но, чтобы обдумывать, надо знать выгоды и невыгоды повиновения или сопротивления своим желаниям, и обдумывание, как мы видели, предполагает наличие опыта и знаний. Следовательно, и свобода предполагает их.

Если бы наша статуя, испытывая какую-нибудь потребность, знала лишь один предмет, способный удовлетворить ее, и не предвидела никакого вреда от наслаждения им, то она устремилась бы к нему не только без всякого обдумывания, но и не имея способности обдумать, ибо ей нечего было бы обдумывать. Следовательно, она не была бы свободной. Если опыт укажет ей на новые предметы, способные тоже удовлетворить ее, то открываемые ею в них выгоды и невыгоды дадут ей материал для обдумывания. Следовательно, она в этом случае будет иметь все необходимое для решения, устремиться ли ей к тому,

§ 12. Следовательно она свободна

§ 13. Способность, не необходимая для свободы

§ 14. Способность, составляющая свободу

§ 15. Пользование этой способностью предполагает наличие знаний

чего она первоначально желала, или не устремиться, захотеть ли его или не захотеть. Она свободна.

Таким образом знания освобождают ее мало-помалу от цепей рабства, к которым, казалось, первоначально ее приковали ее потребности. Они разбивают эти цепи, державшие ее в зависимости от предметов, и приучают ее стремиться к ним с выбором и в той мере, в какой она рассчитывает найти здесь свое счастье.

§ 16. Для наилучшего использования свободы необходимы самые точные знания

Но следует заметить, что менее точные знания, будучи необходимы для свободы лишь постольку, поскольку они пробуждают способность обдумывания, содействуют этому столько же, как и прочие знания. Поэтому если у нас имеются иногда не совсем правильные идеи, то это вовсе не уменьшает нашей свободы. Только поведение наше делается от этого менее надежным. Будем же стараться приобрести все необходимые для нашего состояния знания, чтобы наилучшим образом использовать нашу свободу. Сам бог пользуется так хорошо своей свободой лишь потому, что, зная все, он делает всегда лишь то, что более всего достойно его.

§ 17. Зависимость, не противоречащая свободе

Таким образом свобода не заключается вовсе в решениях (*déterminations*), независимых от действия предметов и от всякого влияния приобретенных нами знаний. Мы неизбежно зависим от предметов в силу беспокойства, вызываемого их отсутствием, ибо мы обладаем потребностями; мы неизбежно руководимся своим опытом при выборе того, что может быть нам полезным, ибо только опыт просвещает нас на этот счет. Если бы мы желали какую-нибудь вещь независимо от наших знаний о ней, то это значило бы, что мы ее желаем, хотя мы убеждены в том, что она может только повредить нам. Мы бы себе желали зла ради зла, что невозможно.

§ 18. В чем заключается свобода

Таким образом свобода заключается в решениях, являющихся, если предположить, что мы зависим всегда с какой-нибудь стороны от воздействия предметов, результатом обдумывания, которому мы предавались или которому мы обладали способностью предаваться.

Доверьте управление кораблем человеку, не имеющему никакого понятия о навигационной науке,— корабль станет игрушкой воли. Но искусный кормчий сумеет приостановить бег его, при одном и том же ветре он сумеет изменить курс корабля, и только со время бури руль перестанет повиноваться его руке. Вот образ и подобие человека.

Неудовлетворенность (*malaise*) представляет первоначально слабый ветерок, способный стать бешеным ураганом. Пока мы не знаем того, чего мы должны бояться, мы следуем всем капризам ее, мы повинуемся ей. Наоборот, в результате уроков опыта мы направляем свои движения, мы приостанавливаем их, мы бросаем якорь. Только бурные страсти способны отнять у нас эту власть над собой.

Конец «Рассуждения о свободе».

ОТВЕТ
НА ОДИН УПРЕК,
СДЕЛАННЫЙ МНЕ ПО
ПОВОДУ ИДЕИ
«ТРАКТАТА
ОБ ОЩУЩЕНИЯХ»

Мне было указано, что идея эта не нова, что она была изложена в *«Письме о глухонемых»*, напечатанном в 1751 г.

Я охотно готов признать, что автор этого письма предлагает в нем разложить человека, но уже задолго до того мадемуазель Ферран сообщила мне эту идею. Некоторые лица знали даже, что это было темой трактата, над которым я работал тогда, и автору *«Письма о глухонемых»* это не было неизвестно.

Однако, придя к этой идеи под влиянием собственных размышлений, он вправе был считать ее принадлежащей лично ему. «Идея, — говорит он, — взять фиктивного немого или лишить человека слова, чтобы выяснить вопрос об образовании языка, идея эта, говорю я, несколько обобщенная, побудила меня рассматривать человека, разбитого на столько различных и отдельных существ, сколько у него имеется чувств» (стр. 226).

Гораздо легче было бы объяснить это совпадение, чем ответить, почему этот вопрос не был исследован еще раньше. Ведь мысль о разложении человека должна была бы, казалось, возникнуть в уме всех метафизиков. Как бы то ни было, автор названного письма слишком богат своими собственными мыслями, чтобы его можно было заподозрить в заимствовании идей у других мыслителей. Он отличается одинаково новизной своих взглядов, тонкостью своих размышлений и оригинальностью своего стиля; и я один должен назвать себя плагиатором, — если

только присвоить себе идею, которую мне предоставили и из которой не хотели сделать никакого употребления, значит заниматься плагиатом.

Впрочем, если в своих исследованиях мы занимались почти одним и тем же предметом, то мы однако разошлись в своих рассуждениях. Чтобы облегчить читателю возможность судить об этом; я перепишу все то, что говорит по этому вопросу автор «Письма о глухонемых».

«Моя идея, — говорит он, — заключается в том, чтобы разложить, так сказать, человека и рассмотреть то, что получает он от каждого из своих чувств. Я вспоминаю, что я когда-то занимался этого рода метафизической анатомией и находил тогда, что из всех чувств зрение — самое поверхностное, слух — самое горделивое, обоняние — самое сладострастное, вкус — самое суеверное и непостоянное, осязание — самое глубокое и философское. Общество из пяти особ, каждая из которых обладала бы лишь одним чувством, было бы, по моему мнению, очень забавным обществом. Несомненно, эти люди считали бы друг друга сумасшедшими, и вы сами можете судить о правоте их. Однако это — образ того, что ежеминутно происходит в мире. Мы обладаем одним каким-нибудь чувством, а судим решительно обо всем. Впрочем по поводу этого общества из пяти особ, каждая из которых обладала бы только одним чувством, надо сделать одно любопытное замечание, а именно, что благодаря легкости, с которой они умели бы абстрагировать, они могли бы все стать математиками, чудесно понимать друга друга, но только в математике; однако я возвращаюсь... (стр. 22—25).

Вы не понимете, говорите вы (стр. 250 в начале второго письма, содержащего разъяснения к первому), каким образом при своеобразном разделении человека, разбитого на столько мыслящих частей, сколько у нас имеется чувств, могло бы случиться, что каждое чувство стало бы математиком и что между пятью чувствами образовалось бы общество, в котором говорили бы обо всем, а понимали бы друг друга

только в математике. Я постараюсь объяснить этот пункт, ибо всякий раз, когда вам трудно понять меня, я убежден, что это по моей вине.

Сладострастное обоняние не может остановиться на цветах; нежный слух не может слышать звуков; проворное и быстрое зрение не может обводить взором различных предметов; непостоянный и капризный вкус не может изменять вкусов; тяжеловесное и материальное осязание не может опираться на твердые предметы так, чтобы при этом у каждого из этих наблюдателей не осталось воспоминания одного, двух, трех, четырех и т. д. различных восприятий или одного и того же восприятия, повторенного один, два, три, четыре раза, а следовательно не осталось понятия о числах *один*, *два*, *три*, *четыре* и т. д. Неоднократные опыты, на основании которых мы приходим к убеждению в существовании вещей или их чувственных качеств, приводят нас в то же время к абстрактному понятию чисел, и если осязание например скажет: *я схватило два шара, один цилиндр*, то одно из двух: либо оно не понимает того, что говорит, либо вместе с понятиями шара и цилиндра оно будет обладать и понятиями о числах *один* и *два*, которые оно сможет путем абстракции отделить от тел, к коим оно их применяло и из которых оно создаст себе предмет для размышлений и вычислений—арифметических вычислений, если символы этих числовых понятий обозначают, взятые вместе или порознь, лишь определенную совокупность единиц,—алгебраических вычислений, если, будучи более общими, они охватывают, каждое неопределенным образом, любую совокупность единиц.

Но зрение, обоняние, вкус способны к такому же научному прогрессу. Таким образом наши чувства, разбитые на отдельные мыслящие существа, могли бы все подняться до самых возвышенных теорий арифметики и алгебры, проникнуть до глубин анализа, предложить друг другу самые сложные проблемы о природе уравнений и решить их так, как если бы они были Диофантами. Может быть устрица в своей раковине занимается этим.

Как бы то ни было, отсюда следует, что чистая математика попадает в нашу душу через все чувства и что абстрактные понятия должны быть нам очень привычны. Однако, так как наши потребности и наши удовольствия непрерывно уводят нас из сферы абстракций в сферу реальных вещей, то можно предположить, что наши олицетворенные чувства не могли бы вести долгой беседы, не связывая качеств вещей с абстрактным понятием чисел. Вскоре зрение стало бы испещрять свою речь и свои выкладки красками, а слух сказал бы о нем: «*Вот оно уже во власти своей мании*»; вкус: «*Это очень жаль*»; обоняние: «*Он чудесно понимает анализ*»; а осязание: «*Но это настоящий сумасшедший, когда оно заговаривает о своих красках*». То, что я говорю о зрении, вполне применимо к четырем остальным чувствам. Они все будут находить друг у друга смешные стороны, и почему бы наши чувства не стали отделять того, что они иногда соединяют?

Но у них будут общими не одни только понятия о числах. Обоняние, ставши математиком и рассматривая цветок как некий центр, найдет закон, по которому запах уменьшается вместе с расстоянием; и нет ни одного другого чувства, которое не могло бы подняться если не до вычисления, то по крайней мере до понятия об *интенсивности и ослаблении* (*rémission*). Можно было бы составить довольно любопытную таблицу чувственных качеств и абстрактных понятий как общих всем чувствам, так и свойственных только одному из них, но я не буду здесь заниматься этим. Замечу только, что, чем богаче было бы какое-нибудь чувство, тем больше было бы у него свойственных только ему понятий и тем более чудацким оно показалось бы другим чувствам. Оно относилось бы к ним как к ограниченным существам; но, со своей стороны, эти ограниченные существа серьезно считали бы его сумасшедшим. Замечу далее, что самое глупое из них наверное считало бы себя самым мудрым. Что какому-нибудь чувству противоречили бы только в том, что оно знало бы лучше всего. Что почти всегда четыре из них на-

падали бы на одно: это должно дать недурное представление о суждениях толпы. Что если бы образовать из наших олицетворенных чувств целый народ вместо общества из пяти особ, то этот народ неизбежно распался бы на пять сект: секту глаз, секту носов, неб, ушей и рук. Что у всех этих сект было бы одно и то же происхождение—невежество и интересы. Что дух нетерпимости и преследования забрался бы вскоре к ним. Что глаза были бы посажены в сумасшедший дом как галлюцианты, и носам относились бы как к идиотам, неб избегали бы как невыносимых по своим капризам и мнимой утонченности людей; уши ненавидели бы за их любопытство и надменность, а руки презирали бы за их материализм. И если бы какая-нибудь высшая сила помогала справедливым и милосердным намерениям каждой партии, то в одно мгновение весь этот народ был бы истреблен».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аристотель 42, 43
Арно, автор «Логики (Пор-
Рояля» 65
Архимед 88
Баркли 209
Бэкон 42
Бюффон 44, 65, 177
Де-Вассе 73
Декарт 65, 167, 252
Дидро, автор «Lettre sur ave-
ugles» и «Письма о глухо-
немых» 54, 277, 278
Диофант 279
- Лейбниц 65
Локк 42, 43, 44, 45, 47, 50, 65,
69, 121, 161, 190, 208—210
Мальбранш 50, 65, 105, 165,
208
Молинэ 44, 121, 209
Овидий 111
Паскаль 108, 110
Перипатетики 43
Платон 43, 165
Ферран 55, 70, 72, 117, 278
Чезельден 58, 121, 210, 211,
213, 215
-

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сочинения Кондильяка

1. «*Essai sur l'origine des connaissances humaines*», 2 vol., Amsterdam 1746 (2-me éd. 1754).
2. «*Traité des systèmes*», 2 vol., Amsterdam 1749.
3. «*Recherches sur l'origine des idées que nous avons de la beauté*», 2 vol., Amsterdam 1749.
4. «*Traité des sensations*», Paris et Londres, 2 vol., 1754.
5. «*Traité des animaux*», 2 vol., Amsterdam 1755.
6. «*Cours d'études pour l'instruction du prince de Parme*», 13 vol., Parme 1769—1773.
7. «*Le commerce et le gouvernement considérés relativement l'un à l'autre*», Amsterdam et Paris 1776.
8. «*La logique*», Paris 1781.
9. «*Langue des calculs*», Paris 1798.
10. «*Oeuvres*», ed. Thery, 16 vol., 1821—1823.

2. Работы о Кондильяке

1. *Cousin*, Philosophie sensualiste au XVIII siècle, Paris 1856.
2. *Réthoré*, Condillac ou empirisme et rationalisme, Paris 1864.
3. *Dewaul L.*, Condillac et la psychologie anglaise contemporaine, Paris 1892.
4. *Saltykov Wera*, Philosophie Condillac, Bern 1901.
5. *Damiron*, Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siècle, t. III, Paris 1864.
6. *Buguenault de Puchesse*, Condillac, sa vie, sa philosophie, son influence, 1910.
7. *Robert L.*, Les théories logiques de Condillac, 1869.
8. *Maynial E.*, Les Grammairiens philosophes du XVIII s. La grammaire de Condillac, «*Revue bleue*», 1903.
9. *Lebeau A.*, Condillac économiste, 1903.
10. *Didier*, Condillac, 1911.
11. *Lenoir*, Condillac, «*Revue Philosophique*», 1923.

12. *Pergoli B.*, Condillac in Italia, «Giornale Storico della Letteratura Italiana», t. XI.
13. *Mondolfo R.*, Un psicologo assiozianista Condillac, Palermo 1902.
14. *Picavet F.*, Condillac, sa vie et ses ouvrages, «Traité des sensations», 1886 et 1905.
15. *Havemann H.*, Der erkenntnistheoretische Standpunkt Condillacs, Jena 1912.

3. Работы Кондильяка и о Кондильяке на русском языке

1. «Логика», перевод А. Гронской, СПБ 1792 и 1814 гг.; другой перевод Т. Осиповского: «Логика, или умственная наука руководствующая к достижению истины», Москва 1804 г.
2. «История ума человеческого от первых успехов просвещения до Эпикура», изд. С. Глинки, Москва 1804 г.
3. «Трактат об ощущениях», сокращенный перевод в «Хрестоматии материализма», стр. 183—216, изд. 1923 г.
4. То же. Отрывок в «Книге для чтения по истории философии», т. II, стр. 29—42.
5. «О выгодах свободной торговли», Москва 1817 г.
6. *Маркс и Энгельс*, Святое семейство, Сочинения, т. III, стр. 154—159, изд. 1929 г.
7. *Маркс*, Капитал, т. I, стр. 103—104, изд. 1930 г.
8. *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Сочинения, т. XIII, стр. 28, изд. 1931 г.
9. *Ленин*, Философские тетради, стр. 46—47, изд. 1934 г.
10. *Ибервег-Гейнце*, История новой философии, вып. I, СПБ 1898 г., стр. 205—206.
11. *Виндельбанд*, История новой философии, т. I, стр. 326—330, изд. 1913 г.
12. *Фалькенберг Р.*, История новой философии, стр. 198—201, изд. 1910 г.
13. *Геттнер*, История всеобщей литературы XVIII в., т. II, стр. 328—334, изд. 1898 г.
14. *Гоголевский С.*, Философский лексикон, т. 3, стр. 167—179, изд. 1866 г.
15. *Д. Дидро*, Письмо о слепых в назидание зрячим, Избранные сочинения, т. I, стр. 28—50.
16. *Луппол И. К.*, Этьен Бонно де Кондильяк. Биографическая заметка в «Книге для чтения по истории философии», т. II, стр. 629—631, изд. 1925 г.
17. *Морлей*, Дидро и энциклопедисты, стр. 58—59 и 73—74, изд. 1882 г.
18. *Розенберг Д.*, История политической экономии, ч. 1, стр. 126, изд. 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Предисловие</i>	5
------------------------------	---

ВАЖНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ТРАКТАТА ОБ ОЩУЩЕНИЯХ»

(стр. 39—65)

<i>Важное предупреждение читателю</i>	41
<i>Извлечение из «Трактата об ощущениях»</i>	42
Резюме первой части	47
Резюме второй части	55
Резюме третьей части	57
Резюме четвертой части	61

ТРАКТАТ ОБ ОЩУЩЕНИЯХ

(стр. 67—264)

<i>План предлагаемого труда.</i>	69
<i>Трактат об ощущениях</i>	75

Первая часть

*О чувствах, не способных сами по себе судить
о внешних предметах*

(стр. 75—132)

<i>Глава I. О первых познаниях человека, ограниченного чувством обоняния.</i>	75
<i>Глава II. Об операциях разума у человека, ограниченного чувством обоняния, и о том, как различные степени удовольствия и страдания становятся принципом этих операций.</i>	76
<i>Глава III. О желаниях, страстях, любви, ненависти, надежде, страхе и воле у человека, ограниченного чувством обоняния</i>	94
<i>Глава IV. Об идеях человека, ограниченного чувством обоняния</i>	97

Глава V.	О сне и сновидениях человека, ограниченного чувством обоняния	106
Глава VI.	О «я» или личности человека, ограниченного чувством обоняния	108
Глава VII.	Заключение предыдущих глав	109
Глава VIII.	О человеке, ограниченном чувством слуха.	111
Глава IX.	О чувстве обоняния и чувстве слуха, взятых вместе.	115
Глава X.	Об одном чувстве вкуса и о чувстве вкуса в соединении с чувствами обоняния и слуха.	117
Глава XI.	О человеке, ограниченном чувством зрения	119
Глава XII.	О времени в соединении с обонянием слухом и вкусом.	130

Вторая часть

О чувстве осязания, или единственном чувстве, которое способно само по себе судить о внешних предметах

(стр. 132—179)

Глава I.	О минимуме ощущения у человека, обладающего только чувством осязания.	132
Глава II.	Этот человек, ограниченный минимумом ощущения, не имеет никакой идеи ни о протяжении, ни о движении.	133
Глава III.	Об ощущениях, которые приписывают чувству осязания и которые не дают однако никакой идеи о протяжении.	135
Глава IV.	Предварительные соображения, необходимые для решения вопроса: как мы <i>переходим от наших ощущений к познанию тел</i>	136
Глава V.	Каким образом человек, ограниченный чувством осязания, открывает свое тело и узнает, что существует нечто вне его	139
Глава VI.	Об удовольствии, страдании, потребностях и желаниях человека, ограниченного чувством осязания	144
Глава VII.	О том, как человек, ограниченный только чувством осязания, начинает открывать пространство.	147
Глава VIII.	Об идеях, которые может приобрести человек, ограниченный чувством осязания	151
Глава IX.	Соображения, способные облегчить понимание того, что будет сказано о времени	166
Глава X.	Об отдыхе, сне и пробуждении у человека, ограниченного чувством осязания	170

Глава XI.	О памяти, воображении и сновидениях человека, ограниченного чувством осязания.	171
Глава XII.	О главном органе чувства осязания.	177

Третья часть

Как чувство осязания научает другие чувства судить о внешних предметах

(стр. 179—225)

Глава I.	О чувстве осязания в соединении с чувством обоняния	179
Глава II.	О чувствах слуха, обоняния и осязания, взятых вместе	184
Глава III.	Как глаз научается видеть расстояние, положение, фигуру, величину и движение тел	187
Глава IV.	Почему мы склонны приписывать времени идеи, которыми мы обязаны только осязанию; при помощи какого ряда рассуждений удалось уничтожить этот предрассудок	206
Глава V.	Об одном слепорожденном, у которого сняли катаракту	210
Глава VI.	Как следовало бы наблюдать слепорожденного, у которого снимают катаракту	215
Глава VII.	Об идее длительности, сообщаемой зрением вместе с осязанием	217
Глава VIII.	Как прибавление зрения к осязанию дает некоторые сведения о продолжительности сна и научает различать состояние сна от состояния бодрствования	220
Глава IX.	О системе (<i>chaine</i>) знаний, об абстракциях и желаниях, когда зрение прибавляется к осязанию, слуху и обонянию	224
Глава X.	О вкусе в соединении с осязанием	223
Глава XI.	Общие соображения о соединении всех пяти чувств	224

Четвертая часть

*О потребностях, ловкости (*industrie*) и идеях изолированного человека, пользующегося всеми своими чувствами*

(стр. 226—264)

Глава I.	Как этот человек научится удовлетворять свои потребности с выбором	228
		287

Г л а в а	II.	О состоянии человека, предоставленного самому себе; каким образом случайности, которым он подвергается, способствуют просвещению его	235
Г л а в а	III.	О суждениях, которые предоставленный самому себе человек может составлять насчет хорошести (<i>bonté</i>) и красоты вещей	240
Г л а в а	IV.	О суждениях, составляемых предоставленным самому себе человеком насчет предметов, от которых он зависит . .	242
Г л а в а	V.	О недостоверности наших суждений насчет существования чувственных качеств	244
Г л а в а	VI.	Соображения об абстрактных и общих идеях, которые может приобрести человек, живущий вне всякого общества.	245
Г л а в а	VII.	Об одном человеке, найденном в литовских лесах.	251
Г л а в а	VIII.	О человеке, который вспомнил бы, что он стал последовательно пользоваться своими чувствами	254
Г л а в а	IX.	Заключение	261

РАССУЖДЕНИЕ О СВОБОДЕ

(стр. 265—273)

ОТВЕТ НА ОДИН УПРЕК, СДЕЛАННЫЙ МНЕ ПО ПОВОДУ ИДЕИ «ТРАКТАТА ОБ ОЩУЩЕНИЯХ»

(стр. 275—281)

<i>Указатель имен</i>	282
<i>Указатель литературы</i>	283

300854
кн

ЗАМЕНЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Надо</i>
18	1 сверху	существует	существуют
44, 121		Молине	Молинэ
130	21 сверху	идеи, фигуры,	идеи фигуры,
261	21 сверху	ей кажется, она	ему кажется, оно
		существует	существует
352	16 сверху	подражанию	подражанию

Лондильяк, Трактат об учениях